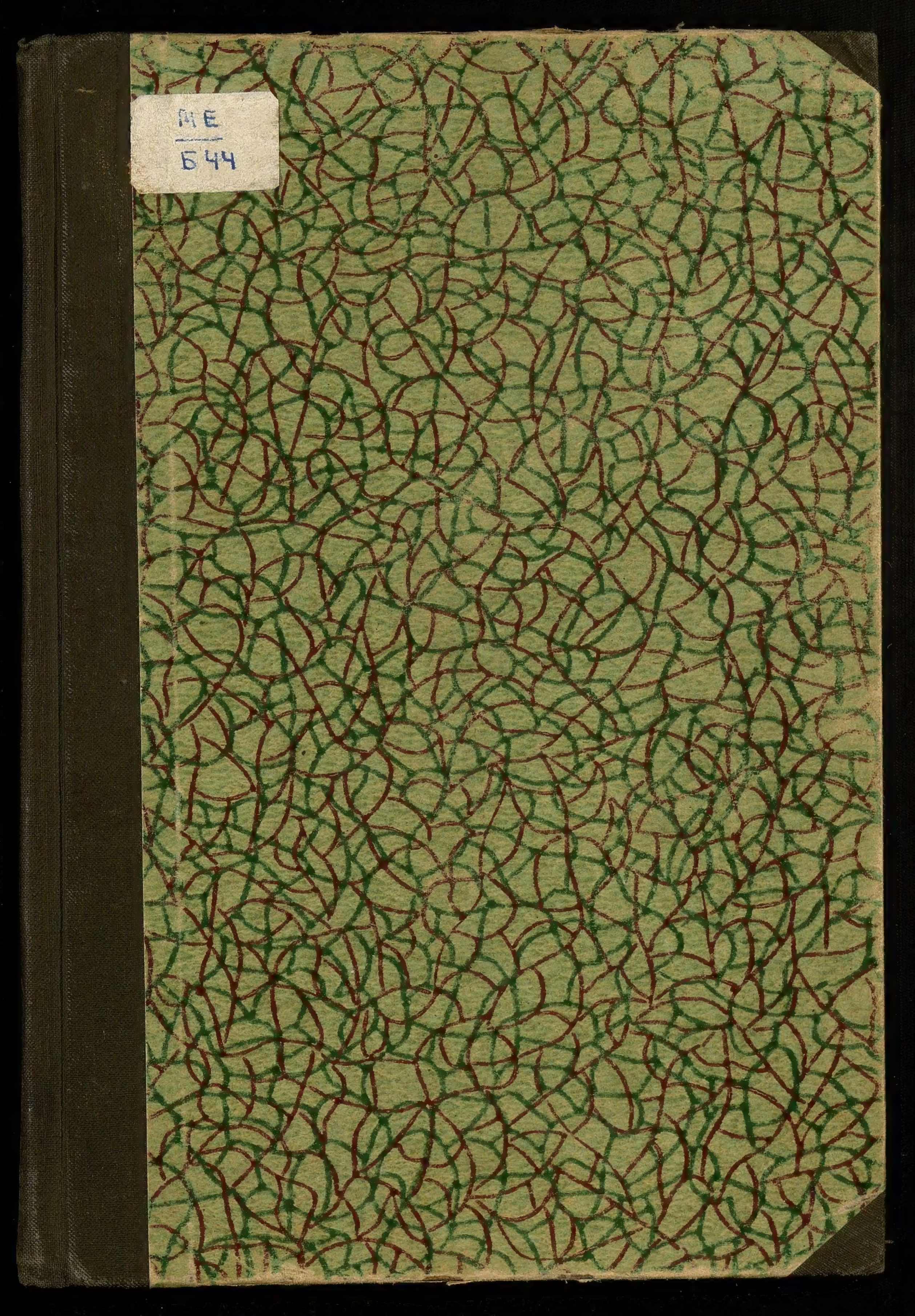
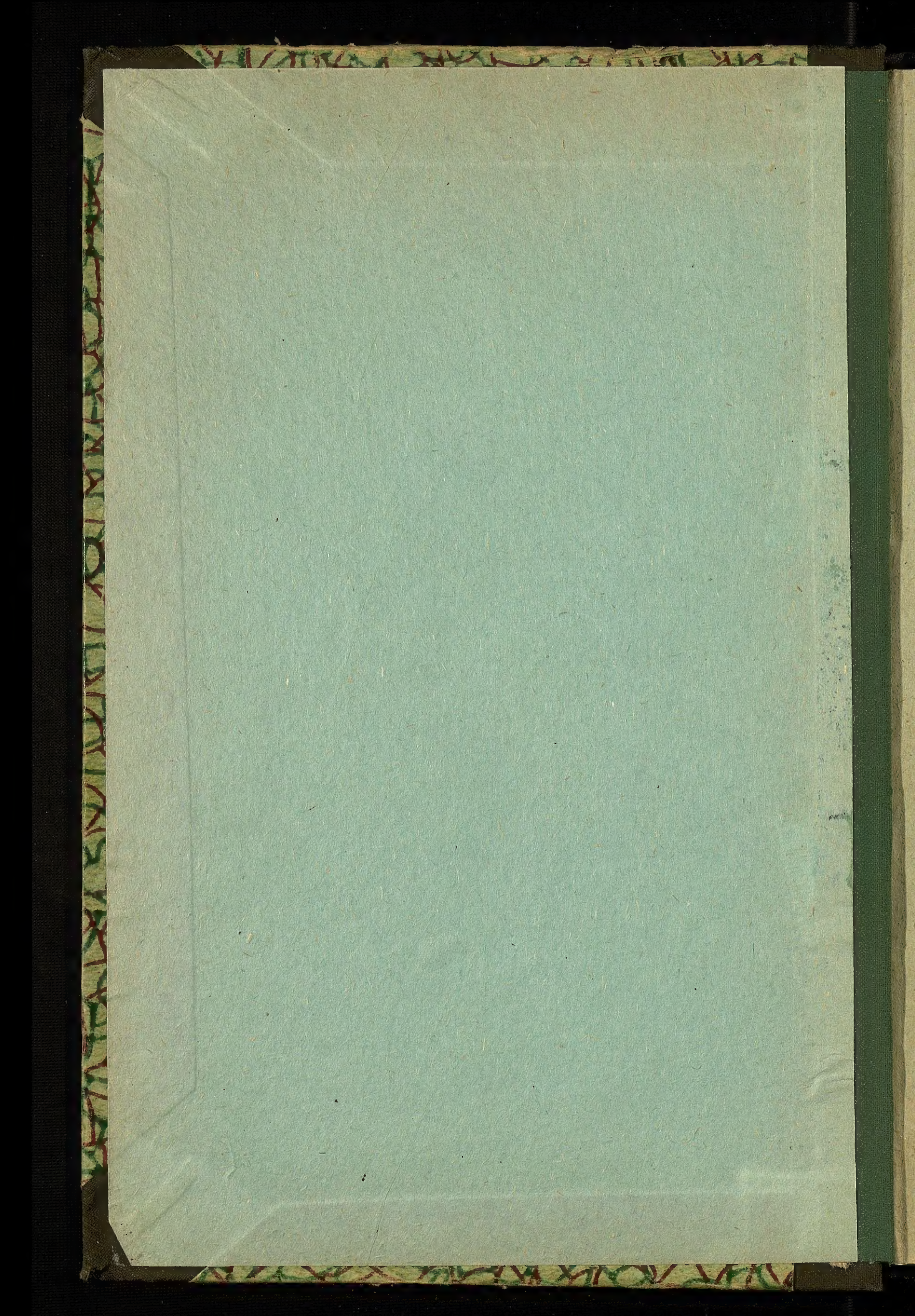

ME
Б44

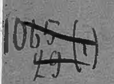

Ив. Д. Бѣляевъ.

СУДЬБЫ

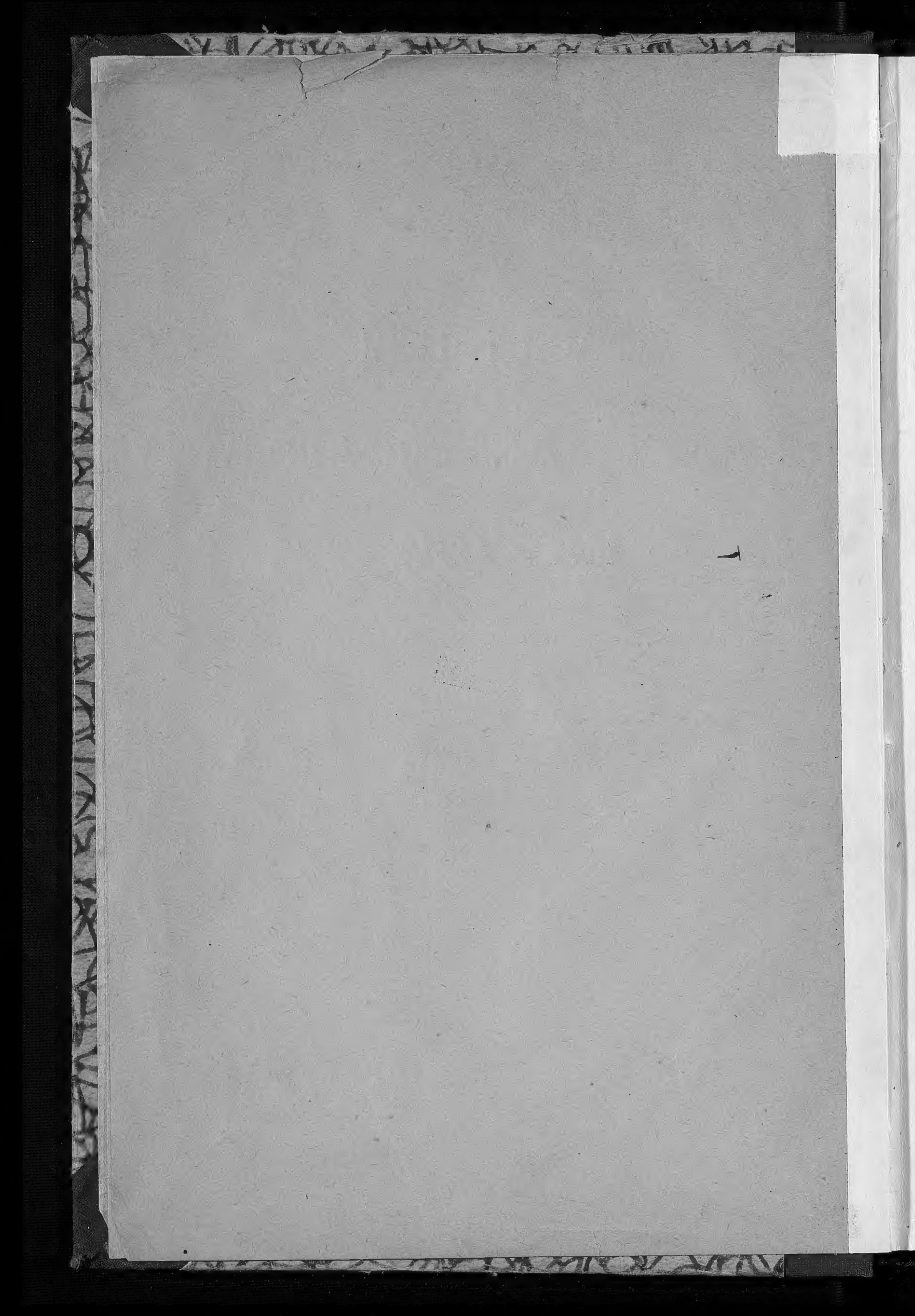
ЗЕМЩИНЫ И ВЫБОРНАГО НАЧАЛА

НА РУСИ.

ИЗДАНІЕ
ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ
при Московскомъ Университетѣ.

МОСКВА.
Типографія О-ва Р. П. книгъ, аренд. В. И. Вороновымъ, Моховая пр. манежа, д. кн. Гагарина.
1906.

Ив. Д. Бѣляевъ.

СУДЬБЫ
ЗЕМЩИНЫ И ВЫБОРНАГО НАЧАЛА
НА РУСИ.

ИЗДАНІЕ
ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ
при Московскомъ Университетѣ.

МОСКВА—1905.
Типографія Общества распространенія полезныхъ книгъ,
арендуемая В. И. Вороновымъ.
Моховая, противъ манежа, д. кн. Гагарина.

Печатано подъ наблюденіемъ Дѣйствительнаго Члена

С. А. Бѣлокурова.

Въ 1864 году великая княгиня Елена Павловна выразила желаніе Юрію Өедоровичу Самарину, чтобы было написано изслѣдованіе о начаткахъ представительныхъ учрежденій въ Россіи. Исполняя волю великой княгини, Ю. Ө—чъ составилъ програму такого изслѣдованія и посовѣтовалъ поручить работу проф. Императорскаго Московскаго университета Ивану Дмитріевичу Бѣляеву.

Программа сохранилась въ двухъ видахъ: въ русскомъ первоначальномъ наброскѣ и во французскомъ переводѣ, сдѣланномъ Ю. Ө. вѣроятно для представленія на одобреніе великой княгини. Вотъ русскій текстъ программы:

„Задача изслѣдованія: показать—какое участіе, въ различныя эпохи нашей исторіи, принималъ русскій народъ въ дѣйствіяхъ правившей имъ власти; кто именно этимъ участіемъ пользовался (весь ли народъ или нѣкоторыя сословія); при какихъ обстоятельствахъ это участіе возникало, расширялось или стѣснялось; въ чемъ оно обнаруживалось и какія имѣло послѣдствія.

I. Древнѣйшая эпоха до смерти Ярослава I. Основные элементы русскаго общества въ IX—XI вѣкахъ: 1) князь, 2) его дружина—зародышъ будущаго служилаго сословія, 3) земство.

II. Эпоха удѣловъ до Московскаго единодержавія. 1) Князья, 2) ихъ дружины, 3) земство: вѣча городовыя и областныя; выборные отъ земства. Троякое участіе земства и его представителей въ политическихъ дѣлахъ: *совѣщательное* участіе по призыву самого князя; участіе *оппозиціонное*, какъ силы по временамъ сдерживавшей и ограничивавшей князя; участіе *учредительное* въ смутныя времена и въ случаяхъ временнаго упраздненія княжеской власти: призваніе и удаленіе удѣльныхъ князей, участіе въ ихъ междоусобныхъ войнахъ и т. д. Подробнѣе объ отношеніяхъ князей къ Новгороду и Пскову.

III. Эпоха царей московскихъ до Петра I. 1) Царь, 2) служилое сословіе и духовенство, 3) земство. Паденіе мѣстныхъ,

областныхъ земскихъ учрежденій и образованіе представительныхъ учрежденій государственныхъ: земскія Думы. Краткая исторія земскихъ Думъ. Двоякое участіе земскихъ Думъ въ дѣлахъ государственныхъ: *совѣщательное*, по призыву царя, въ дѣлахъ законодательства, войны и мира и т. д. и *учредительное* для возстановленія верховной власти, когда она ослабѣвала или изчезала (избранія царей и народное движеніе 1612 года). Какимъ порядкомъ созывались земскія Думы? Каковъ былъ составъ земскихъ Думъ? Вліяніе крѣпостного права. Способъ представительства: по сословіямъ, по областямъ. Порядокъ совѣщанія.

IV. Эпоха позднѣйшая отъ Петра I. Вліяніе Петровской реформы на развитіе нашихъ представительныхъ учрежденій. Невозможность всенароднаго представительства вслѣдствіе крѣпостнаго права и внесеннаго въ русское общество раздвоенія. Безплодное стремленіе аристократіи къ обособленію себя и къ ограниченію въ своихъ интересахъ верховной власти (неудавшаяся попытка олигархической конституціи при Аннѣ Іоанновнѣ). Другая, одинаково безплодная попытка императрицы Екатерины II привлечь всю землю къ участію въ законодательствѣ. Уцѣлѣвшій остатокъ представительныхъ учрежденій въ мірскомъ устройствѣ нашего сельскаго сословія".

Въ этомъ видѣ программа была одобрена великой княгиней; Ив. Д. Бѣляевъ согласился ее исполнить приблизительно въ теченіе одного года. Но въ назначенный срокъ, въ 1865 году, работа не могла быть окончена вслѣдствіе того, что Ив. Д—чу приходилось въ это время писать и защищать докторскую диссертацію. Только въ началѣ 1866 года онъ передалъ свою работу Ю. Ѳ. Самарину, который долженъ былъ ее пересмотрѣть и частью передѣлать; послѣднее однако не пришлось исполнить и изслѣдованіе И. Д. Бѣляева осталось ненапечатаннымъ. Оно сохранялось въ бумагахъ Ю. Ѳ. Самарина, а въ настоящее время передано Д. Ѳ. Самаринымъ въ собственность Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ университетѣ.

Въ виду того, что оно доселѣ не было напечатано (см. списокъ всѣхъ работъ Ив. Д. Бѣляева, составленный П. Н. Мрочекъ-Дроздовскимъ и напечатанный во II книгѣ Чтеній сего Общества за 1905 г.), и является особымъ произведеніемъ Ив. Д. Бѣляева сравнительно съ работой его: „Земскіе соборы на Руси" (Рѣчь, читанная 12 января 1867 г. на торжественномъ актѣ Императорскаго Московскаго университета, напечатана въ Московскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ 1866—1867 гг., № 4, стр. 241—306), заключающей въ себѣ только нѣсколько не-

значительныхъ сходныхъ мѣстъ, — эта работа Ив. Д. Бѣляева и выпускается нынѣ въ свѣтъ.

Рукопись, по которой она издается,—бѣловой списокъ, въ листъ, на 130 листахъ, съ полями въ половину страницы. Онъ былъ просмотрѣнъ самимъ Ив. Д. Бѣляевымъ, который мѣстами исправляетъ описки писца, (пиша по подчищенному) и вписываетъ пропущенныя слова („принадлежало", „отъ", „мнѣ", „вновь", „присылаютъ же", „городскими повинностями и такимъ образомъ передалъ управленіе"); имъ самимъ написаны послѣднія заключительныя слова: „Теперь череда Обществу правильно исполнить свои обязанности. *Ив. Бѣляевъ*".

Славянскія племена, заселявшія Русскую землю, по свидѣтельству древнѣйшихъ историческихъ памятниковъ, искони, или какъ только дошла о нихъ память, жили въ общинномъ бытѣ; другой формы быта у Русскихъ Славянъ памятники не представляютъ, за исключеніемъ только однихъ Полянъ, поселившихся по правому берегу Днѣпра, въ среднемъ его теченіи, о которыхъ первый русскій лѣтописецъ Несторъ говоритъ: „Поляне живяху кождо съ родомъ своимъ и на своихъ мѣстѣхъ, владѣюще кождо родомъ своимъ". Но и у Полянъ родовой бытъ съ теченіемъ времени утратился и еще въ доисторической древности (для этого края) образовалась община, и представителемъ цѣлаго племени былъ уже не родоначальникъ, или старѣйшина, а старшій въ племени городъ Кіевъ, первая Полянская община на Днѣпрѣ.

Славяне, по свидѣтельству Нестора, пришельцы съ стараго Дуная, при занятіи Русской земли держались порядка чисто колоніальнаго, мирнаго; о завоеваніяхъ Славянъ въ здѣшнемъ краю нѣтъ никакихъ извѣстій, а самое устройство общественнаго быта Славянъ на Руси ясно говоритъ, что здѣсь завоеваній не было и вся земля занята мирно посредствомъ постепеннаго распространенія Славянскихъ поселеній, частію въ мѣстахъ совершенно пустующихъ, никѣмъ не занятыхъ, и частію въ мѣстахъ, въ которыхъ хотя и были поселенія туземныхъ племенъ Латышскихъ и Финскихъ по непроходимымъ лѣсамъ и болотамъ, но гдѣ поселенія туземцевъ были очень рѣдки, а пустующей земли очень много, такъ что туземцы въ первоначальное время долго не могли и замѣтить Славянскихъ поселеній въ ихъ краю, а когда и замѣчали, то по многоземельности и рѣдкости собственнаго населенія не находили нужнымъ воевать изъ-за земли съ Славянами, ежели Славяне сами не подвигались къ ихъ селеніямъ; а Славянамъ первоначально слабымъ и не многочисленнымъ по обширности земли не было надобности тѣснить старожиловъ туземцевъ. Такимъ образомъ во всемъ краю не было надобности въ войнахъ и за-

военаніяхъ; Славяне мирно не спѣша, но постоянно подвигались въ глубину пустынь и лѣсовъ по мѣрѣ того, какъ требовало развитіе ихъ промысловъ; будучи немногочисленными пришельцами въ занимаемой землѣ, они подвигались осторожно и осмотрительно, старались напередъ занимать мѣста на путяхъ сообщенія, по рѣкамъ и озерамъ (на что указываютъ всѣ древніе славянскіе города въ Русской землѣ); занявши какое-нибудь мѣсто, они прежде всего строили городъ и укрѣпляли его на случай нападенія туземцевъ, и всею массою, занявшею какую-либо мѣстность, держались въ городѣ не разсыпаясь, чтобы постоянно быть сильнѣе разсыпанныхъ туземцевъ, и изъ города выходили на свои промыслы, расчищали и выжигали окрестные лѣса себѣ подъ пашню, и что расчистили, считали своимъ, *бѣлымъ, обѣленнымъ*, а что еще не успѣли расчистить и обработать, называли *дикимъ*, никому не принадлежащимъ, никѣмъ не присвоеннымъ. Отсюда на всемъ пространствѣ Русской Исторіи по памятникамъ мы постоянно встрѣчаемъ названія: — *дикое поле, дикой лѣсъ* въ противоположность названію—*моя земля, мой лѣсъ*, или земля такого-то. Отсюда въ древней Руси выработался юридическій терминъ для опредѣленія границъ поземельнаго владѣнія: „а наша земля, что къ нашимъ деревнямъ изъ старины потягло, куда изъ нашихъ деревень плугъ и топоръ, коса и соха ходили“.

Городъ, построенный Славянами, сколько былъ крѣпостью, столько же или еще больше центромъ ихъ поселенія въ занятой землѣ, главнымъ гнѣздомъ того племени, которое выстроило городъ; изъ города они ходили по рѣкамъ и лѣсамъ для рыболовства и звѣроловства, и для разчистки и обработки полей подъ пашню, какъ прямо говоритъ княгиня Ольга Коростенцамъ: „а всѣ города ваши предались, и обязались платить дань, и воздѣлываютъ нивы свои и земли свои“. По мѣрѣ того какъ жители какого-либо города подвигались для своихъ земледѣльческихъ промысловъ въ глубь страны и отдалялись отъ своего города, они сперва строили себѣ поселки на время лѣтнихъ работъ, чтобы не тратить дорогаго лѣтняго времени на проходъ отъ своего городскаго жилища до отдаленной нивы (какъ это и теперь дѣлаютъ русскіе крестьяне въ многолѣсныхъ и пустынныхъ уѣздахъ Пермской губерніи и въ Сибири); потомъ мало-по-малу лѣтніе временные поселки обращались въ постоянныя села и деревни, какъ выселки изъ города; но выселенцы, проживая въ деревняхъ, не переставали быть членами городской общины, и слѣдовательно судомъ и управою и данью тянули къ городу. Когда же села и деревни, по мѣрѣ занятія дикой земли слишкомъ далеко отодвигались отъ города, такъ что и городу становилось неудобнымъ подавать имъ помощь въ случаѣ нужды, да и жителямъ селъ и деревень дѣлалось

затруднительнымъ постоянное сношеніе съ городомъ,—то изъ стараго города выводилась колонія, которая на границѣ съ дикою землею, на удобномъ мѣстѣ, строила новый городъ, или *пригородъ*. Пригородъ къ старому городу, какъ его колонія, выселокъ, находился въ такихъ же отношеніяхъ, какъ и другіе выселки, и земля принадлежащая къ пригороду, такъ же какъ селамъ и деревнямъ, считалась землею стараго города; но пригородъ въ тоже время дѣлался центромъ и опорною точкою для окружныхъ селеній и деревень, которыя тянули къ нему судомъ и управою. Отъ пригорода впослѣдствіи, по мѣрѣ поступленія племени въ глубь страны, выводилась также колонія и строила новый пригородъ, тянущій къ прежнему пригороду. И мало-по-малу съ теченіемъ времени и съ развитіемъ славянскихъ поселеній вся Русская земля гуще или рѣже покрылась сѣтью городовъ, такъ что отъ сѣверо-западныхъ своихъ сосѣдей, Скандинавовъ, получила названіе страны городовъ—Gardarikia.

Но всѣ новые города, или пригороды, сколько бы ихъ ни было и какъ бы далеко они ни выдвинулись въ глубь страны въ разныя стороны, какъ колоніи, выселки изъ стараго города, находились въ подчиненіи и зависимости отъ него, получали отъ него приказанія и правителей, платили ему дань, и такъ тѣсно были связаны съ нимъ, что всѣ ихъ земли признавались землею стараго города. Такъ напримѣръ пространнѣйшія Новгородскія владѣнія, заключавшія въ себѣ множество сильныхъ и богатыхъ городовъ, бывшихъ пригородами, или колоніями Новгорода, назывались Новгородскою землею. Или многочисленные города и села, составлявшіе колоніи Полотска и разсыпанныя въ Литовскомъ краю, составляли одну Полотскую землю. Или всѣ земли Кіевскихъ пригородовъ носили названіе Кіевской земли и дѣйствительно составляли Кіевскую землю, принадлежали Кіеву и назывались Кіевскою волостью или властью.

Отношеніе пригородовъ къ своимъ старымъ городамъ по всей Русской землѣ безъ исключенія лѣтописецъ выражаетъ слѣдующими, самыми мѣткими и наглядными словами: „Новгородци бо изначала, и Смольняне, и Кіяне, и Полочане, и вся власти (волости, страны) якоже на думу на вѣча сходятся, на чтоже старѣйшіе сдумають, на томъ же пригороды станутъ“ (Лаврент. лѣт. стр. 160). Это свидѣтельство лѣтописи ясно и прямо говоритъ, что вся Русская земля, занятая Славянами, изъ начала раздѣлялась на власти, или волости, страны принадлежащія тому или другому Славянскому племени, и въ каждой странѣ былъ свой старшій городъ, къ которому тянули всѣ пригороды той страны, и вся страна управлялась вѣчемъ, народнымъ собраніемъ стараго города; какъ распорядится вѣче стараго города, такъ и должны поступать всѣ его пригороды. Въ вѣчѣ, въ

народномъ собраніи заключалась верховная власть надъ страною, не смотря на то, управлялась ли страна племеннымъ княземъ въ монархической формѣ, какъ напримѣръ въ Землѣ Древлянской, или выборными начальниками, назначенными вѣчемъ, въ чисто-республиканской формѣ, какъ напримѣръ въ Новгородѣ Великомъ. Форма правленія, какая бы она ни была, по свидѣтельству лѣтописей, не уничтожала верховной власти вѣча.

Относительно старожиловъ, туземцевъ не Славянскаго племени, между которыми поселились на Руси Славяне, пришедшіе съ Дуная, они держались вездѣ одного порядка, чтобы съ старожильцами состоять въ мирныхъ сношеніяхъ, по мѣрѣ возможности сближаться съ ними, вести съ ними торговлю, на которую постоянно разсчитывали пришельцы Славяне, и считать ихъ равноправными съ собою, ежели бы туземцы вздумали войти съ ними въ союзъ; но ежели бы туземцы задумали тѣснить ихъ, то отражать силу силою. Держась таковаго порядка, Славяне на сѣверѣ, сѣверо-востокѣ и сѣверо-западѣ Русской земли, гдѣ имъ приходилось именно селиться между старожильцами, мало-по-малу достигли того, что уже въ началѣ IX вѣка, а можетъ быть еще и въ VIII вѣкѣ, весь этотъ край представлялъ громаднѣйшій союзъ Славянскихъ, Финскихъ и Латышскихъ племенъ, въ которомъ и Финнъ, и Латышъ, и Славянинъ были рѣшительно равноправными и отличались другъ отъ друга только племеннымъ происхожденіемъ, языкомъ и вѣроятно религіею. Но какъ во всемъ этомъ краю города были чисто Славянскіе и тянули или къ Полотску, или къ Новгороду, или къ Смоленску,—то и типъ всему этому краю былъ сообщенъ болѣе или менѣе Славянскій, ибо туземцы, вступая въ союзъ съ Славянами, съ тѣмъ вмѣстѣ принимали и Славянскую цивилизацію, какъ сравнительно высшую передъ ихъ цивилизаціей, тянули къ Славянскимъ городамъ, построеннымъ въ ихъ землѣ, за одно и въ одинаковой мѣрѣ съ самими Славянами, и принимали одинаковое съ Славянами участіе въ судьбахъ ихъ земли, одинаковый съ Славянами имѣли голосъ на вѣчѣ, и пользовались точно тѣми же правами, при выборѣ въ разныя общественныя должности, какъ и Славяне, за ними же оставалась и вся прежняя земля только уже съ значеніемъ Славянской земли, а не Финской или Латышской. И таковый порядокъ соблюдался не только въ первыя времена Славянскаго поселенія на Русской землѣ, но и въ продолженіе всей древней Русской исторіи. Напримѣръ, въ Новгородской землѣ до самаго паденія Новгорода, или до конца XV вѣка, Финскія племена Води, Ижоры, Корѣлы и другія, хотя и удерживали свое племенное отличіе, тѣмъ не менѣе уже давно были соединены съ Новгородомъ, приняли его цивилизацію и считались членами Новго-

родскаго общества наравнѣ съ Славянами. Или въ землѣ Полотской разныя Литовскія племена, несмотря на то, что удерживали свое племенное отличіе, языкъ, религію и даже своихъ племенныхъ князей, тѣмъ не менѣе давно уже состояли въ союзѣ съ Полочанами и были членами Полотскаго общества. И когда въ слѣдствіе разныхъ историческихъ обстоятельствъ Полотскъ палъ, то Литва, заступивши мѣсто Полочанъ, явилась въ качествѣ Полочанъ же, съ Полотскою цивилизаціею, съ Полотскими законами и даже съ Полотскимъ или Бѣлорусскимъ оффиціальнымъ языкомъ въ дѣлахъ общественнаго управленія и въ сношеніяхъ съ сосѣдями. Такъ что вся перемѣна состояла только въ перемѣнѣ столицы и княжеской династіи, т.-е. мѣсто Полотска заступилъ Полотскій пригородъ Вильна, и вмѣсто потомства Изяслава Владиміровича стали княжить сперва домъ Миндовга, а по прекращеніи его домъ Гедимина племенныхъ Литовскихъ князей.

Славяне на Руси держались обычая принимать къ себѣ въ общество на равныхъ съ собою правахъ не только старожильцевъ туземцевъ, между которыми они поселились, но даже иноплеменниковъ пришельцевъ, которымъ дозволяли жить на своей землѣ. Такъ напримѣръ кочевые Торки, Берендеи и частію Печенѣги, допущенные Кіевлянами поселиться на Кіевской землѣ по Роси, пользовались одинакими правами съ Кіевскими Славянами и вмѣстѣ съ Кіевлянами принимали участіе въ выборѣ князей на Кіевскій престолъ и въ защитѣ Кіевской земли, такъ что князь, желавшій занять Кіевскій престолъ, долженъ былъ искать расположенія къ себѣ, какъ у Кіевлянъ, такъ и у полукочевыхъ жителей Поросья,—или у Торковъ, Берендеевъ и Печенѣговъ. Точно такъ же и Черниговцы въ XII столѣтіи на подобныхъ же правахъ дозволили построить на Черниговской землѣ города Хозарамъ, Печенѣгамъ и нѣкоторымъ колѣнамъ Половцевъ. На таковыхъ же условіяхъ Москвичи въ XV столѣтіи дозволяли селиться по Окѣ Татарамъ, даже не препятствуя имъ управляться своими князьями или ханами, напримѣръ въ Касимовѣ.

Вообще Славяне на Руси никогда и ничѣмъ не заявляли желанія изолировать свое племя отъ другихъ племенъ, жившихъ на той же землѣ; а напротивъ постоянно старались сближаться съ ними и сообщать имъ свою цивилизацію, но не насиліемъ, а единственно сопоставленіемъ своей высшей цивилизаціи и общественнаго развитія съ низшею цивилизаціею туземцевъ или полудикихъ пришельцевъ. Отсюда славянскіе города и пригороды, разсыпанные въ лѣсахъ и пустыняхъ Латышскаго и Финскаго племенъ, имѣли двоякое историческое значеніе: они съ одной стороны служили центрами и точками опоры Славянскимъ колоніямъ, а съ другой стороны несли миссію

сообщенія полудикимъ иноплеменникамъ Славянской цивилизаціи и просвѣщенія и даже полнаго претворенія ихъ въ Славянъ, какъ это напримѣръ было въ земляхъ Мери, Веси и Муромы, гдѣ Новгородскія колоніи съ своими городами Ростовомъ, Бѣлымъ озеромъ, Суздалемъ и Муромомъ имѣли такой громадный успѣхъ, что на всемъ этомъ обширномъ пространствѣ Финскихъ земель мало-по-малу не осталось другихъ слѣдовъ пребыванія здѣсь Финновъ, кромѣ нѣкоторыхъ урочищъ съ Финскими названіями, нѣкоторыхъ Финскихъ повѣрій по мѣстамъ въ простонародьи, нѣкоторыхъ едва замѣтныхъ физіологическихъ признаковъ въ типѣ лица въ иныхъ немногихъ мѣстностяхъ, и нѣсколькихъ отрывочныхъ Финскихъ словъ, проскакивающихъ въ рѣчи простонародья по инымъ деревнямъ, впрочемъ уже принявшихъ славянскія формы. Во всѣхъ же прочихъ отношеніяхъ этотъ издревле Финскій край и его коренные жители рѣшительно ославянились, приняли весь строй жизни Новгородскихъ Славянъ и даже утратили всякую память о своемъ Финскомъ происхожденіи, такъ что еще въ XII столѣтіи съ своимъ княземъ Юріемъ Долгорукимъ и его дѣтьми явились на Югѣ, въ Приднѣпровьѣ, какъ чистые представители Сѣверо-восточнаго славянства.

Городъ, будучи гнѣздомъ Славянской цивилизаціи, точкою опоры славянства на Руси, хранилищемъ и вмѣстѣ образцомъ и распространителемъ общественнаго строя жизни Русскихъ Славянъ, естественно сообщалъ свой характеръ всей подчиненной ему странѣ, такъ что пригороды были сколками, подобіями стараго города, а селенія подобіями пригородовъ относительно общественнаго строя жизни. Какъ городъ былъ общиною, или союзомъ общинъ, управлявшихся своимъ вѣчемъ, такъ и пригородъ былъ общиною, или союзомъ общинъ, и онъ также управлялся своимъ вѣчемъ, хотя находился въ подчиненіи вѣчу стараго города; точно также и селеніе, или нѣсколько селеній, соединенныхъ между собою общими интересами, составляли общину и управлялись своимъ вѣчемъ, или сходкою, въ то же время состоя въ подчиненіи вѣчу своего города, на землѣ котораго находились. Мало этого, городской общинный строй жизни у Русскихъ Славянъ проникъ даже въ семейство, такъ что славянское на Руси семейство было столько же родовымъ, кровнымъ, сколько и общиннымъ союзомъ, въ которомъ всѣ взрослые члены семейства имѣли свой голосъ въ семейной думѣ, и представителемъ котораго былъ не отецъ, или родоначальникъ, а хозяинъ. Конечно, ежели отецъ семейства былъ живъ и чувствовалъ себя въ силахъ, то онъ же былъ и хозяиномъ, представителемъ семейства; но какъ скоро отецъ умиралъ, или отказывался отъ хозяйства по старости или нездоровью, то семейная дума выбирала въ хозяева и представителя семейства способнѣйшаго, хотя

бы и не старшаго по родству, какъ это и теперь дѣлается въ крестьянскихъ семействахъ на Руси. Но и не въ этомъ одномъ замѣтно сходство съ общиною въ славянской семьѣ на Руси, а и въ томъ, что семья точно такъ же, какъ и община, принимаетъ въ себя пришельцевъ, или пріемышей, вовсе не родню, и даетъ имъ право членовъ семейства наравнѣ съ родными, и смотря по способностямъ выбираетъ ихъ даже въ хозяева или представители семейства.

При таковомъ внутреннемъ, болѣе или менѣе одинаковомъ устройствѣ общественной жизни на всѣхъ степеняхъ общества, начиная отъ старшаго города до семьи, Славяне на Руси въ древности представляли нѣсколько самостоятельныхъ независимыхъ міровъ, изъ коихъ каждый составлялъ отдѣльное племя, или отрасль племени. Міры сіи, одни какъ на юго-западѣ не имѣли никакой связи другъ съ другомъ, — каковы: Волынь, земля Полянъ, земля Древлянъ и земля Сѣверянъ; а другіе на оборотъ состояли въ нѣкоторомъ болѣе или менѣе слабомъ союзѣ другъ съ другомъ, таковы: Новгородцы, Кривичи и Полочане; ибо Кривичи и Полочане еще помнили, что они когда-то были выселенцами изъ Новгорода, и иногда подчинялись Новгородскому вліянію. Каждый изъ сихъ міровъ управлялся самъ собою по общему у всѣхъ на Руси міровъ порядку,—или вѣчемъ и княземъ съ лучшими мужами, держащими землю, или вѣчемъ и лучшими мужами, носившими названіе старѣйшинъ, или владѣльцевъ, или бояръ, т. е. большихъ людей въ противоположность меньшимъ или молодшимъ людямъ, какъ выражались на старомъ оффиціальномъ языкѣ. Міры сіи раздѣлялись на большіе—состоявшіе изъ цѣлаго племени, средніе—обнимавшіе жителей одного города съ его областью, и меньшіе—состоявшіе изъ одной городской или сельской общины. Большимъ міромъ, по приведенному выше свидѣтельству: „на чемъ старшіе сдумаютъ, на томъ и пригороды станутъ“, подчинялись средніе міры, а среднимъ меньшіе, такъ что каждый міръ подчинялся вѣчу того міра, къ которому онъ тянулъ по землѣ и водѣ, или иначе на землѣ котораго онъ стоялъ. При таковомъ порядкѣ вѣче каждаго міра составлялось только изъ членовъ этого міра или общины и не было надобности въ приглашеніи депутатовъ изъ подчиненныхъ ему міровъ или общинъ. Такъ вѣче старшаго города состояло только изъ гражданъ самаго старшаго города, вѣче пригорода изъ гражданъ пригорода, вѣче сельской общины только изъ членовъ этой общины.

Право на участіе въ вѣчѣ принадлежало всѣмъ членамъ общины, но только членамъ домохозяевамъ, имѣвшимъ или свою собственную землю, или владѣвшимъ опредѣленною долею общинной земли, а отнюдь не всѣмъ жителямъ данной мѣстности и не состоящимъ въ

числѣ членовъ общины; не состоящихъ въ числѣ членовъ община не знала, и какъ они не отвѣчали передъ общиной, такъ и община не допускала ихъ къ своимъ дѣламъ. Таковы были младшіе члены семейства отвѣчающіе передъ представителемъ семейства, работники отвѣчающіе передъ своимъ хозяиномъ, вольные люди, бродящіе изъ одной общины въ другую для временныхъ работъ, ни передъ кѣмъ не отвѣчающіе, и потому не пользующіеся никакими правами, кромѣ права личной свободы и права на работу. А потому для участія въ вѣчѣ не было надобности ни въ какихъ выборахъ, всѣ члены общины, какъ тогда говорилось и большіе и меньшіе, были съ тѣмъ вмѣстѣ и членами вѣча, и какъ члены имѣли одинаковый голосъ. Здѣсь не было уже различія между богатымъ и бѣднымъ, кто признанъ членомъ общины и отвѣчаетъ передъ общиною, тянетъ тягло, тотъ съ тѣмъ вмѣстѣ имѣетъ право судить о дѣлахъ общины и слѣдовательно подавать свой голосъ на вѣчѣ. Община не приметъ въ свои члены негоднаго человѣка, а ежели бы таковой и нашелся, то община исключитъ его изъ своихъ членовъ. Таковой порядокъ и до сей поры соблюдается у Русскихъ крестьянъ. Присутствіе на вѣчѣ и подача голоса были предоставлены на волю члена общины, онъ по своему усмотрѣнію могъ присутствовать на вѣчѣ, могъ и не присутствовать, подавать голосъ и не подавать; но каждый присутствовавшій и не присутствовавшій долженъ повиноваться приговору состоявшемуся на вѣчѣ, и не присутствовавшій не могъ отговариваться своимъ отсутствіемъ.

Выборы при древнемъ устройствѣ русскихъ общинъ требовались только при назначеніи въ разныя общественныя должности, правителей, старостъ, судей и проч. Лица, занимающія сіи должности, какъ исполнители воли вѣча, или воли народной, непремѣнно должны были пользоваться довѣріемъ народа; а посему непремѣнно должны быть выборными, избранными отъ народа. Выборы сіи производились мѣстнымъ вѣчемъ, въ городѣ—городскимъ, въ улицѣ—уличанскимъ, въ селѣ—сельчанскимъ. Сколько можно судить по немногимъ указаніямъ дошедшихъ до насъ памятниковъ, выборъ въ общественныя должности въ большихъ и среднихъ мірахъ преимущественно и даже исключительно падалъ на большихъ людей, на лучшихъ, богатѣйшихъ и сильнѣйшихъ, каковыми по тогдашнему взгляду на вещи считались землевладѣльцы, держащіе землю, т. е. владѣющіе землею на правахъ частнаго собственника, а не на правахъ члена общины. Такъ что мало по малу управленіе общественными дѣлами въ большихъ и среднихъ мірахъ перешло въ руки большихъ людей, которые подъ именемъ бояръ постоянно завѣдывали отправленіемъ общественныхъ должностей. Впрочемъ таковое постоянное завѣдываніе общественными дол-

жностями нисколько не было привилегіею или наслѣдственнымъ правомъ большихъ людей, а напротивъ выражало только или общее довѣріе къ большимъ людямъ или боярамъ, или ихъ сильное вліяніе на вѣче, ибо всѣ общественныя должности не преставали быть выборными и никто не могъ занять ни одной изъ нихъ безъ выбора вѣча, и притомъ вѣче всегда имѣло право отнять должность у того лица, которое не оправдывало выбора, и замѣнить его другимъ выборнымъ; ибо отличительною чертою выборовъ на Руси было то, что они не были срочными, каждый выбирался въ должность не на опредѣленный срокъ, а до тѣхъ поръ, пока будетъ угоденъ вѣчу, т. е. пока будетъ своею службою оправдывать довѣріе общества, давшаго ему свой выборъ, или пока самъ выборный не откажется отъ службы.

Сколько времени Славяне на Руси жили при таковомъ общественномъ устройствѣ, мы не знаемъ, только подъ 862 годомъ христіанскаго лѣтосчисленія нашъ древнѣйшій лѣтописецъ Несторъ говоритъ, что въ сильнѣйшемъ и обширнѣйшемъ Славянскомъ міру на Руси,— у Новгородцевъ, принявшихъ въ свое общество и Полочанъ и Кривичей и разныя Финскія племена, между которыми они жили, начались страшныя междоусобія, возстало племя на племя, начали воевать другъ съ другомъ и дошли до того, что ихъ громадный союзъ готовъ былъ распасться. Тогда Новгородцы, какъ старшіе въ союзѣ, созвали общее вѣче, на которое пригласили и Финновъ и Кривичей, состоявшихъ въ общемъ союзѣ; и на этомъ вѣчѣ, какъ есть преданіе, по совѣту старѣйшины Гостомысла, порѣшили искать себѣ князя, который бы владѣлъ ими и судилъ по праву, разбиралъ и прекращалъ ихъ общинныя распри. И на этомъ же вѣчѣ всѣ члены Новгородскаго міра,—Новгородцы, Кривичи, Полочане и разныя племена Финновъ согласились между собою искать князей въ землѣ Варяжской, или въ Скандинавіи, съ которою Новгородскій міръ былъ въ близкихъ мирныхъ и военныхъ сношеніяхъ, и которая по устройству своему близко подходила къ устройству Новгородскому и раздѣлялась такъ же на нѣсколько самостоятельныхъ міровъ, управлявшихся народными собраніями и племенными князьями. Посольство Новгородцевъ, Финновъ и Кривичей отправилось за море въ Скандинавію, и пришло въ землю одного изъ тамошнихъ племенъ, называвшагося Русью, и предложило тамошнимъ князьямъ братьямъ, — Рюрику, Синеусу и Трувору княжить въ Новгородской землѣ, говоря: „Земля наша велика и обильна, а наряда (управы) въ ней нѣтъ, идите къ намъ княжить и владѣть нами“. Князья приняли предложеніе и, согласившись въ условіяхъ, на которыхъ должны были княжить, отправились со всѣмъ своимъ племенемъ въ Новгородскую землю. Съ ихъ прибытіемъ начинается новая жизнь не только для Новгородской зе-

мли, но и для всѣхъ Славянскихъ племенъ, для всѣхъ Славянскихъ міровъ на Русской землѣ.

Новое устройство Славянъ на Руси съ прибытіемъ Варяго-Русскихъ князей. Новгородскій міръ, приглашая Варяжскихъ князей, естественно желалъ сохранить неприкосновенными всѣ свои старые порядки, и имѣлъ въ виду при помощи приглашенной княжеской власти только прекратить междоусобія и сохранить свой союзъ или міръ отъ распаденія. Съ этою цѣлью онъ не впустилъ приглашенныхъ князей въ самый Новгородъ, гнѣздо славянства и главнаго народнаго вѣча, выражавшаго верховную власть народа, а далъ князьямъ въ непосредственное управленіе нѣсколько пригородовъ, гдѣ и дозволилъ жить имъ и ихъ дружинникамъ. Но таковый порядокъ держался не долго; черезъ два года по приглашеніи Синеусъ и Труворъ умерли, и Рюрикъ, занявъ ихъ города своими дружинниками, самъ изъ Ладоги, которая была ему уступлена Новгородскимъ вѣчемъ, по Волхову передвинулся къ Новгороду и построилъ себѣ новый городъ противъ стараго Новгорода, и сталъ раздавать своимъ мужамъ разные города, вѣроятно уступленные вѣчемъ по новому договору.

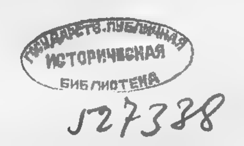
Впрочемъ успѣхи развитія княжеской власти въ Новгородѣ при Рюрикѣ, по всему вѣроятію, были незначительны, онъ не могъ занять самаго Новгорода и потѣснить власть народнаго вѣча, такъ что по смерти Рюрика, его преемникъ Олегъ, не проживши въ Новгородской землѣ и четырехъ лѣтъ, съ дружиною и со всѣмъ княжескимъ домомъ отправился на югъ и шедши по Днѣпру по добровольному согласію жителей занялъ Смоленскъ, Любечь и Кіевъ, старшій городъ Полянъ. Въ Кіевѣ Олегъ остановился, назвалъ его матерію городовъ Русскихъ и остался навсегда жить тамъ со всѣмъ княжескимъ домомъ и дружиною, въ которой кромѣ Варяговъ—Руси было много добровольно присоединившейся вольницы изъ Новгородцевъ, Кривичей, Чуди, Мери и Веси. Утвердившись въ Кіевѣ и во всей тамошней странѣ, хотя и съ согласія народа, Олегъ сдѣлался болѣе самостоятельнымъ княземъ, вышелъ изъ-подъ зависимости Новгородскаго вѣча, и вступилъ съ Новгородцами въ новый договоръ, по которому Новгородцы должны были уступить ему и его преемникамъ всѣ пригороды, уступленные Рюрику, кромѣ Ладоги, а съ прочихъ Новгородскихъ владѣній обязались платить опредѣленную дань и сверхъ того каждогодно присылать въ Кіевъ по 300 гривенъ для свободной торговли по Днѣпру. Князь же за это обязался держать въ Новгородѣ своего посадника, или намѣстника, съ отрядомъ дружины подъ названіемъ гридей, чтобы творить судъ и управу между Новгородцами.

Такимъ образомъ форма правленія въ Славянскихъ мірахъ на Руси получила три типа: первый типъ въ Новгородѣ по договору съ

Олегомъ, съ возможно большимъ удержаніемъ старыхъ прежнихъ формъ правленія, въ которомъ верховная власть принадлежала вѣчу; второй типъ Кіевскій или поднѣпровскій, гдѣ Олегъ принятъ былъ добровольно съ условіями, ограничивающими княжескую власть, хотя и не столь стѣснительными какъ въ Новгородѣ; и наконецъ третій типъ въ Славянскихъ земляхъ, еще не признававшихъ власть Русскаго или Кіевскаго князя, гдѣ продолжали держаться старые порядки съ вѣчемъ и племенными князьями, гдѣ таковые были. Но этотъ послѣдній типъ, по мѣрѣ подчиненія Славянскихъ племенъ на Руси Кіевскимъ князьямъ, постепенно уничтожался, и ко времени Ярослава великаго, т. е. черезъ 150 лѣтъ отъ прибытія Рюрика, окончательно уничтожился, и остались только два типа правленія—Новгородскій въ Новгородской землѣ и Кіевскій во всѣхъ другихъ владѣніяхъ Руси, или какъ тогда уже называлось въ Русской землѣ. Сіи два типа въ сущности не во многомъ разнились между собою; но тѣмъ не менѣе никогда не сливались другъ съ другомъ, и Новгородскій типъ постоянно считался крайне стѣснительнымъ для князей, такъ что хотя всѣ князья охотились владѣть Новгородомъ, но ни одинъ князь не хотѣлъ оставаться въ Новгородѣ навсегда съ тѣмъ, чтобы отказаться отъ какихъ-либо отчинныхъ владѣній въ Русской землѣ.

Общественное устройство въ Новгородѣ Великомъ. Новгородскій типъ правленія постоянно отличался самымъ широкимъ примѣненіемъ выборнаго начала въ управленіи Новгородскимъ міромъ, такъ что въ Новгородскомъ обществѣ не допускалось иной власти кромѣ выборной; всѣ власти, начиная отъ князя и владыки (епископа) и оканчивая какимъ-нибудь старостою, были непремѣнно выборныя. Выборы въ Новгородѣ были крайне разнообразны, тѣмъ не менѣе ихъ можно подвести къ двумъ главнымъ категоріямъ: выборы общіе и выборы мѣстные или частные.

Выборы общіе производились только въ самомъ Новгородѣ на вѣчѣ, — на Ярославлѣ дворѣ, или иногда у церкви Св. Софіи; на этихъ выборахъ имѣли право участвовать и подавать голосъ всѣ члены Новгородскихъ общинъ, или, какъ писалось въ оффиціальныхъ бумагахъ, весь господинъ Великій Новгородъ, всѣ большіе и меньшіе; но разумѣется одни только члены общинъ, домохозяева, а не всякій сбродъ (бездомники). Были также случаи, когда приглашались на сіи выборы и представители пригородовъ; но это было только очень рѣдкимъ исключеніемъ, по общему же правилу, — „на чемъ старшіе сдумаютъ, на томъ и пригороды станутъ“,—для общихъ выборовъ достаточно было только граждан самаго господина Великаго Новгорода. Выборы сіи, разумѣется, правильные, а не во время на-

родныхъ смятеній, производились подъ надзоромъ посадника, тысяцкаго, пятиконецкихъ и уличанскихъ старостъ, каждая улица шла на вѣче и занимала мѣсто при своемъ уличанскомъ старостѣ, всѣ улицы размѣщались по концамъ подъ надзоромъ своихъ кончанскихъ старостъ; а посадникъ и тысяцкій были общими руководителями всего вѣча. На вѣчѣ всѣ члены сидѣли на особо приготовленныхъ мѣстахъ, называвшихся степенями и посадникъ съ тысяцкимъ занимали самую высшую степень.

На общихъ выборахъ избирались всѣ власти на всю Новгородскую землю,—таковы: князь, владыка, посадникъ, тысяцкій, сотскіе, вѣчные или вѣчевые дьяки, подвойскіе и бирючи. За исключеніемъ князя и владыки, всѣ остальныя здѣсь исчисленныя народныя власти избирались непремѣнно изъ знаменитѣйшихъ боярскихъ фамилій, ибо должности сіи пользовались большимъ уваженіемъ и имѣли громадное значеніе въ Новгородскомъ обществѣ, какъ должности простиравшія свою власть на всю Новгородскую землю. На всѣ сіи должности, начиная отъ князя до бирюча, не полагалось никакихъ сроковъ, избранный на каждую изъ сихъ должностей занималъ ее до тѣхъ поръ, пока онъ былъ угоденъ народу; иные занимали сіи должности по нѣскольку лѣтъ и даже умирали на должности, какъ это большею частію случалось съ архіепископами, а другихъ напротивъ вѣче смѣняло чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ избранія; вообще каждый занималъ данную ему должность до тѣхъ поръ, пока угодно было народу, и какъ скоро кто изъ властей оказывался неугоднымъ народу, то на него немедленно собиралось вѣче, лишало неугоднаго занимаемой имъ должности и избирало на его мѣсто новаго. У вѣча былъ одинъ постоянный обычай не связывать себя никакими заданными напередъ обязательствами.

Частные выборы производились: во-1-хъ, по пригородамъ для избранія управляющихъ по пригородамъ посадниковъ, сотскихъ, старостъ и другихъ представителей администраціи и суда, въ эти должности выбирало вѣче цѣлаго пригорода; во-2-хъ, по концамъ города на кончанскомъ вѣчѣ выбирались кончанскіе старосты; въ 3-хъ, выборы на уличанскомъ вѣчѣ, ибо въ Новгородѣ каждая улица составляла свою отдѣльную общину; на уличанскихъ вѣчахъ избирались уличанскіе старосты и ихъ помощники, или оффиціальные служители; въ 4-хъ, выборы въ сельскихъ общинахъ, погостахъ; они производились на погостскомъ вѣчѣ, и на нихъ избирались всѣ погостскіе начальники; въ 5-хъ, выборы въ купеческихъ общинахъ, на которыхъ избирались купеческіе старосты непремѣнно изъ пошлыхъ (коренныхъ, настоящихъ) купцовъ; въ 6-хъ, выборы по церковнымъ приходамъ на приходскомъ вѣчѣ, здѣсь избирались священники, причет-

ники и церковные старосты къ приходскимъ церквамъ. Должности поручаемыя на частныхъ или мѣстныхъ выборахъ, точно такъ же, какъ и на общихъ, не имѣли сроковъ; каждый служилъ своему обществу, его выбиравшему, до тѣхъ поръ, пока того хотѣло само общество, или до тѣхъ поръ, пока онъ самъ почему-либо не отказался отъ занимаемой должности.

Всѣ выборныя власти въ Новгородѣ имѣли опредѣленныя границы своихъ правъ и обязанностей, и ежели которая власть нарушала сіи границы, то представитель ея немедленно лишался народнаго довѣрія и съ тѣмъ вмѣстѣ терялъ свою должность и замѣнялся другимъ. Границы властей впрочемъ не всегда были постоянными, а напротивъ, смотря по времени, или расширялись или сокращались. Чтобы прослѣдить это, и чрезъ то яснѣе показать участіе народа въ своемъ самоуправленіи въ Новгородской землѣ, мы разсмотримъ постепенныя измѣненія той или другой власти, сколько дозволятъ это сдѣлать дошедшіе до насъ памятники. Начнемъ съ князей.

Княжеская власть въ Новгородѣ по прямому свидѣтельству лѣтописей началась съ 862 года, и всегда была пришлая или приглашенная отъ сосѣдей. Власть первыхъ князей приглашенныхъ изъ Скандинавіи и на родинѣ ихъ была сильно стѣснена участіемъ народа въ правленіи; а посему Новгородцамъ легко было предлагать довольно стѣснительныя условія, ибо они почти не разнились отъ условій, на которыхъ князья жили въ Скандинавіи. Первоначальныя условія, принятыя Рюрикомъ и его братьями, были слѣдующія: 1-е, князь долженъ судить и управлять въ Новгородской землѣ по исконнымъ Новгородскимъ обычаямъ и по взаимному согласію съ Новгородскимъ вѣчемъ; 2-е, Новгородъ уступаетъ князю извѣстные пригороды съ принадлежащею имъ областью въ непосредственное управленіе и для пребыванія тамъ какъ князей, такъ и ихъ дружины; 3-е, во всѣ другіе города и области Новгородской земли князь не имѣетъ права посылать своихъ людей для управленія: управленіе всѣми сими городами принадлежитъ самому господину Великому Новгороду и властямъ поставленнымъ отъ народа; князь же пользуется только опредѣленными доходами, условливаемыми правомъ суда, ибо судъ вездѣ творится отъ имени князя.

Сіи условія нѣсколько измѣнились, когда преемникъ Рюрика Олегъ овладѣлъ Кіевомъ и сдѣлался тамъ самостоятельнымъ княземъ, независимымъ отъ Новгородскаго вѣча. Новыя условія были слѣдующія: 1-е, Новгородъ уступилъ Олегу и его преемникамъ всѣ пригороды, уступленные прежде Рюрику, а съ прочихъ Новгородскихъ владѣній обѣщался платить опредѣленную дань; 2-е, князь за это обѣщался держать въ Новгородѣ своего посадника или намѣст-

ника съ отрядомъ дружины; 3-е, князь или его намѣстникъ былъ верховнымъ судьею или примирителемъ всѣхъ распрей въ Новгородѣ, блюстителемъ согласія и правды между Новгородскими общинами; здѣсь совмѣщалась и гражданская и военная его власть, все, что переходило за эту черту уже принадлежало вѣчу и домашнимъ властямъ отъ него поставленнымъ, а не князю; 4-е, начинать войну, заключать миръ, вести переговоры съ сосѣдями могло только вѣче. Ежели князь, или его посадникъ желалъ начать съ кѣмъ-нибудь войну, то это могъ дѣлать не иначе, какъ созвавши вѣче и получивши отъ него на это согласіе; 5-е, всѣ финансовыя распоряженія, сборъ и раскладка податей и повинностей и самое назначеніе ихъ принадлежало вѣчу; 6-е, вся земля населенная и не населенная принадлежитъ господину Великому Новгороду; князь владѣетъ только тѣми областями и городами, которые уступлены ему вѣчемъ въ непосредственное завѣдываніе. Города сіи лежали не собственно въ Новгородской землѣ, а въ Новгородскихъ волостяхъ или колоніяхъ въ чужой землѣ, и кажется были уступлены князю въ вѣчное владѣніе; къ нимъ собственно принадлежали Новгородскіе города въ Суздальской, Ростовской и Муромской земляхъ; они мало-по-малу совершенно отдѣлились отъ Новгорода и поступили въ разрядъ потомственныхъ княжескихъ владѣній, хотя первоначально при уступкѣ ихъ Новгородскимъ вѣчемъ, кажется, этого не было въ виду, впрочемъ на это мы не имѣемъ ясныхъ указаній.

Въ такомъ положеніи княжеская власть въ Новгородѣ находилась до кончины великаго князя Кіевскаго Владимира Святославича. По смерти этого князя сынъ его Ярославъ, княжившій по его распоряженію въ Новгородѣ и при усердномъ содѣйствіи Новгородцевъ сдѣлавшись великимъ княземъ Кіевскимъ и всей Руси, за оказанныя Новгородцами услуги, вступилъ съ Новгородомъ въ новыя отношенія, утвержденныя особыми договорными грамотами. Условія сихъ новыхъ отношеній были слѣдующія, какъ они выяснились изъ послѣдующей исторіи: 1-е, княземъ Новгородскимъ могъ быть только тотъ князь изъ племени Ярослава, котораго излюбятъ сами Новгородцы, котораго сами пригласятъ или согласятся добровольно принять. Ежели бы Новгороду стали навязывать князя насильно, Новгородцы таковаго князя имѣли право не принять, или удалить его, ежели онъ пріѣдетъ. Новгородъ государство самостоятельное, онъ не принадлежитъ къ удѣламъ Русской земли и воленъ въ своихъ князьяхъ. 2-е, Кіевскій князь уже болѣе не получаетъ дани съ Новгородской земли, какую Новгородъ платилъ по договору съ Олегомъ. 3-е, за княземъ Новгородскимъ остается прежнее право, утвержденное Олеговымъ договоромъ, имѣть въ Новгородѣ своихъ посадниковъ

по собственному усмотрѣнію, а не по выбору вѣча, и при томъ какъ изъ Новгородцевъ, такъ и изъ своихъ дружинниковъ. 4-е, князь имѣетъ право судить и казнить Новгородцевъ даже не въ Новгородѣ, а въ своей отчинѣ.

Въ таковомъ положеніи княжеская власть находилась въ Новгородѣ слишкомъ сто лѣтъ по смерти Владимира Святославича; но съ 1126 года по Р. Х. отношенія Новгорода къ своимъ князьямъ, опредѣленныя Ярославовыми грамотами, стали измѣняться. Такъ 1-е, съ 1126 года Новгородцы начали брать съ своихъ князей присягу, что имъ не оставлять Новгорода и управлять по Новгородскимъ порядкамъ. 2-е, съ 1130 года князь лишился права назначать посадника по своему усмотрѣнію и посадникъ сдѣлался выборнымъ отъ вѣча, и сталъ почти въ совершенно независимое положеніе въ отношеніи къ князю. 3-е, съ 1136 года вѣче стало наряжать судъ надъ княземъ, неисполнившимъ своихъ обязательствъ въ отношеніи къ Новгороду. 4-е, съ этого же года началось изгнаніе князей и приглашеніе новыхъ по приговору вѣча; такъ что князья въ Новгородѣ съ изгнанія князя Всеволода Мстиславича обратились совершенно въ выборныхъ сановниковъ, точно такъ же, какъ и посадники, и поступили въ зависимость не только отъ вѣча, но и отъ партій Новгородскихъ, и стали искать Новгородскаго престола при помощи партій, и партіи же стали изгонять князей и приглашать новыхъ. 5-е, князь съ 1156 года потерялъ право назначать епископа въ Новгородъ: съ этого года по смерти владыки Нифонта, епископы Новгородскіе сдѣлались выборными отъ вѣча. 6-е, притязанія Новгородцевъ на свободный выборъ князей, на основаніи Ярославовыхъ грамотъ, съ 1196 года были признаны и самими Русскими князьями; на съѣздѣ князей бывшемъ въ этомъ году, какъ сказано въ лѣтописи, „всѣ князья выложили Новгородъ въ свободу, гдѣ имъ любо, тамъ себѣ и берутъ князя". 7-е, подъ 1218 годомъ мы уже находимъ извѣстіе, что князья, принимаемые Новгородцами, клялись ни казнить, ни лишать должностей выборныхъ Новгородскихъ начальниковъ безъ суда и безъ объясненія ихъ вины вѣчу. 8-е, съ 1228 года мы имѣемъ постоянныя извѣстія въ лѣтописяхъ, что князья не иначе получали Новгородскій престолъ, какъ по договору съ Новгородцами, при чемъ каждый разъ писалась грамота,—на какихъ условіяхъ князь принимаетъ Новгородскій престолъ, а съ 1265 года сохранились и подлинныя договорныя грамоты Новгородцевъ съ своими князьями, продолжающіяся съ этого года слишкомъ 200 лѣтъ до 1471 года, т. е. почти до уничтоженія самостоятельности господина Великаго Новгорода.

Условія отношеній князя къ Новгороду, выраженныя въ дошедшихъ до насъ грамотахъ, были слѣдующія: 1-е, князь, изъявившій

согласіе на приглашеніе Новгородцевъ, долженъ былъ присягать народу, что будетъ управлять по старинѣ и по пошлинѣ, на чемъ цѣловали крестъ дѣды и отцы. 2-е, князь долженъ держать Новгородскія волости, т. е. обширныя Новгородскія владѣнія за рубежемъ собственно Новгородской земли, начиная отъ Волока и Торжка, не иначе какъ Новгородскими мужами, а отнюдь не посылать туда своихъ правителей или намѣстниковъ, и пользоваться отъ сихъ волостей только опредѣленными дарами, а не требовать даней со всего тамошняго края. 3-е, князь не имѣетъ права ни судить, ни давать грамотъ, ни назначать въ должности по всѣмъ Новгородскимъ владѣніямъ безъ участія и согласія посадника; всякое распоряженіе князя по Новгородскому управленію тогда только имѣетъ силу и признается законнымъ, когда оно сдѣлано по согласію съ посадникомъ. 4-е, князь не имѣетъ права лишить власти выборнаго начальника по какому бы ни было вѣдомству, не обвинивши его и не доказавши по суду вины, по которой онъ лишаетъ его власти. 5-е, князь не имѣетъ права отмѣнять прежде данныя грамоты и перевершать рѣшенныя дѣла. 6-е, князь не можетъ ни судить Новгородцевъ, ни дѣлать другихъ какихъ распоряженій относительно Новгорода внѣ Новгородской земли, или въ своихъ отчинныхъ владѣніяхъ, ни посылать своихъ приставовъ для вызова Новгородцевъ на судъ въ свои владѣнія. 7-е, княжескіе судьи имѣютъ право ѣздить по Новгородскимъ владѣніямъ, которыя имъ назначены, только около Петрова дня, и должны судить по Новгородскимъ порядкамъ, а сами суда не замышлять и новыхъ пошлинъ судныхъ не заводить. 8-е, князь не имѣетъ права занимать иныхъ Новгородскихъ земель въ свою пользу или въ пользу своихъ мужей, кромѣ той пахотной и сѣнокосной земли, которая ему назначена по договорамъ. 9-е, князь не имѣетъ права выводить людей изъ Новгородскихъ владѣній въ свои отчинныя владѣнія, ни давать грамотъ, ни принимать закладчиковъ, ни покупать въ Новгородской землѣ селъ, ни ставить слободъ, ни заводить мытныхъ заставъ. 10-е, князь не имѣетъ права затворять Нѣмецкій торговый дворъ въ Новгородѣ, ни приставлять своихъ приставовъ къ Нѣмецкому двору, и долженъ торговать съ Нѣмцами только черезъ Новгородцевъ, а не черезъ своихъ людей. 11-е, охотиться за кабанами князю предоставляется право на 60 верстъ отъ Новгорода во всѣ стороны; на этомъ пространствѣ Новгородцы могли охотиться не иначе, какъ доложа о томъ князю, далѣе же 60 верстъ каждый могъ охотиться не спрашиваясь князя. Въ Русу князь имѣлъ право ѣздить на охоту, или посылать своихъ людей для ловли звѣря, только на третью зиму; точно такъ же въ Ладогу для ловли рыбы князь имѣлъ право посылать своихъ людей только на третье лѣто. 12-е, въ Торжкѣ и Волокѣ

князь имѣетъ право держать своего тіуна на своей части. 13-е, князю предоставляется право посылать своего купчину (повѣреннаго) въ Заволочье въ двухъ насадахъ (судно), но съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы княжій купчина ѣхалъ изъ Новгорода и назадъ возвращался на Новгородъ непремѣнно; изъ своей же земли князь не могъ посылать своего купчину ни въ Заволочье, ни въ Бѣжичи. 14-е, гостямъ Новгородскимъ князь обязанъ давать полную свободу торговли по всѣмъ своимъ отчиннымъ владѣніямъ съ платежемъ мытныхъ пошлинъ не болѣе, какъ по двѣ векши съ воза и съ лодки и съ хмѣльнаго и льняного короба. И наконецъ 15-е—Новгородцамъ платить всѣ княжія пошлины по старинѣ и по крестному цѣлованію и не скрывать, а князю пошлинъ не прибавливать.

Но несмотря на такія стѣснительныя условія княжеская власть въ Новгородѣ всегда считалась необходимостью, безъ ней въ Новгородскомъ правительствѣ оставался ничѣмъ не замѣнимый пробѣлъ, и власть сія въ дѣйствительности никогда не теряла того высокаго значенія, какое она имѣла при Рюрикѣ, первомъ Варяго - Русскомъ князѣ приглашенномъ въ Новгородъ. Новгородцы, постоянно любившіе держаться старины, только заботились о томъ, чтобы княжеская власть далеко не выходила изъ границъ опредѣленныхъ условіями перваго приглашенія и не принимала опаснаго для Новгородской вольности развитія. Князь строго держащійся договорныхъ условій всегда могъ разсчитывать на преданность Новгородцевъ и пользоваться значительною властію высшею послѣ власти вѣча. Онъ владѣлъ Новгородомъ въ опредѣленныхъ границахъ, государственные акты писались отъ его имени, его намѣстники управляли опредѣленными городами въ Новгородской землѣ; князь по согласію съ вѣчемъ велъ войну и заключалъ миръ и былъ предводителемъ Новгородскаго войска, отъ его имени и отъ имени Новгорода отправлялись и принимались посольства. Князь имѣлъ право созывать вѣче и участвовать въ законодательствѣ и даже издавать законы отъ своего лица, ежели они не противорѣчили правамъ Новгорода. Приглашеннаго князя при его принятіи обыкновенно сажали на престолъ въ церкви св. Софіи, и въ той же церкви хоронили по смерти, что впрочемъ въ продолженіе всей Новгородской исторіи досталось только двумъ князьямъ,—Владиміру Ярославичу и его праправнуку Мстиславу Ростиславичу, которые умерли въ Новгородѣ на княжествѣ. Но князь не имѣлъ постояннаго двора въ самомъ Новгородѣ; его законное мѣстожительство было на городищѣ, за два поприща отъ Новгорода, гдѣ жили и княжая дружина и княжіе намѣстники.

За княжею властію въ Новгородѣ слѣдовала власть посадника. Посадники, какъ народная чисто Новгородская власть, явились только

съ 1126 года, прежде же они присылались отъ князя и были не больше какъ княжьи намѣстники. Первымъ выборнымъ посадникомъ былъ Мирославъ Гюрятиничъ, избранный во время борьбы Новгорода съ своимъ княземъ Всеволодомъ Мстиславичемъ. Посадники, сдѣлавшись выборными, получили власть не многимъ меньшую противъ княжеской власти, такъ что князь въ Новгородѣ ничего не могъ сдѣлать безъ посадника. Въ посадники по Новгородскимъ порядкамъ выбирались исключительно одни бояре и при томъ изъ знаменитѣйшихъ фамилій; такъ что по лѣтописямъ впродолженіе времени съ 1126 по 1400 годъ мы можемъ насчитать не болѣе сорока фамилій, изъ которыхъ выбирались посадники. Посадники раздѣлялись на старыхъ и степенныхъ посадниковъ. Старыми назывались всѣ посадники, бывшіе въ отставкѣ; какъ въ Римѣ патрицій, бывшій одинъ разъ консуломъ, на всю жизнь оставался консуляромъ, такъ и въ Новгородѣ бояринъ, разъ бывшій посадникомъ, навсегда получалъ титло стараго посадника. Степеннымъ посадникомъ назывался тотъ, который въ данное время занималъ степень посадника, былъ дѣйствительно въ исправленіи посаднической должности. Степенный посадникъ собственно былъ правителемъ Новгорода отъ земщины, главною выборною властію домашнею, въ противоположность княжеской власти приглашенной со стороны; онъ былъ постояннымъ органомъ народной воли, выбраннымъ на эту службу отъ вѣча. Значеніе степеннаго посадника въ Новгородѣ такъ было велико, что Новгородцы въ иное время оставались довольно продолжительно безъ князя за однимъ посадникомъ. Права и обязанности посадника состояли въ слѣдующемъ: 1-е, посадникъ былъ необходимымъ посредникомъ между княземъ и народомъ, такъ что князь безъ посадника не имѣлъ права ни судить, ни управлять въ Новгородѣ; военные походы князя всегда были въ сопровожденіи посадника, полки Новгородскіе правильно собранные по раскладкѣ всегда были подъ непосредственнымъ начальствомъ посадника, или того воеводы, которому посадникъ или вѣче поручитъ ихъ; и посадникъ или воевода, предводительствуя войскомъ Новгородскимъ, отвѣчали не предъ княземъ, а предъ вѣчемъ. 2-е, у посадника была Новгородская печать съ такимъ штемпелемъ: *Новгородская печать посаднича.* 3-е, посадникъ созывалъ вѣче, велъ его торжественно на Ярославовъ дворъ и открывалъ собраніе звономъ вѣчеваго колокола, предлагалъ на разсмотрѣніе вѣча вопросы по дѣламъ требовавшимъ вѣчеваго рѣшенія. 4-е, посадникъ предводительствовалъ Новгородскимъ войскомъ и безъ князя водилъ его въ походы. 5-е, посадникъ укрѣплялъ какъ самый Новгородъ, такъ и пригороды по приговору вѣча, или по распоряженію князя, но то же съ согласія вѣча. 6-е, посадникъ отъ имени Новгорода велъ перего-

воры съ сосѣдними государями, а посему во всѣхъ договорныхъ грамотахъ прописывалось имя посадника, при которомъ заключенъ договоръ. 7-е, посадникъ былъ защитникомъ гражданъ противъ князя, ежели бы тотъ вздумалъ обижать ихъ; по закону князь не имѣлъ права арестовать или осудить Новгородца безъ согласія посадника, а посему князья всегда старались о томъ, чтобы посадникъ былъ изъ ихъ сторонниковъ. 8-е, посадникъ съ тысяцкимъ новоизбраннаго владыку Новгородскаго вводилъ въ домъ св. Софіи на сѣни, т. е. передавалъ новоизбранному управленіе Новгородскою церковію. 9-е, должности посадника, какъ и должности князя, были предоставлены опредѣленные доходы съ разныхъ областей и земель, извѣстные подъ оффиціальнымъ названіемъ *поралья* (пашни) *посаднича*.

За посадниками въ числѣ домашнихъ выборныхъ властей въ Новгородѣ слѣдовали тысяцкіе. Они первоначально назначались княземъ изъ своихъ дружинниковъ или Новгородцевъ; но въ XII вѣкѣ вмѣстѣ съ появленіемъ посадниковъ выборныхъ отъ вѣча и тысяцкіе стали выбираться вѣчемъ. Сдѣлавшись выборнымъ, тысяцкій получилъ бо́льшее значеніе, нежели какъ былъ чиновникомъ князя; уже въ XII столѣтіи имя тысяцкаго въ договорныхъ грамотахъ Новгорода ставится въ слѣдъ за именемъ князя и посадника. Какъ посадники, сошедшіе съ посадничей степени, на всю жизнь получали титло старыхъ посадниковъ, точно такъ же и тысяцкіе, сошедши со степени, всю жизнь носили титло старыхъ тысяцкихъ. Санъ тысяцкаго въ Новгородѣ былъ степенью ниже сана посадника. По свидѣтельству грамоты князя Всеволода Мстиславича 1136 года тысяцкій былъ собственно предводителемъ, главнымъ начальникомъ и судьею меньшихъ людей или черныхъ, слѣдовательно имѣлъ громадное значеніе въ Новгородской іерархіи: онъ при помощи подчиненныхъ ему меньшихъ людей, составлявшихъ большинство, могъ многое сдѣлать на вѣчѣ. У иностранцевъ, въ ихъ договорныхъ грамотахъ съ Новгородомъ, тысяцкій постоянно называется *dux*. Тысяцкіе избирались такъ же, какъ и посадники, непремѣнно изъ знаменитѣйшихъ и богатѣйшихъ боярскихъ фамилій въ Новгородѣ. Права и обязанности тысяцкаго были слѣдующія: 1-е, тысяцкій вмѣстѣ съ посадникомъ обязанъ былъ заботиться о городскихъ укрѣпленіяхъ какъ въ Новгородѣ, такъ и въ пригородахъ. 2-е, степенный тысяцкій вмѣстѣ съ княземъ и посадникомъ предводительствовалъ Новгородскимъ войскомъ, какъ вождь и начальникъ меньшихъ людей; 3-е, тысяцкій вмѣстѣ съ посадникомъ велъ переговоры съ сосѣдними государями, правилъ посольства и заключалъ договоры, разумѣется, по рѣшенію вѣча. 4-е, степенный тысяцкій былъ необходимымъ товарищемъ и помощникомъ посадника при открытіи народнаго вѣча; они вмѣстѣ на-

блюдали за порядкомъ на вѣчѣ, вмѣстѣ предлагали дѣла на разсужденіе. Во всѣхъ извѣстіяхъ о правильно созванныхъ вѣчахъ, мы непремѣнно встрѣчаемъ степеннаго посадника и степеннаго тысяцкаго; во всѣхъ грамотахъ, издаваемыхъ вѣчемъ, писались имена степеннаго посадника и степеннаго тысяцкаго въ слѣдъ за именемъ владыки Новгородскаго или за именемъ князя, ежели онъ участвовалъ въ изданіи грамоты. 5-е, тысяцкій имѣлъ свой отдѣльный судъ, независимый отъ князя и посадника, судъ чисто земскій народный, на которомъ не участвовали княжьи судьи и съ котораго не шло судебныхъ пошлинъ въ казну князя. Къ этому суду относились всѣ споры по торговымъ дѣламъ и судебные иски между черными людьми какъ это свидѣтельствуютъ уставная грамота Всеволода Мстиславича 1136 года и судная Новгородская грамота 1471 года. 6-е, тысяцкій имѣлъ свою печать, которая прикладывалась къ договорнымъ жалованнымъ и другимъ Новгородскимъ грамотамъ, равнымъ образомъ и къ дѣламъ подлежащимъ суду тысяцкаго. 7-е, тысяцкій, подобно посаднику, имѣлъ закономъ опредѣленные доходы съ разныхъ Новгородскихъ областей, которыя были приписаны на путь тысяцкаго.

За тысяцкимъ по своему значенію въ управленіи слѣдовали сотскіе, ихъ было десять въ Новгородѣ, и кажется по одному или по два въ Новгородскихъ пригородахъ. По времени своего учрежденія сотскіе были старше и посадниковъ и тысяцкихъ, о нихъ упоминается въ памятникахъ, какъ о властяхъ выборныхъ отъ народа, еще тогда, когда посадники и тысяцкіе были чиновниками назначаемыми княземъ. Сотскіе имѣли большое значеніе въ Новгородскомъ управленіи, особенно въ древности, когда посадники и тысяцкіе были еще княжими чиновниками, а не выборными отъ вѣча; они въ то отдаленное время были главными представителями Новгородской земщины противопоставленными княжескимъ чиновникамъ; они выбирались вѣчемъ цѣлаго Новгорода и всегда изъ знаменитыхъ боярскихъ фамилій; изъ сотскихъ въ послѣдствіи выбирались тысяцкіе и посадники. Въ древности сотскіе съ старостами были главными руководителями и защитниками народа, и нерѣдко дѣлались опасными для князей по своему вліянію на народъ. Впрочемъ какъ сотскихъ постоянно было десять, и каждый управлялъ только десятою частью Новгорода, то сила и власть каждаго не могли равняться съ силою и властію посадника и тысяцкаго, то это по всему вѣроятію и было причиною, что Новгородцы, видя недостаточность народной обороны отъ десяти сотскихъ дѣйствовавшихъ невсегда согласно другъ съ другомъ, рѣшили во время борьбы съ княземъ Всеволодомъ Мстиславичемъ сдѣлать посадника и тысяцкаго выборными отъ народа, чтобы раздробленную силу сотскихъ соединить въ одномъ лицѣ ты-

сяцкаго. Въ чемъ собственно состояли права и обязанности сотскихъ, по дошедшимъ до насъ памятникамъ, мы въ подробности опредѣлить не можемъ; только по указаніямъ лѣтописей находимъ, что сотскіе правили посольства вмѣстѣ съ посадниками къ сосѣднимъ государямъ, участвовали въ военныхъ походахъ, предводительствуя каждый своею десятою долею Новгородской рати, иногда прописывались въ договорныхъ грамотахъ въ слѣдъ за посадникомъ и тысяцкимъ; такъ договорная грамота Новгорода съ княземъ Ярославомъ Ярославичемъ Тверскимъ начинается такъ: „Благословеніе отъ владыки, поклонъ отъ посадника Михаила и отъ тысяцкаго Кондрата и отъ всѣхъ сотскихъ". А по Всеволодову уставу о судахъ церковныхъ сотскимъ вмѣстѣ съ владыкою было поручено попеченіе о главной святынѣ Великаго Новгорода, — о церкви св. Софіи. Сотскіе въ Новгородѣ, будучи помощниками тысяцкихъ, начальниками десятой доли народа, по пригородамъ и волостямъ замѣняли тысяцкихъ. По нѣкоторымъ не совсѣмъ яснымъ намекамъ памятниковъ подъ наблюденіемъ сотскаго находилась раскладка и сборъ податей и отправленіе повинностей въ его сотнѣ.

За сотскими по значенію своему въ іерархіи правительственныхъ лицъ въ Новгородѣ слѣдовали старосты; они по времени учрежденія своего были самыми древними выборными начальниками въ Новгородѣ, конечно бывшими еще до приглашенія Рюрика съ братьями. Въ Новгородѣ каждая община имѣла своего выборнаго старосту; и потому старосты были нѣсколькихъ разрядовъ, — отъ выборнаго старосты въ томъ или другомъ погостѣ, т. е. сельской общцнѣ, до кончанскаго старосты, представителя цѣлаго конца, т. е. пятой части Новгорода. Къ высшему разряду старостъ, принимавшихъ самое дѣятельное участіе во всѣхъ общественныхъ дѣлахъ цѣлаго Новгорода со всѣми его владѣніями, принадлежали старосты кончанскіе и уличанскіе; за ними слѣдовали старосты отъ житьихъ людей и отъ купцовъ, какъ представители и непосредственные начальники торговаго класса въ Новгородѣ. Какъ концы и улицы были отдѣльными общинами, то кончанскіе и уличанскіе старосты созывали кончанскія и уличанскія вѣча, и какъ представители и руководители своей общины разбирали подлежащія дѣла своего конца или улицы. А каждый конецъ или улица, какъ общины, имѣли своихъ бояръ, своихъ купцовъ и черныхъ, или меньшихъ людей, исконныхъ жителей конца или улицы; и конечно главными или передними людьми каждой улицы и затѣмъ конца были исконные уличанскіе бояре; отсюда естественно кончанскіе и уличанскіе старосты исключительно избирались изъ уличанскихъ боярскихъ фамилій. Кончанскіе и уличанскіе старосты одинаково были правителями и судьями всѣхъ своихъ уличанъ или

кончанъ по мѣсту жительства и бояръ и купцовъ и черныхъ людей; водили своихъ уличанъ или кончанъ на общее вѣче и присутствовали съ ними на этомъ вѣчѣ; они имѣли свои уличанскія и кончанскія печати, которыми утверждали не только дѣла своего конца или улицы, но кончанскіе старосты прикладывали свои кончанскія печати даже къ договорнымъ и другимъ грамотамъ отъ общаго Новгородскаго вѣча. Кончанскіе старосты участвовали въ военныхъ походахъ и въ посольствахъ отъ Новгородскаго вѣча. Старосты отъ житьихъ людей и купецкіе, по свидѣтельству Всеволодовой грамоты, непремѣнно выбирались изъ пошлыхъ (коренныхъ) купцовъ, т. е. дѣйствительныхъ членовъ извѣстной купеческой общины. Купеческія общины опредѣлялись не мѣстомъ жительства своихъ членовъ, а мѣстомъ торга или разрядомъ товаровъ, а посему уличанскіе старосты, опредѣляемые мѣстомъ жительства не могли быть старостами купеческихъ общинъ; и по этой причинѣ житьи люди и купцы, чтобы по своимъ промысламъ имѣть свою управу выбирали особыхъ старостъ отъ житьихъ людей и отъ купцовъ, которые занимались только разборомъ торговыхъ и купеческихъ дѣлъ, и у которыхъ было свое мѣсто управы при церкви Іоанна Предтечи на Опокахъ, гдѣ по свидѣтельству Всеволодовой грамоты засѣдали трое старостъ отъ житьихъ людей, два старосты отъ купцовъ и тысяцкій отъ черныхъ людей, и въ ихъ управу не имѣли права вмѣшиваться ни посадникъ, ни бояре Новгородскіе. Старосты отъ житьихъ людей и отъ купцовъ, по всему вѣроятію, участвовали на общемъ вѣчѣ, какъ представители весьма важнаго въ Новгородѣ торговаго класса граждань.

Посадники, сотскіе и старосты по пригородамъ избирались мѣстнымъ вѣчемъ, равнымъ образомъ избирались мѣстнымъ вѣчемъ старосты по погостамъ или сельскимъ общинамъ, и имѣли то же значеніе въ своихъ общинахъ и несли тѣ же обязанности, какъ посадники сотскіе и старосты въ самомъ Новгородѣ. Вообще пригороды были, во всемъ сколками съ Новгорода, и ихъ устройство такъ же держалось на выборномъ началѣ, и каждая община не признавала другого мѣстнаго начальника, какъ только того, котораго она сама избрала и излюбила. Впрочемъ высшія власти, выражавшія связь пригородовъ съ самимъ Новгородомъ, или присылались изъ Новгорода, выбранныя Новгородскимъ вѣчемъ, или выбранныя мѣстнымъ вѣчемъ утверждались Новгородскимъ вѣчемъ, — таковы были посадники; но это правило кажется далеко не всегда соблюдалось, и мы по лѣтописямъ нерѣдко встрѣчаемъ посадниковъ по пригородамъ, выбранныхъ мѣстнымъ вѣчемъ безъ утвержденія Новгородскаго вѣча.

Такимъ образомъ управленіе въ Новгородѣ и во всѣхъ Новгородскихъ владѣніяхъ было чисто выборное и органы управленія частію

были призваны со стороны, какъ князья и ихъ намѣстники, а частью были домашніе, какъ всѣ остальныя власти. Власти, призванныя со стороны касались только главныхъ центровъ Новгородскаго общества, т. е. самаго Новгорода и нѣкоторыхъ пригородовъ; центры же подчиненные главнымъ, какъ въ самомъ Новгородѣ, такъ и во всѣхъ его владѣніяхъ имѣли только мѣстныхъ выборныхъ властей, такъ что приглашенная власть очевидно нужна была толвко для связи главныхъ частей Новгородскаго общества, которыя безъ нея могли бы отдѣлиться отъ Новгорода. И пришлая или приглашенная власть по закону не имѣла правъ на самостоятельную дѣятельность ни въ управленіи, ни въ судѣ; она не только состояла подъ контролемъ вѣча, но къ ней были приставлены еще домашнія власти, безъ согласія которыхъ она ничего не могла дѣлать. Какъ князь въ Новгородѣ, такъ и его намѣстники по пригородамъ, куда таковые посылались, могли судить и управлять только при участіи и съ согласія мѣстныхъ выборныхъ властей. Даже тіунъ княжескій или намѣстничій, котораго должность состояла только въ первоначальномъ производствѣ суда, т. е. въ отобраніи у тяжущихся ихъ показаній и доказательствъ въ защиту своихъ правъ, не могъ этого дѣлать иначе, какъ при содѣйствіи тіуна отъ посадника, или другой мѣстной судебной власти. Мало этого: ни князь, ни его намѣстникъ даже не имѣлъ права вызывать къ себѣ на судъ чрезъ своихъ приставовъ, а требовалось, чтобы княжіе или намѣстничьи приставы шли за вызываемыми вмѣстѣ съ приставами отъ Новгорода, выбранными для этого вѣчемъ; только видя избраннаго вѣчемъ пристава, свободный гражданинъ Новгорода принималъ приглашеніе къ суду. А ежели бы княжескій или намѣстническій приставъ, не пригласивъ Новгородскаго пристава, вздумалъ силою взять вызываемаго, то за сего послѣдняго вступалась община, въ которой онъ былъ членомъ.

Таковое положеніе приглашенныхъ и домашнихъ властей въ Новгородѣ и исключительное господство выборнаго начала при назначеніи властей условливались кореннымъ устройствомъ Новгородскаго міра. Новгородскій міръ, какъ мы уже частію видѣли, состоялъ изъ союза мелкихъ и крупныхъ общинъ, образовавшихся частію при началѣ поселенія Славянъ въ тамошнемъ краю, и частью путемъ колонизаціи въ послѣдующее время. Въ Новгородѣ каждый конецъ и каждая улица, и каждый погостъ въ уѣздѣ составляли отдѣльную самостоятельно организованную общину, и притомъ общину, устроенную не административнымъ путемъ или распоряженіемъ со стороны, а образовавшуюся бытовымъ порядкомъ, свободно исторически изъ самой жизни народа. Въ общину могъ вступать каждый, кто хотѣлъ и кого община соглашалась принять, здѣсь не спрашивалось ни оди-

наковости происхожденія, ни одинаковости занятій, ни равенства средствъ. А посему въ Новгородскихъ общинахъ еще въ древности жили рядомъ большіе и меньшіе люди, богатые и сильные, бѣдные и слабые; и въ городскихъ общинахъ, какъ старшихъ и представляющихъ болѣе средствъ къ развитію, мало по малу образовались три класса жителей: бояре, т. е. большіе люди, купцы, т. е. люди, имѣющіе средства постоянно заниматься торговлею, и меньшіе или черные люди, или простолюдины. Каждый изъ сихъ классовъ жилъ рядомъ другъ съ другомъ, и составляли одну общину, и какъ члены общины пользовались одинакими правами. Такимъ образомъ въ Новгородѣ каждая улица, какъ отдѣльная община, имѣла своихъ бояръ, своихъ купцовъ и людиновъ; слѣдовательно имѣла средства жить самостоятельно не подчиняясь другимъ улицамъ и у каждой улицы былъ подъ руками свой матеріалъ изъ своихъ же членовъ образовать выборную власть изъ людей, имѣющихъ силу и пользующихся уваженіемъ и довѣріемъ отъ своихъ сообщниковъ. Таковой порядокъ, таковое раздѣленіе сильныхъ людей по общинамъ, съ одной стороны ставилъ ихъ въ самую тѣсную жизненную связь съ общиною и тѣмъ усиливалъ ихъ, а съ другой стороны долго не дозволялъ сильнымъ людямъ всего города соединиться другъ съ другомъ въ сплошную массу и давить массою меньшихъ людей. А отсюда вытекало необходимое слѣдствіе, что мелкія общины—улицы, такъ крѣпко организованныя, не подчинялись другъ другу, а были равноправными членами общаго союза, или города съ своими выборными органами, уличанскими властями. Конечно одна улица могла быть сильнѣе другой, какъ это и бывало въ Новгородѣ, но и сильная улица одна была слаба противъ союза многихъ улицъ; а посему въ Новгородѣ въ продолженіе всей исторіи не образовалось улицы господствующей надъ другими улицами.

Чтобы яснѣе видѣть положеніе и силу общинъ или улицъ въ Новгородѣ и ихъ отношеніе другъ къ другу и самому господину Великому Новгороду, слѣдуетъ выяснить положеніе и силу каждаго изъ трехъ классовъ Новгородскаго общества,—бояръ, купцовъ и людиновъ или черныхъ людей.

Какъ и когда образовались большіе люди или бояре въ Новгородскомъ обществѣ, на это мы не имѣемъ прямыхъ свидѣтельствъ въ древнихъ памятникахъ. Знаемъ только, что Новгородцы постоянно раздѣлялись на большихъ и меньшихъ, и что еще предъ призваніемъ Рюрика и его братьевъ въ лѣтописяхъ упоминается о старѣйшинѣ Гостомыслѣ, который собиралъ владавцевъ Новгородской земли сущихъ подъ нимъ. Знаемъ также, что въ Новгородѣ черные меньшіе люди не были безгласною массою, порабощенною большими людьми, а принимали дѣятельное участіе въ правленіи и на вѣчѣ и въ выборѣ властей

и въ другихъ дѣлахъ; слѣдовательно бояре, большіе люди не были особымъ племенемъ побѣдителей и поработителей, а принадлежали къ тому же племени, къ которому и остальные граждане, происходили изъ того же народа, и мало того, что изъ одного народа и племени, но даже изъ одной общины, ибо въ каждой улицѣ были свои бояре, находившіеся въ тѣсной связи съ своими уличанами; слѣдовательно происходили изъ уличанъ же, составляли съ ними одно и были только лучшими людьми изъ уличанъ, превосходство же бояръ передъ своими уличанами состояло въ частной поземельной собственности. Въ Новгородскомъ міру не было и не могло быть члена общины, который бы не имѣлъ земли: какъ скоро кто поступалъ въ члены общины, тому община при самомъ принятіи его въ члены выдѣляла опредѣленную долю общинной земли, владѣніе долею общинной земли было главнымъ признакомъ, которымъ членъ причислялся къ общинѣ и отличался отъ людей не принадлежащихъ къ членамъ общины; но доля общинной земли не составляла частной собственности того, кто ее получилъ, онъ владѣлъ ею только какъ членъ общины, и почему-либо переставъ быть членомъ общины, съ тѣмъ вмѣстѣ терялъ право и на свою долю общинной земли. А посему, кто изъ членовъ сверхъ доли общинной земли имѣлъ еще обширныя поземельныя владѣнія въ полной своей собственности, независимо отъ общины пріобрѣтенныя собственными средствами, тотъ тѣмъ самымъ выдвигался изъ массы своихъ уличанъ сообщниковъ и дѣлался лучшимъ человѣкомъ, сильнѣйшимъ, заслуживающимъ большаго уваженія, передовымъ человѣкомъ. Фамилія, которая нѣсколько поколѣній имѣетъ обширныя поземельныя владѣнія на правахъ полной собственности, постоянно увеличиваетъ свои владѣнія, или улучшаетъ ихъ посредствомъ колонизаціи свободными людьми, на свои средства заводитъ тамъ села и даже города,—таковая фамилія пріобрѣтаетъ въ своей общинѣ и во всемъ Новгородскомъ міру значеніе большихъ людей, бояръ, огнищанъ, богатыхъ землевладѣльцевъ собственниковъ.

Таковое поземельное происхожденіе боярскихъ фамилій въ Новгородѣ давало имъ огромное вліяніе на улицы или общины, къ которымъ принадлежалъ тотъ или другой боярскій родъ. Уличанскій бояринъ по своей волѣ могъ вести уличанъ куда хотѣлъ, надѣясь въ случаѣ нужды на покровительство и защиту своего богатаго и сильнаго боярина; уличане, такъ сказать, льнули къ нему, старались поддерживать его и довѣряли ему руководство въ общественныхъ дѣлахъ, выбирали его для отправленія общественныхъ должностей. А это доставляло улицѣ силу, она сосредоточивалась около своихъ уличанскихъ бояръ, организовалась въ стройное цѣлое и на общемъ вѣчѣ уличане дѣйствовали и подавали голосъ за одно, а не въ раз-

сыпную. Бояре съ своей стороны дорожили расположеніемъ уличанъ, ибо при равноправности въ подачѣ голосовъ для всѣхъ классовъ, они только при помощи расположенныхъ къ нимъ уличанъ и потомъ однокончанъ могли достигать той или другой выборной власти въ общественныхъ дѣлахъ и заправлять управленіемъ всего Новгородскаго міра.

Вторымъ классомъ въ Новгородскомъ обществѣ были купцы, ими до нѣкоторой степени уравновѣшивалось вліяніе бояръ на людиновъ. Конечно купцы несравненно меньше имѣли вліяніе на общественныя дѣла, нежели бояре, самый промыселъ ихъ не давалъ имъ много свободнаго времени для занятія общественными дѣлами; тѣмъ не менѣе они были довольно сильны, какъ по богатствамъ своимъ, такъ и потому, что они не затеривались въ массѣ гражданъ какъ разсыпанныя единицы, а составляли нѣсколько отдѣльныхъ хорошо организованныхъ общинъ, крѣпко связанныхъ одинаковостью интересовъ. Въ Новгородѣ не всякій, кто торговалъ, считался настоящимъ пошлымъ купцомъ; чтобы быть настоящимъ купцомъ, для этого нужно постоянно заниматься торговлею и принадлежать къ какой-либо купеческой общинѣ; а принадлежать къ купеческой общинѣ, быть ея членомъ, могъ только тотъ, кто вложилъ въ общинную казну опредѣленный довольно значительный взносъ денегъ, напр., по Всеволодовой грамотѣ около сорока фунтовъ серебра, или кто имѣлъ на это право по наслѣдству отъ предковъ въ свое время вложившихся своимъ взносомъ въ общинную казну. Опираясь на свои богатыя и хорошо организованныя общины, купцы пользовались большимъ уваженіемъ и принимали дѣятельное участіе въ общественныхъ дѣлахъ, какъ въ мирное, такъ и въ военное время; они участвовали даже въ военныхъ походахъ, и конечно были не плохими воинами, ибо тогдашняя торговля съ полудикими племенами и по пустынямъ и рѣкамъ, нерѣдко занятымъ разбойниками, была тѣсно связана съ военнымъ ремесломъ. Купеческій караванъ обыкновенно отправлялся въ путешествіе вооруженнымъ, избиралъ изъ среды своей опытнаго предводителя, которому всѣ прочіе участники каравана клялись безпрекословно исполнять его приказанія и ни въ какой опасности не выдавать другъ друга, почему и назывались ротниками, цѣловальниками. Но особенное значеніе и силу лучшіе изъ купцовъ, называвшіеся житьими людьми, получали отъ поземельныхъ владѣній, которыя у нихъ были довольно значительны особенно въ дальнихъ Новгородскихъ колоніяхъ, — въ Заволочьѣ, по Сѣверной Двинѣ, Онегѣ, по Бѣломорскому поморью и въ Перми, гдѣ принадлежали имъ богатыя соляныя варницы и морскіе промыслы. Здѣсь черные люди находили для себя выгодныя работы, и по симъ работамъ поступали въ тѣсную связь съ купцами,

и въ случаѣ надобности поддерживали ихъ на вѣчѣ Купцы тѣмъ ближе сходились съ черными людьми, что будучи сильно заняты своими частными дѣлами, они не на столько, на сколько бояре, принимали участіе въ общественной службѣ и не выбирались ни въ какія высшія общественныя должности, — ни въ посадники, ни въ тысяцкіе, ни въ другіе высшіе сановники. Таковое отношеніе къ общественной службѣ нѣсколько приравнивало купцовъ къ людинамъ, т. е. дѣлало ихъ посредствующимъ звеномъ между боярами и черными людьми.

Положеніе купцовъ, среднее между боярами и людинами, сообщало большое значеніе въ Новгородскомъ міру и людинамъ, или чернымъ людямъ, молодшимъ, меньшимъ. Главное отличіе черныхъ людей отъ бояръ и купцовъ состояло въ томъ, что они за весьма немногими исключеніями не имѣли своей поземельной собственности, а или владѣли по долямъ общинною землею, или селились общинами на земляхъ частныхъ владѣльцевъ,—бояръ и купцовъ по взаимнымъ условіямъ. Городскіе людины по своимъ промысламъ приближались къ купцамъ; они занимались такъ же торговлею, только не причислялись къ купеческимъ общинамъ, или жили разными ремеслами и исправляли разныя должности у купцовъ; сельскіе же людины или крестьяне занимались земледѣліемъ и частію другими сельскими промыслами,—звѣроловствомъ, рыболовствомъ и подобн. Въ экономическомъ отношеніи черные люди, какъ большею частію бѣдные и слабые, болѣе или менѣе находились въ зависимости отъ бояръ и купцовъ, и какъ бы глядѣли изъ рукъ богатыхъ; но эта зависимость въ экономическомъ отношеніи не порабощала ихъ первымъ двумъ классамъ, и по закону меньшіе люди въ Новгородѣ относительно участія въ общественныхъ дѣлахъ имѣли одинаковые права съ большими людьми. На вѣчѣ голосъ меньшихъ или черныхъ людей имѣлъ такую же силу и значеніе, какъ и голосъ большихъ,—бояръ и купцовъ, и при несогласіи меньшихъ съ большими вѣче распадалось и составлялись два вѣча, и дѣла кончались или битвой на улицахъ, или умиротворительнымъ вмѣшательствомъ владыки (епископа) и духовенства; слѣдовательно въ обоихъ случаяхъ согласіемъ большихъ съ меньшими; но одни большіе безъ меньшихъ не могли держать вѣча и рѣшать дѣлъ; большіе ни на одномъ вѣчѣ не могли провести закона, который бы уменьшилъ или уничтожилъ равноправность черныхъ людей, напротивъ того часть большихъ людей всегда переходила на сторону меньшихъ и вмѣстѣ съ ними защищала права меньшихъ. При таковомъ положеніи на вѣчѣ меньшіе или черные люди принимали одинаковое участіе съ большими людьми не только при защитѣ Новгородской земли и въ военныхъ походахъ, но и въ сношеніяхъ и переговорахъ

съ сосѣдними государями, и чрезъ своихъ представителей участвовали въ посольствахъ; договорныя же грамоты Новгорода заключались всегда отъ имени большихъ и меньшихъ, отъ всего господина Великаго Новгорода. Напримѣръ, въ договорной грамотѣ Новгорода съ великимъ княземъ Московскимъ Дмитріемъ Ивановичемъ, заключенной въ 1370 году, даже поименованы особые посланники отъ черныхъ людей; грамота эта начинается такъ: „Се пріѣхали ко мнѣ къ великому князю Дмитрію Ивановичу всея Руси, отъ отца моего отъ владыки Алексѣя и отъ посадника Юрія, и отъ тысяцкаго Олисѣя, и отъ всего Новгорода, Иванъ посадникъ, Василій Ѳедоровъ, Иванъ Борисовъ, а отъ черныхъ людей Воиславъ поповичь, Василій Агаѳоновъ, кончалъ есми съ своими мужи въ одиначество и цѣловали есми крестъ“.

Но кромѣ приглашенныхъ и домашнихъ властей, вышедшихъ изъ самаго устройства Новгородскаго общества, Новгородъ имѣлъ еще громадную земскую силу и власть, пришедшую изъ чужи и вовсе неизвѣстную при первоначальномъ устройствѣ Новгорода; эта чужая власть и сила, прежде вовсе неизвѣстная Новгороду, заключалась въ христіанской церкви и ея представителѣ епископѣ или архіепископѣ, называвшемся вообще владыкою, которые были приняты Новгородцами изъ Кіева вмѣстѣ съ принятіемъ христіанства. Владыка или архіепископъ сдѣлался выборнымъ отъ народа только съ 1156 года и вмѣстѣ съ тѣмъ получилъ высокое значеніе и громадную власть чисто политическую. Во 1-хъ. Владыка Новгородскій былъ первымъ по князѣ, имѣлъ свой дворъ, своихъ бояръ и свои полки ратныхъ людей съ своимъ знаменемъ и воеводою. Во 2-хъ. Онъ былъ богатый землевладѣлецъ, ему принадлежала не только цѣлая улица въ Новгородѣ и нѣсколько селъ и погостовъ въ Новгородской землѣ, но и цѣлыя огромныя и богатыя волости въ Заволочьѣ и на Двинѣ, у него даже были свои города. 3-е. Владыка Новгородскій по своему политическому значенію принималъ дѣятельное участіе во всѣхъ переговорахъ Новгорода съ князьями, нерѣдко посылалъ вмѣстѣ съ Новгородскими послами своихъ пословъ, а еще чаще ѣздилъ самъ для приглашенія князей въ Новгородъ или для заключенія съ ними мирныхъ договоровъ. Участіе владыки требовалось не только въ переговорахъ съ Русскими князьями, но и въ сношеніяхъ Новгорода съ Швеціею, Даніею, Ливонскимъ орденомъ и Литвою. Да и вообще всѣ договорныя грамоты писались по благословенію владыки и утверждались владычнею печатью; имя владыки, какъ чисто политической власти въ Новгородѣ, непремѣнно прописывалось въ договорахъ какъ съ русскими, такъ и съ иноземными государями. Такъ, въ Орѣховскомъ договорѣ Шведовъ съ Новгородомъ, заключенномъ въ 1326 году, на-

писано: „Nuncius magnifici principis Magni Norvegiae, Suetiae, Gotorumque regis, nominatus Haqvinus confirmavit pacem ex parte totius regni Norvegiae cum episcopo Norgadensi, nomine Moise, et cum Borgrafio Olphormio (съ посадникомъ Варфоломеемъ) et cum duce Astaphio, et cum omnibus et singulis Nogardiensibus". 4-е. Еще большее участіе принималъ владыка во внутреннихъ общественныхъ дѣлахъ; даже раздача земли, выдача жалованныхъ грамотъ на разныя льготы и вообще всѣ распоряженія вѣча дѣлались не иначе, какъ по благословенію владыки. 5-е. Хотя владыка по Новгородскимъ порядкамъ, помнившимъ его чуждое происхожденіе не имѣлъ права, какъ и все духовенство присутствовать на вѣчѣ, тѣмъ не менѣе, какъ пастырь и учитель своихъ дѣтей Новгородцевъ, онъ имѣлъ огромное вліяніе на усмиреніе враждующихъ вѣчевыхъ партій и нерѣдко укрощалъ ихъ своимъ личнымъ вмѣшательствомъ. 6-е. Богатая Софійская казна, въ нѣкоторомъ отношеніи считавшаяся общественною казною, была въ вѣдѣніи владыки, а посему рѣшительно зависѣло отъ владыки удѣлять ли и сколько удѣлять изъ этой казны на общественныя потребности; даже вѣче могло распоряжаться этою казною на общественныя надобности только въ такомъ случаѣ, когда одинъ владыка умеръ, а другой еще не избранъ на его мѣсто; при жизни же владыки вѣче могло только просить, чтобы онъ пособилъ этою казною Новгороду въ той или другой нуждѣ.

Наконецъ, верховною властью надъ всѣми выборными, приглашенными, пришлыми и домашними властями и надъ всѣми Новгородскими владѣніями была власть господина Великаго Новгорода, или Новгородскаго вѣча; но эта власть не была уже выборною, вѣче составляли всѣ члены Новгородскаго общества безъ выбору безъ исключенія, вѣче было думою всего Новгорода большихъ и меньшихъ. На вѣчѣ не требовалось ни ценза, ни другихъ какихъ соображеній и разграниченій; каждый Новгородецъ, какъ членъ какой-либо Новгородской общины, потому уже самому былъ и членъ Новгородскаго вѣча, и имѣлъ равный голосъ со всѣми другими Новгородцами безъ различія, богатъ онъ или бѣденъ. Не допускались на вѣчѣ: 1) всѣ младшіе члены семейства, значащіеся за домохозяиномъ, хотя бы они были изъ богатѣйшихъ фамилій; 2) всѣ люди вольные, т. е. бездомные, непричисленные ни къ какой Новгородской общинѣ, сбродная толпа рабочихъ и праздношатающихся; 3) всѣ пришельцы чужеземцы, непоступившіе въ число Новгородскихъ гражданъ, не записавшіеся въ члены какой-либо общины; 4) монастыри и все духовенство, которое не имѣло права участвовать на вѣчѣ даже и тогда, когда разсуждалось о дѣлахъ церковныхъ, напр., объ избраніи епископа; это исключеніе духовенства и его представителя епископа изъ права участво-

вать на вѣчѣ, кажется, вытекало изъ того начала, что власть епископа и весь строй духовенства были выработаны не изъ Новгородской общественной жизни, и потому не смотря на тѣсную связь народа съ церковью, все-таки строй церкви не сливался съ строемъ общественнымъ; 5) жители пригородовъ и волостей, хотя были равноправными съ жителями Новгорода, но не имѣли права участвовать на Новгородскомъ вѣчѣ, ежели они не были въ тоже время членами какой-либо общины въ самомъ Новгородѣ; это исключеніе основывалось на томъ общемъ правилѣ: „на чемъ старшіе сдумаютъ, на томъ и пригороды станутъ“. Такимъ образомъ Новгородское вѣче, несмотря на отсутствіе выборовъ и ценза, не было сборомъ безпорядочной толпы, но имѣло опредѣленное напередъ уже извѣстное соединеніе гражданъ, которые являлись въ собраніе съ своими старостами, своими общинами, уличане своею улицею. Таковый же порядокъ вѣчевыхъ собраній соблюдался на вѣчахъ по концамъ и улицамъ и по пригородамъ и погостамъ. Но, конечно, этотъ порядокъ соблюдался на вѣчахъ, собранныхъ правильно и въ узаконенномъ мѣстѣ; напротивъ, на вѣчахъ, не законныхъ, собиравшихся во время мятежей, уже конечно не соблюдался таковый порядокъ, на нихъ не спрашивалось, кто домохозяинъ и кто бездомный бродяга, и вся забота состояла въ томъ, чтобы собрать побольше народу и составить толпу. Но таковыя вѣча и не имѣли законной силы и рѣшеніе ихъ не признавалось за волю господина Великаго Новгорода, даже, еслибы незаконное безпорядочное вѣче толпы по какимъ-нибудь обстоятельствамъ одержало верхъ, то все-таки, для сообщенія требованіямъ таковаго безпорядочнаго вѣча законной силы, нужно было распустить это вѣче и собрать новое, съ соблюденіемъ законнаго порядка, которое уже и сообщало законную силу требованіямъ распущеннаго незаконнаго вѣча, ежели по обстоятельствамъ не могло ему противиться. Впрочемъ, случаи такихъ успѣховъ незаконнаго вѣча бывали весьма рѣдки, большею же частью приговоры неправильнаго вѣча отмѣнялись прежде исполненія немедленно собираемымъ законнымъ вѣчемъ. Слѣдовательно толпа бездомныхъ бродягъ, голыдьбы, сколько бы ни шумѣла, сколько бы ни собирала своихъ сходокъ, хотя бы носившихъ имя вѣча, не выражала воли Новгорода. Верховною властью Новгорода считалось и дѣйствительно было только общее вѣче, собранное правильно съ соблюденіемъ законныхъ формъ, въ которомъ участвовали только дѣйствительные члены общинъ, домохозяевъ, съ своими старостами.

Созывать правильное общее Новгородское вѣче имѣли право только посадникъ и князь, и оповѣщеніе гражданъ для сбора на вѣчѣ производилось чрезъ избранныхъ на то отъ народа биричей и подвойскихъ, которые кликали сборъ вѣча по концамъ и улицамъ.

Уличанскіе же и кончанскіе старосты сбирали членовъ своихъ общинъ и вели ихъ къ дому посадника, а посадникъ всѣхъ собранныхъ торжественно и въ установленномъ порядкѣ, каждую общину при своемъ старостѣ, велъ на Ярославовъ дворъ или къ церкви св. Софіи; потомъ по звуку вѣчеваго колокола всѣ садились на опредѣленныхъ степеняхъ, и начинали разсужденія о предлагаемыхъ дѣлахъ подъ руководствомъ князя, ежели онъ присутствовалъ на вѣчѣ, посадника, тысяцкаго, сотскихъ и старостъ. Впрочемъ бывали случаи, что вѣче собиралось и по звуку вѣчеваго колокола; но это допускалось только во время смятеній и борьбы партій. На вѣчѣ собранномъ правильно всегда при посадникѣ и тысяцкомъ находился вѣчевый или вѣчный дьякъ и при немъ подъячіе, и на нихъ лежали всѣ письменныя дѣла по вѣчу; дьякомъ составлялись и скрѣплялись вѣчевыя грамоты. При правильномъ вѣчѣ были свои оффиціальные служители, Новгородскіе биричи и подвойскіе, которые приводили въ исполненіе опредѣленія вѣча. Когда рѣшеніе вѣча состоялось и нужно было писать грамоту, то эта грамота писалась отъ всего Новгорода въ такой формѣ: „отъ посадника Великаго Новгорода степеннаго (такого-то) и отъ всѣхъ старыхъ посадниковъ и отъ тысяцкаго Великаго Новгорода степеннаго (такого-то) и отъ всѣхъ старыхъ тысяцкихъ и отъ бояръ, и отъ житьихъ людей, и отъ купцовъ, и отъ черныхъ людей и отъ всего Великаго Новгорода, отъ всѣхъ пяти концовъ. На вѣчѣ на Ярославли дворѣ положили сдѣлать то-то“. Вѣче имѣло свою печать съ такимъ штемпелемъ: „Печать Новгородская“, или „печать Великаго Новгорода“. Этою печатью утверждались вѣчевыя грамоты; но сверхъ печати вѣча къ симъ грамотамъ иногда прикладывались печати посадниковъ, тысяцкихъ и пяти концовъ.

Вѣче, какъ выраженіе верховной власти самаго Великаго Новгорода, было выше всѣхъ властей и держало въ своихъ рукахъ судьбы Новгорода: 1-е) вѣче приглашало князя въ Новгородъ, и вѣче указывало ему путь изъ Новгорода, ежели князь оказывался неугоднымъ; 2-е) вѣче избирало всѣхъ главныхъ властей по Новгородскимъ владѣніямъ; 3-е) вѣче наряжало судъ надъ всѣми властьми въ Новгородѣ и даже надъ княземъ; 4-е) вѣче казнило и жаловало, ему приносились жалобы на неправый судъ и на всякія обиды по Новгородской землѣ, на которыя не давали управы другія власти; 5-е) вѣче издавало и отмѣняло законы, давало и отнимало грамоты на земли и разныя привилегіи; 6-е) вѣче объявляло войну и заключало миръ съ сосѣдними государствами, отъ его имени писались всѣ договорныя грамоты; 7-е) вѣче установляло подати и повинности, увеличивало или уменьшало ихъ по своему усмотрѣнію и опредѣляло, какую употреблять монету, мѣру и вѣсъ. Вообще всѣ главныя распоряженія

по управленію, всѣ распорядки тогда только признавались законными, когда они издавались и утверждались вѣчемъ.

Такимъ образомъ въ Новгородскихъ владѣніяхъ все управленіе держалось на выборномъ началѣ, и всѣ власти, за исключеніемъ верховной власти вѣча, были выборныя, и выборы властей производились тѣми общинами, для которыхъ выбирались власти, и каждая община управлялась тѣми властями, которыхъ сама выбрала, и всѣ выборы производились не на опредѣленный срокъ, а на сколько угодно будетъ обществу. При таковомъ порядкѣ управленія естественно княжеская власть въ Новгородѣ, не смотря на свое великое значеніе и незамѣнимость никакою другою властію, всегда оставалась пришлою властію. А отъ этого ни одинъ княжескій родъ не могъ утвердиться въ Новгородѣ и сдѣлаться для Новгородцевъ своимъ прирожденнымъ; по самой натурѣ Новгородскаго устройства князь могъ быть только пришлымъ; въ противномъ случаѣ онъ не былъ бы княземъ, а обратился бы въ Новгородскаго сановника, ибо князь не назывался государемъ Новгорода, а носилъ только титло господина. Великій князь Московскій, могущественный государь своего времени, Іоаннъ III-й пятнадцать лѣтъ старался сдѣлаться прирожденнымъ и своимъ княземъ Новгороду, не нарушая Новгородскихъ исконныхъ порядковъ, но не могъ сдѣлать этого, и кончилъ тѣмъ, что покорилъ Новгородъ и уничтожилъ всѣ старые Новгородскіе порядки, отмѣнилъ вѣче, посадниковъ, и тысяцкихъ, увезъ въ Москву вѣчевой колоколъ и обратилъ всѣ Новгородскія владѣнія въ Московскую провинцію.

ТИПЪ УПРАВЛЕНІЯ ВО ВСѢХЪ ВЛАДѢНІЯХЪ РУСИ ЗА ИСКЛЮЧЕНІЕМЪ НОВГОРОДСКОЙ ЗЕМЛИ.

Главное родовое отличіе управленія во всѣхъ Русскихъ владѣніяхъ противъ Новгородской формы правленія состояло въ томъ, что во всѣхъ владѣніяхъ Руси, кромѣ Новгородской земли, власть Русскаго князя, хотя первоначально пришлая, мало по малу сдѣлалась домашнею властью, и даже наслѣдственною въ томъ или другомъ княжескомъ родѣ. А другое важное отличіе было въ томъ, что княжеская власть съ теченіемъ времени измѣнялась и постепенно принимала большіе и большіе размѣры и наконецъ достигла полнаго самодержавія, тогда какъ въ Новгородѣ она скорѣе сокращалась, чѣмъ развивалась. Первая древнѣйшая форма власти Русскаго князя, нѣсколько похожая на единодержавіе, постепенно развивалась въ продолженіе времени отъ водворенія Олега въ Кіевѣ до смерти Ярослава Великаго.

а) **Отъ Олега до смерти Ярослава.** Олегъ сдѣлался Кіевскимъ княземъ съ согласія самихъ Кіевлянъ, которые послѣ измѣнническаго убитія Аскольда и Дира добровольно приняли Олега. И Олегъ, вступивши въ Кіевъ, назвалъ этотъ городъ матерью городовъ Русскихъ, т. е. своимъ постояннымъ гнѣздомъ, изъ котораго постепенно должна была распространяться власть Русскаго князя. А еще прежде Кіева Олегову власть признали добровольно Смоленскъ, старшій городъ Кривичей, слѣдовательно и все племя Кривичей, одно изъ самыхъ сильныхъ племенъ. Далѣе при такихъ же условіяхъ признана власть Олега всѣмъ племенемъ Сѣверянъ и всѣмъ племенемъ Полянъ. Кромѣ того, по уступкѣ со стороны Новгорода по первоначальному договору еще съ Рюрикомъ, за Олегомъ осталась власть надъ всею громадной землею Ростовскою, Суздальскою, Бѣлозерскою, Муромскою и Полоцкою со всѣми колоніями Полочанъ въ землѣ Литовской. Племена, признавшія власть Олега, приняли къ себѣ его посадниковъ или мужей. По смерти Олега при его ближайшихъ преемникахъ власть Русскаго или Кіевскаго князя была признана еще Древлянами, Уличами, Тиверцами, Волынянами, Дреговичами и Радимичами.

Но признаніе власти Русскаго князя исчисленными племенами еще далеко не означало, чтобы Русскій князь тѣсно соединился, или такъ сказать сроднился съ признавшимъ его народонаселеніемъ; оно скорѣе выражало собою нѣкоторое внѣшнее соединеніе племенъ признавшихъ власть одного князя и только служило первою ступенью къ будущему образованію государства и къ полному соединенію интересовъ государя и народа. Олегъ (и ближайшіе его преемники) и при власти надъ упомянутыми племенами былъ въ сущности только Русскій князь, т. е. князь племени Руси, пришедшей изъ Скандинавіи и составлявшей его дружину; племена же признавшія его власть оставались по прежнему Славянскими племенами съ своими мѣстными земскими интересами и своимъ исконнымъ строемъ, и даже частію съ своими племенными князьями. Чтобы вполнѣ слиться Русскому князю съ сими племенами, или ему самому и его дружинѣ напередъ должно было ославяниться, или Славянскимъ племенамъ принять образъ жизни и общественный строй Скандинавовъ и отказаться отъ всей своей прежней жизни; а этого ни съ той, ни съ другой стороны не было ни при Олегѣ, ни довольно долго послѣ него. Впрочемъ еще при Олегѣ въ княжую дружину стали уже поступать вольница и изъ Славянъ и разныхъ финскихъ племенъ и такимъ образомъ княжая дружина начала измѣняться въ своемъ составѣ и изъ чисто Скандинавской перерождаться въ смѣшанную; но это измѣненіе въ составѣ дружины нисколько еще не измѣняло ея внутренняго устройства и не сливало съ мѣстною земщиною.

Земщина по прежнему оставалась при своемъ общинномъ устройствѣ и владѣла всею землею, которая за ней была до прибытія Русскаго князя; князь же и въ Приднѣпровьѣ, такъ же какъ и въ въ Новгородѣ, получалъ только нѣкоторыя области съ тамошними землями въ непосредственное распоряженіе; а дружинники вовсе не не получили поземельнаго надѣла, и жили при князѣ на уступленныхъ ему отъ земщины земляхъ въ качествѣ временныхъ жильцовъ; они содержались или жалованьемъ отъ князя, или кормами отъ городовъ и областей, ежели который дружинникъ съ отрядомъ назначался княземъ въ посадники или правители какого города или области. А преимущественно содержаніе дружинниковъ состояло въ военныхъ добычахъ. И такъ было не только при Олегѣ, но и при его ближайшихъ преемникахъ; все это время Русскій князь съ своими дружинниками очень неплотно сидѣлъ на той землѣ, которая признала его власть; онъ какъ бы только для отдыха останавливался на этой землѣ въ промежутокъ времени между военными походами, безъ военныхъ добычъ князю и особенно его дружинникамъ трудно было жить. Мы знаемъ по свидѣтельству Арабскихъ писателей, что при Игорѣ, послѣ несостоявшагося похода подъ Константинополь, до 50 тысячъ дружинниковъ оставили Русскую землю и пустились грабить прибрежья Каспійскаго моря; а Игоревъ сынъ князь Святославъ самъ хотѣлъ перебраться изъ Русской земли въ Дунайскую Болгарію, какъ свидѣтельствуютъ наши лѣтописи. При таковомъ порядкѣ дѣлъ естественно нельзя еще было и думать о тѣсномъ сближеніи князя и дружинниковъ съ мѣстною земщиною; и Кіевъ, не смотря на громкое названіе матери городовъ Русскихъ, данное ему Олегомъ, въ сущности былъ только еще временною стоянкою князя и дружины. И земщина Русской земли и при князѣ во все это время управлялась по своимъ старымъ порядкамъ на основаніи общинныхъ началъ; значеніе старыхъ городовъ и ихъ отношенія къ пригородамъ оставались прежнія, и при князьяхъ пригороды состояли въ повиновеніи у стараго города; приговоры вѣча по прежнему имѣли свой вѣсъ и князья въ отношеніи къ земщинѣ не могли дѣлать никакихъ распоряженій безъ согласія вѣча. Князь съ дружиною и земщина хотя дѣйствовали согласно, и земщина признавала власть князя, но еще не составляли одного цѣлаго. Такъ изъ договора Игоря съ Греками, писаннаго въ 945 году, мы видимъ, что для переговоровъ въ Константинополь посылались особые послы отъ князя и особые отъ земщины; при утвержденіи же сего договора въ Кіевѣ клятву давалъ не одинъ князь Игорь и его дружина, но и всѣ люди; именно Русь язычники клялись на холмѣ передъ Перуномъ, а Русь христіане ходили давать клятву въ церковь св. пророка Ильи, что надъ ручаемъ. Слѣдова-

тельно клятва князя и дружины была не обязательна для земщины.

При Святославовомъ сынѣ великомъ князѣ Владимирѣ отношенія князя и дружинниковъ къ земщинѣ значительно измѣнились. Владимиръ во 1-хъ) желая болѣе сблизиться съ земщиною, лишь только утвердился въ Кіевѣ, то и выпроводилъ отъ себя буйныхъ Варяговъ, составлявшихъ большинство его дружины, и сталъ пополнять свою дружину преимущественно изъ мѣстныхъ славянъ, а дружинникамъ изъ пришельцевъ, чтобы привязать ихъ къ Русской землѣ, раздавалъ земли и богатыя угодья; во 2-хъ) для большаго сближенія съ земщиною и утвержденія своей власти, Владимиръ по общему согласію съ дружиною и земщиною принялъ христіанскую вѣру и крестилъ Русскій народъ. Съ принятіемъ христіанской вѣры князь кромѣ сбродной дружины, состоящей у него на службѣ, сталъ имѣть на своей сторонѣ духовенство христіанской церкви. Христіанская церковь, введенная князьями и ими первоначально поддерживаемая, естественно должна была сама поддерживать князей; по крайней мѣрѣ духовенство, основываясь на Священномъ Писаніи, внушало народу мысль о святости княжеской власти, о происхожденіи ея отъ Бога и объ обязанностяхъ подданныхъ повиноваться безпрекословно князьямъ и начальникамъ отъ нихъ поставленнымъ. Такимъ образомъ княжеская власть на Руси, не имѣвшая за собою ни давности, ни единства происхожденія съ народомъ, ни права побѣды или силы, при помощи христіанской церкви получила религіозное освященіе, одну изъ могущественнѣйшихъ силъ въ глазахъ народа.

Но не смотря на значительное усиленіе княжеской власти при Владимирѣ и его сынѣ Ярославѣ, земщина еще по прежнему была сильна и самостоятельна, и при князьяхъ и при ихъ посадникахъ продолжала имѣть свое собственное управленіе, своихъ выборныхъ старостъ и другихъ начальниковъ и свое вѣче, которое въ иныхъ случаяхъ даже созывалось князьями, и иногда дѣйствовало мимо князей; такъ въ 997 году въ Бѣлгородѣ было вѣче, на которомъ Бѣлгородцы порѣшили сдаться Печенѣгамъ. Земщина при Владимирѣ и Ярославѣ еще продолжала имѣть свое войско предводительствуемое своими отдѣльными воеводами; войско это составлялось изъ земцевъ главнымъ образомъ только для защиты земли отъ нападенія непріятелей, но иногда по рѣшенію вѣча участвовало въ походахъ и въ войнахъ княжескихъ: такъ земская рать была въ походѣ Ярославова сына Владимира на Грековъ и имѣла своимъ начальникомъ воеводу Вышату. Въ самыхъ сраженіяхъ и походахъ земская рать всегда стояла и шла отдѣльно отъ княжеской дружины; такъ въ 992 году при нападеніи Печенѣговъ, когда понадобилось выставить

Русскаго богатыря противъ Печенѣжскаго богатыря, то Владимиръ послалъ биричей сперва въ свой станъ къ дружинѣ, а когда таковаго богатыря между дружинниками не нашлось, то велѣлъ кликать въ земской рати, гдѣ и нашелся богатырь поразившій Печенѣжина.

Княжеская дружина при Владимирѣ и Ярославѣ хотя уже сильно измѣнилась противъ прежней княжеской дружины и стала пополняться преимущественно туземцами изъ разныхъ славянскихъ и другихъ племенъ и даже начала получать земли, но тѣмъ не менѣе она продолжала имѣть свое устройство чисто служебное, совершенно отличное отъ общиннаго устройства земщины. Дружинники хотя уже начали родниться съ богатыми земцами и брать у нихъ въ замужество дочерей, о чемъ по свидѣтельству народныхъ былинъ, особенно заботился Владимиръ; но самая служба князю сообщала имъ особый характеръ, отличный отъ земцевъ. Земецъ былъ тѣсно связанъ съ общиною, къ которой онъ принадлежалъ, его положеніе въ жизни опредѣлялось отношеніями къ общинѣ; община доставляла ему уваженіе, большимъ или меньшимъ, старѣйшимъ или молодшимъ, онъ былъ только въ общинѣ; община давала ему службу, въ случаѣ нужды защищала его и она же могла подвергнуть его преслѣдованію. Напротивъ того дружинникъ былъ человѣкъ вполнѣ свободный, онъ дорожилъ только службою князю, въ службѣ онъ находилъ защиту отъ обидъ, служба давала ему уваженіе и богатство и по волѣ князя ставила судьею и правителемъ земской общины; служба же дружинника вполнѣ зависѣла отъ князя и нисколько не зависѣла отъ земской общины. А посему хотя при Владимирѣ и Ярославѣ въ дружинникахъ не было замѣтно той подвижности и непосѣдности, которою отличались прежніе дружинники, и они какъ бы осѣлись на Русской землѣ, тѣмъ не менѣе міръ дружины и міръ земщины были совершенно разные міры, хотя не враждебные и не чуждые другъ другу, ибо и дружинникъ и земецъ были уже Русскіе люди и дорожили Русскимъ именемъ. Но связь дружины съ земщиною была еще чисто внѣшняя и условливалась только властію князя; и при Ярославѣ еще дружинникъ Полотскаго князя былъ чуждъ и земцамъ и дружинникамъ Кіевскаго князя, и на оборотъ дружинникъ Кіевскаго князя былъ чуждъ и Полочанамъ и дружинникамъ Полотскаго князя.

Земщина и въ продолженіи времени отъ Олега до смерти Ярослава по прежнему дѣлились на три класса,—на бояръ или большихъ людей, на купцовъ и черныхъ или меньшихъ людей. Чтобы показать общественное положеніе сихъ трехъ классовъ земщины, я считаю не лишнимъ представить типы каждаго изъ нихъ, какъ они сохранились въ народныхъ былинахъ временъ Владимира, и начну съ типа земскаго боярина; этотъ типъ представленъ въ былинѣ о Чу-

рилѣ Пленковичѣ и его отцѣ старомъ Пленѣ. Былина говоритъ, что вотчину или владѣнія стараго Плена составлялъ Кіевецъ на Сорогъ рѣкѣ, у Плена и его сына Чурилы была своя дружина въ 600 молодцовъ удалыхъ, и когда князь Владимиръ пріѣхалъ къ нимъ въ гости, то Чурила поднесъ ему въ даръ соболиную шубу крытую аксамитомъ, княгинѣ Владимировой Апраксіи камку хрущатую, и несмѣтное число золота роздалъ Владимировымъ боярамъ. У молодцовъ Чурилиныхъ кони одношерстные, узды на нихъ одномѣдныя, кафтанчики на молодцахъ скурлатъ сукно, источенками подпоясаны, сапожки на ножкахъ зеленъ сафьянъ. Князь Владимиръ довольный пріемомъ и видя удаль и богатство Чурилы, проситъ стараго Плена, чтобы отпустилъ сына къ нему на службу: не довлѣетъ тебѣ, Чурилѣ, жить въ Кіевцѣ, а довлѣетъ жить тебѣ въ Кіевѣ у князя Владимира. Подобный же типъ земскаго боярина представленъ въ былинѣ о Дюкѣ Степановичѣ, котораго богатыя вотчины находились на Волыни, которыми за смертію отца управляла его мать; о богатствахъ Дюка и его матери посолъ Владимировъ Добрыня Никитичъ въ былинѣ говоритъ: „намъ изъ города изъ Кіева везти бумаги на шести возахъ, да чернилъ везти на трехъ возахъ,—описывать Дюково богатство,—да не описать будетъ“. Типъ купца или гостя между прочими представляетъ былина о Соловьѣ Будимировичѣ, у котораго по словамъ былины своихъ тридцать три корабля безъ единаго, наполненные разными товарами, своя дружина ротниковъ, т. е. давшихъ клятву, роту, слушать соловья и не выдавать другъ друга. Соловей говоритъ своей дружинѣ: „братцы вы дружинушка хоробрая! Слушайте большаго атамана, дѣлайте дѣло повелѣнное, скоро подымайте паруса крупчатые, побѣгайте ко славному городу Кіеву, къ ласкову князю Владимиру“. Прибывши въ Кіевъ, по словамъ былины, Соловей прямо отправляется къ князю Владимиру, даритъ придверниковъ и приворотниковъ чистымъ серебромъ, а самого князя золотой казной, а княгиню двуличной камкой узорчатой. Другая былина объ Иванѣ Годиновичѣ представляетъ типъ купца въ Черниговскомъ гостѣ Дмитріѣ, который былъ такъ богатъ, что за его дочь Настасью сватались князья, и который съ гордостью отвѣчалъ Владимирову племяннику Ивану Годиновичу пріѣхавшему сватать за себя Настасью Дмитріевну: „у меня срощена собака на моемъ дворѣ, отдать за тебя Иванушка Годиновичъ“. Типъ чернаго или меньшаго человѣка селянина былины представляютъ въ отцѣ Ильи Муромца, крестьянинѣ села Корочарова. Въ былинѣ сказано: Илья Муромецъ въ полдень приходитъ на пожню, гдѣ отецъ съ семействомъ и работниками спалъ послѣ обѣда; Илья взялъ топоры и началъ чистить пожню, и сколько отецъ съ работниками не успѣлъ начистить въ три дня, то онъ начистилъ въ одинъ

часъ, и воткнулъ топоры въ пни, такъ что ихъ никому не вынуть. Отецъ и работники, проснувшись, дивились, кто надъ ними такъ подшутилъ, и въ это время Илья вышелъ изъ лѣсу и вынулъ топоры изъ пней. Увидѣвъ это, отецъ сказалъ: „слава Богу, сыну Богъ далъ здоровье, большой будетъ работникъ". Другой типъ крестьянина или меньшаго человѣка изображенъ въ лицѣ Микулы Селяниновича. Былина говоритъ: „Былъ-то Микула во городѣ во Кіевѣ, вывезъ онъ соли два мѣха, а въ каждый мѣхъ входитъ пудовъ по сороку. А тутъ Микула пахалъ да оралъ, сосенки да ельнички въ борозду валилъ. Ржи напахалъ да домой выволочилъ, домой выволочилъ, дома вымолотилъ". Обѣ былины идеалъ крестьянина или селянина представляютъ въ здоровомъ и трудолюбивомъ работникѣ, который порабощаетъ дикую поросшую непроходимымъ лѣсомъ землю своимъ трудомъ, валитъ въ борозду сосенки да ельнички, поднимаетъ богатую будущими урожаями новину и топоромъ и сохой завоевываетъ себѣ у дикаго лѣса, или поля, ниву кормилицу, и какъ піонеръ пролагаетъ и расчищаетъ дорогу для будущей цивилизаціи. Отецъ Ильи Муромца радуется, что сыну Богъ далъ здоровье и что онъ будетъ большой работникъ.

Представивши типы трехъ классовъ земщины, былины представляютъ и отношеніе ихъ другъ къ другу и даже частію къ князю; изъ былинъ мы видимъ, что классы сіи были довольно близки другъ къ другу, какъ члены одного общества и притомъ происходившіе отъ одного племени, между которыми жизнь и исторія еще не успѣли провести ни вражды, ни отчужденія. Такъ напримѣръ былина о Ставрѣ Годиновичѣ говоритъ, что гонецъ изъ Кіева нашелъ у Василисы Никулишны, Ставровой жены: „забрано (собраны) столованье,—почетный пиръ, забраны жены купецкія, забраны жены боярскія". Здѣсь мы видимъ ясно, что семейства земскихъ бояръ и купцовъ не чуждались другъ друга и водили между собою хлѣбъ соль, сходились другъ къ другу въ гости. Или въ одной былинѣ о Дюкѣ Степановичѣ: „Владиміръ солнышко князь Кіевскій забиралъ для удалаго молодца (Дюка Степановича) столованье—почетный пиръ, многихъ князей и бояриновъ думныхъ, и вельможъ, купцовъ богатыхъ, и поляницъ (изъ сельчанъ богатыри) удалыхъ и Россійскихъ могучихъ богатырей". Такимъ образомъ по былинѣ мы видимъ на пиру у князя Владиміра не только дружинниковъ, но и всѣ три класса земщины, и бояръ и купцовъ, и поляницъ удалыхъ, т. е. лучшихъ изъ сельчанъ, или черныхъ людей. Тоже повторяется въ одной былинѣ о Соловьѣ Будимировичѣ. Или въ былинѣ о Хотенѣ Блудовичѣ говорится, что на пиру у князя Владиміра были между прочими гостями двѣ вдовы: перва вдова честна Блудова жена, а другая вдова честна купецъ

жена“. При таковой близости другъ къ другу всѣхъ классовъ земщины естественно въ земскомъ управленіи выборы къ разнымъ должностямъ были общіе въ каждомъ обществѣ; но какъ они производились, по общинамъ ли какъ въ Новгородѣ, или цѣлымъ обществомъ, цѣлымъ народомъ данной мѣстности, на это за разбираемое время мы не имѣемъ никакихъ указаній, и можемъ сказать только одно, что, кажется, выборными должностями были только должности сотскихъ, старостъ, судей, пятидесятскихъ и десятскихъ; должности же тысяцкихъ и посадниковъ не зависѣли отъ земскаго вѣча, а замѣщались по назначенію князя его дружинниками. Къ самимъ князьямъ выборнаго начала такъ же не прилагалось; по крайней мѣрѣ отъ Олега до кончины Ярослава право выбора князей народомъ ни разу не имѣло случая высказаться ни въ Кіевѣ, ни въ Черниговѣ, ни въ другихъ мѣстахъ, кромѣ Новгорода. Хотя нельзя сомнѣваться, что это право существовало въ возможности, ибо былина о Дюкѣ Степановичѣ называетъ Кіевлянъ честнымъ народомъ вольно-Кіевскимъ; слѣдовательно нѣкоторымъ образомъ намекаетъ на право Кіевлянъ подчиняться княжеской власти по свободному согласію, и на значительную самостоятельность Кіевской земщины, а вѣроятно и другихъ земщинъ, и при княжеской власти; по крайней мѣрѣ въ народномъ представленіи власть князя не уничтожала самостоятельности земщины, и при князѣ народъ считался вольнымъ. Власть князя и въ это время очевидно не могла быть самовластіемъ; но это мы яснѣе увидимъ, разсматривая положеніе земщины по смерти Ярослава, къ чему теперь и обратимся.

б) **Положеніе земщины на Руси отъ смерти Ярослава до владычества Монголовъ.** По смерти Ярослава Русская земля раздѣлилась на нѣсколько независимыхъ владѣній съ самостоятельными князьями, состоявшими между собою лишь въ родственной связи и почти только номинально подчиненными великому князю Кіевскому, какъ старшему изъ нихъ, а отнюдь не какъ государю. Этотъ порядокъ заразъ повернулъ Русскую землю назадъ, т. е. только-что связанныя общею княжескою властію разныя Славянскія племена возвратилъ къ старому порядку отдѣльности, и почти каждому Славянскому племени далъ своего самостоятельнаго князя, и тѣмъ самымъ ослабилъ княжескую власть. Это ослабленіе княжеской власти имѣло главнымъ основаніемъ своимъ то, что по новому порядку каждый князь сталъ лицомъ къ лицу съ однимъ племенемъ, крѣпко сплоченнымъ и имѣющимъ прочную организацію въ подчиненіи пригородовъ своему старшему городу; тогда какъ при Владимирѣ и Ярославѣ княжеская власть именно и опиралась на томъ, что разныя племена, не имѣвшія между собою внутренней крѣпкой связи, не могли дѣйствовать дружно и по-

одному плану, и своею разрозненностью поддерживали княжескую власть надъ всѣми племенами.

Такимъ образомъ земщина разныхъ Славянскихъ племенъ на Руси съ раздѣломъ Ярославовыхъ владѣній очутилась вдругъ въ выгоднѣйшемъ положеніи, относительно къ князьямъ, противъ прежняго времени, не замедлила воспользоваться имъ и заявить свои права, не высказывавшіяся въ предшествовавшее время, и первая воспользовалась такимъ положеніемъ Кіевская земщина въ 1067 г., т. е. черезъ 12 лѣтъ по смерти Ярослава. Въ этомъ году Изяславъ князь Кіевскій былъ разбитъ Половцами; Кіевляне недовольные симъ собрали на торговой площади вѣче и потребовали, чтобы князь снова выступилъ противъ Половцевъ. Изяславъ отказалъ имъ въ этомъ требованіи, и въ отвѣтъ на этотъ отказъ вѣче принудило Изяслава бѣжать изъ Кіева и объявило своимъ княземъ Всеслава Полотскаго, бывшаго тогда плѣнникомъ въ Кіевѣ. Когда же Изяславъ чрезъ семь мѣсяцевъ явился съ большимъ Польскимъ войскомъ подъ Кіевомъ, а Всеславъ бѣжалъ, то Кіевское вѣче послало сказать Изяславовымъ братьямъ, князьямъ Черниговскому и Переяславскому, чтобы они шли защищать городъ отца своего, а въ противномъ случаѣ грозили сами сжечь Кіевъ и уйти въ Греческую землю, и тѣмъ самымъ принудили ихъ вступиться за Кіевъ и требовать, чтобы Изяславъ отпустилъ отъ себя Польскую рать. Такимъ образомъ при первомъ же заявленіи своихъ правъ Кіевская земщина такъ ловко могла поставить свое дѣло, что князья принуждены были стать на сторонѣ земщины противъ своего старшаго брата. Въ слѣдъ за Кіевскою земщиною и Черниговская земщина въ 1078 году оставила княжившаго тамъ Всеволода Ярославича и передалась его племяннику Олегу Святославичу. Потомъ Владиміро-Волынская земщина оставила своего князя Ярополка Изяславича и признала своими князьями Ростиславичей, внуковъ Владиміра Новгородскаго. Да и вообще во все время споровъ между сыновьями Ярослава земцы рѣдко поддерживали князей, такъ что при нападеніи князей другъ на друга ни одинъ городъ не защищалъ своего князя, князья защищались и нападали только съ своими дружинниками и Половцами.

При внукахъ и особенно при правнукахъ Ярослава земщина на Руси очутилась въ новомъ положеніи. Благоразумнѣйшіе изъ внуковъ и правнуковъ Ярослава начали обращать вниманіе на земщину въ своихъ владѣніяхъ и признавать ее опорою и источникомъ своей силы и могущества, и посему стали дорожить своими отчинными владѣніями, а не переходить изъ одного владѣнія въ другое. Это новое направленіе заставило князей обратиться къ старому порядку Владимірова и Ярославова времени, чтобы въ важныхъ случаяхъ со-

вѣтоваться съ земщиною и даже приглашать ее при рѣшеніи дѣлъ чисто междукняжескихъ. Первый къ этому порядку обратился Владиміръ Мономахъ, умнѣйшій и могущественнѣйшій изъ князей своего времени; онъ въ 1096 году вмѣстѣ съ Святополкомъ Кіевскимъ, приглашая въ Кіевъ Олега Святославича князя Черниговскаго, писалъ къ нему: „приходи въ Кіевъ да порядъ положимъ о Русской землѣ передъ епископы, и предъ игумены, и предъ мужами отцевъ нашихъ и предъ людьми градскими". Потомъ этотъ порядокъ рѣшительно сдѣлался необходимымъ для князей, и каждый князь, искавшій для себя пособія земщины, сталъ созывать вѣча и объявлять свои желанія земцамъ; и ежели земцы соглашались помочь князю, то тутъ же на вѣчѣ объявляли ему о своей готовности поддерживать его, а въ противномъ случаѣ прямо отказывали и князь удалялся изъ города. Такъ, въ 1147 г. князь Курскій Мстиславъ Изяславичъ, услышавши, что Глѣбъ Юрьевичъ съ Святославомъ Ольговичемъ идутъ на Курскъ, немедленно созвалъ вѣче и началъ на вѣчѣ спрашивать земщину, — будетъ ли она защищать его; и Курская земщина прямо на вѣчѣ отвѣчала: „ежели съ Ольговичами, то готовы биться за тебя даже и съ дѣтьми, а на Володимере племя на Юрьевича не можемъ поднять рукъ". И послѣ таковаго отвѣта Мстиславъ съ дружиною долженъ былъ оставить Курскъ. Или въ 1154 году, когда на походѣ Ростислава Мстиславича (княжившаго въ Кіевѣ вмѣстѣ съ своимъ дядею Вячеславомъ), къ Чернигову пришла вѣсть о смерти Вячеслава въ Кіевѣ, то старшіе дружинники прямо сказали Ростиславу: „твоего дядю Ростислава Богъ взялъ, а ты еще не утвердился съ людьми въ Кіевѣ; поѣзжай въ Кіевъ и утвердися съ людьми".

Таковое новое положеніе земщины мало по малу воспитало въ земцахъ убѣжденіе, что въ такой-то земщинѣ долженъ княжить такой-то княжескій домъ, а въ такой-то такой. Именно Полотскіе земцы стали признавать своими постоянными законными князьями потомковъ Рогнѣдина сына Изяслава Владиміровича, земцы Галицкіе потомковъ Владиміра Ярославича Новгородскаго; земщины Черниговская, Новгородъ Сѣверская, Рязанская и Муромская потомковъ Святослава Ярославича; Кіевляне, Волынцы, Переяславцы, Смольняне и Суздальцы потомковъ Владиміра Мономаха. И это убѣжденіе земщинъ такъ было сильно, что, несмотря ни на междоусобіе князей, ни на ихъ захваты той или другой чужой области, земцы постоянно держались своего княжескаго дома. Князь, захватившій область, не принадлежавшую его дому, ежели и удерживался въ ней на время своей жизни (что бывало впрочемъ очень рѣдко), то никакъ не могъ закрѣпить ее за своимъ родомъ: земщина, вѣрная своимъ потомственнымъ князьямъ, постоянно противилась этому и всегда съ успѣхомъ. Такъ ни Мсти-

славъ Великій не могъ укрѣпить за своимъ домомъ Полотскихъ владѣній, хотя на время успѣлъ захватить ихъ и даже сослать въ Грецію Полотскихъ князей: Полотская земщина немедленно по смерти Мстислава возвратила своихъ прирожденныхъ князей изъ Греціи и выгнала отъ себя сыновей Мстислава; ни Всеволодъ Ольговичъ Черниговскій не могъ утвердить Кіевъ за своимъ родомъ, хотя и успѣлъ завладѣть Кіевомъ и умеръ Кіевскимъ княземъ. Въ слѣдъ за похоронами Всеволода Кіевское вѣче отказало въ повиновеніи его брату Игорю Ольговичу и пригласило на Кіевскій престолъ Изяслава Мстиславича изъ дома Мономахова.

Вмѣстѣ съ убѣжденіемъ земщины считать тотъ или другой княжескій домъ своимъ потомственнымъ, выступило наружу, доселѣ невысказывавшееся право земщины выбирать себѣ князей, и однихъ принимать и поддерживать, а другихъ посаженныхъ насильно, противъ воли земщины, — вытѣснять. Это право выбора князей мало по малу достигло того, что ни одинъ княжескій престолъ съ половины XII столѣтія вплоть до Монгольскаго завоеванія не могъ быть занятъ безъ согласія мѣстной земщины, ежели только земщина эта не утратила своей самостоятельности, и князьямъ для занятія какого-либо престола столько же нужно было согласіе мѣстной земщины, сколько и согласіе другихъ князей. Каждый князь, чтобы занять какой-либо княжескій престолъ долженъ былъ непремѣнно заключить договоръ съ мѣстной земщиною; даже и въ такомъ случаѣ, ежели бы какого князя сажали на престолъ цѣлымъ союзомъ князей, требовалось, чтобы тутъ же участвовали и послы отъ той земщины, въ которой находится этотъ престолъ. Такъ, въ 1169 году Мстиславъ Изяславичъ, вступая на Кіевскій престолъ, долженъ былъ заключать договоръ, какъ съ князьями и дружиною, такъ и съ Кіевскою земщиною. При таковомъ порядкѣ всѣ распоряженія князей тогда только имѣли силу, когда на нихъ изъявила согласіе мѣстная земщина. Такъ, у старшихъ князей со временъ еще Ярослава было въ обычаѣ при смерти дѣлать завѣщаніе и назначать въ немъ удѣлы своимъ сыновьямъ; но завѣщанія сіи тогда только приводились въ исполненіе, когда на это соглашалась мѣстная земщина, въ противномъ же случаѣ князь не могъ и держать назначенный ему удѣлъ. А посему князь, явившись въ удѣлъ, отказанный ему отцомъ, долженъ былъ собрать вѣче, объявить ему о волѣ завѣщателя и спросить согласно ли оно признать его своимъ княземъ. Такъ, напримѣръ, по смерти могущественнаго Всеволода Юрьевича сынъ его Ярославъ, получивши по отцовскому завѣщанію въ удѣлъ Переяславль-Залѣсскій, утвердился на этомъ княжествѣ не иначе, какъ по согласію съ тамошней земщиной; въ лѣтописи сказано: „Ярославъ, пріѣхавши въ Переяславль, созвалъ

Переяславцевъ на вѣче къ церкви святого Спаса и сказалъ имъ: „братья Переяславцы! вотъ отецъ мой отошелъ къ Богу, и васъ отдалъ мнѣ, а меня вамъ далъ на руки; скажите, братіе, хотите ли меня имѣть у себя, какъ имѣли отца моего, и сложить за меня головы". И отвѣчали Переяславцы: „очень хотимъ, господине, да будетъ такъ, ты нашъ господинъ, ты нашъ Всеволодъ". А князья Всеволодъ и Ярославъ были одни изъ сильнѣйшихъ князей, но и они считали необходимымъ спрашивать согласія земщины. Да и нельзя было не считать это необходимымъ, ибо въ противномъ случаѣ земщина, узнавши о неугодномъ ей распоряженіи старшаго князя, не дожидаясь назначеннаго завѣщаніемъ, приглашала князя со стороны. Такъ это было въ Суздальской землѣ по смерти Юрія Долгорукаго. Юрій, умирая, назначилъ Суздальскія владѣнія въ удѣлъ младшимъ сыновьямъ, но Суздальская и Ростовская земщины, не дожидаясь назначенныхъ имъ князей, пригласили и объявили своимъ княземъ старшаго Юрьева сына Андрея. А ежели бы какой земщинѣ сажали князя силою, то таковому посаженному обыкновенно приходилось туго; земщина справлялась съ нимъ по своему. Такъ, когда въ 1154 году Юрій Долгорукій выгналъ изъ Рязани тамошняго потомственнаго князя Ростислава и посадилъ тамъ сына своего знаменитаго Андрея Боголюбскаго, то Рязанцы тайно ночью подвели Ростислава съ Половцами, такъ что Андрей едва успѣлъ убѣжать объ одномъ сапогѣ, а дружину его Рязанцы частію изсѣкли, частію потопили въ рѣкѣ, а частію живыхъ зарыли въ землю.

Развивши право выбирать князей, земщина стала заявлять свои права и на вмѣшательство въ дѣла княжескія, даже судить князей и удалять неугодныхъ. Такъ по смерти Андрея Боголюбскаго Ростовцы, Суздальцы и Владимирцы вольными голосами выбрали себѣ въ князья племянниковъ Андреевыхъ Мстислава и Ярополка Ростиславичей (мимо Андреева сына Юрія). Потомъ, когда Ростиславичи стали плохо управлять, то Владимирцы собрали вѣче и прямо сказали: „мы по своей волѣ избрали князей и цѣловали имъ крестъ, а они пустошатъ нашу землю, какъ бы не думая оставаться въ ней князьями; а мы промыслимъ себѣ князя". И вслѣдъ за тѣмъ послали звать себѣ въ князья Михаила Юрьевича, и посадили его на престолѣ во Владимирѣ. А въ Галичѣ во время могущественнѣйшаго и умнѣйшаго тамошняго князя Ярослава Владимировича Осмосмысла, въ 1173 году, Галицкая земщина, недовольная несогласною жизнію своего князя съ супругою, принужденною бѣжать отъ него, созвала вѣче и взяла съ Ярослава присягу жить согласно съ супругою, а любимицу его Настасью сожгла на площади, сына же ея Олега отправила въ заточеніе и супругу его возвратила въ Галичъ. Или въ 1151 году Полот-

ская земщина схватила своего князя Рогволода Борисовича и заточила въ Минскъ, гдѣ держала подъ строгимъ карауломъ, а сама цѣловала крестъ Святославу Ольговичу Черниговскому. Даже сами князья признаютъ за нужное приглашать земщину къ участію въ своихъ собственныхъ дѣлахъ; такъ въ 1159 году, когда Ростислава Смоленскаго приглашали на Кіевскій престолъ, то онъ посылалъ въ Кіевъ отъ Смольнянъ мужа Ивана Ручечника и отъ Новгородцевъ Якуна договариваться съ приглашавшими князьями и Кіевлянами о томъ, на какихъ условіяхъ они принимаютъ его въ Кіевскіе князья. Здѣсь Ростиславъ принимаетъ Кіевскій престолъ, явно съ согласія Смольнянъ и Новгородцевъ; онъ считаетъ для себя одинаково нужнымъ какъ согласіе князей и Кіевлянъ приглашавщихъ его въ Кіевъ, такъ и земцевъ Смоленскихъ и Новгородскихъ отпускавшихъ его на Кіевскій престолъ. Или князь Галицкій Ярославъ въ 1187 году предъ смертію своею сзываетъ къ себѣ дружину и земщину и передъ ними дѣлаетъ свои предсмертныя распоряженія относительно назначенія удѣловъ своимъ сыновьямъ и беретъ присягу какъ съ сыновей, такъ и съ Галичанъ. Или въ 1154 году Вячеславъ Кіевскій, принявши къ себѣ въ соправители своего племянника Ростислава Смоленскаго, приглашаетъ Кіевскую земщину утвердить это распоряженіе.

Указавши на положеніе земщины въ Русской землѣ и на ея отношеніе къ князьямъ, теперь слѣдуетъ разсмотрѣть внутреннее ея устройство и тѣ органы, которыми она управлялась мимо княжеской власти. Внутреннее устройство земщины и въ настоящемъ періодѣ было прежнее общинное, по прежнему пригороды состояли въ зависимости отъ старыхъ городовъ по общему правилу: „на чемъ старшіе сдумаютъ, на томъ и пригороды станутъ". Это общее правило не потеряло еще своей силы; а посему князь принятый съ согласія вѣча въ старомъ городѣ признавался княземъ и отъ пригородовъ, посылалъ туда своихъ посадниковъ или передавалъ пригороды другимъ князьямъ своимъ союзникамъ; и пригороды не имѣли права противиться такимъ распоряженіямъ, пока князь сидѣлъ въ старшемъ городѣ. Но тѣмъ не менѣе при помощи князей пригороды стали высказывать свою самостоятельность и непокорность старымъ городамъ, какъ скоро замѣчали со стороны старыхъ городовъ какую нибудь обиду. Такъ Владимирцы, хотя и признавали себя младшими и мизинными противъ Ростовцевъ и Суздальцевъ, и даже жаловались имъ на плохое управленіе посаженнаго къ нимъ Ростовцами князя Ярополка Ростиславича, но когда Ростовцы и Суздальцы не обратили вниманія на ихъ жалобы, то они отказались повиноваться имъ, выбрали себѣ въ князья Михаила Юрьевича, и семь недѣль бились съ Ростовцами, защищая своего избраннаго князя. И лѣтопись прямо говоритъ, что

Владимирцы бились не противъ князей предлагаемыхъ Ростовцами, но собственно не желая покориться Ростовцамъ, которые хвалились такъ: „пожжемъ Владимиръ, или посадника къ нимъ посадимъ, это наши холопи каменщики". И такимъ образомъ старшiе города въ настоящемъ перiодѣ стали мало по малу терять свое прежнее исконное значенiе; связь между колонiями и метрополiями начала позабываться, и въ нѣкоторыхъ княжествахъ младшiе города или прежнiе пригороды сдѣлались главными городами, столицами княженiй; впрочемъ окончательное паденiе старшихъ городовъ послѣдовало уже въ слѣдующемъ перiодѣ, въ настоящемъ же перiодѣ только положено начало этому новому порядку.

Отношенiе городовъ къ своей области оставалось прежнее, каждый городъ считался и дѣйствительно былъ представителемъ своей области; память того, что всѣ селенiя первоначально были колонiями города не только не ослабѣвала, но постоянно подкрѣплялась, какъ бытовыми отношенiями области къ городу, такъ и тѣмъ, что администрацiя сосредоточивалась въ городѣ. Область тянула судомъ и данью къ городу, въ городъ присылались намѣстники или посадники князья, съ своимъ городомъ область вела торговлю, въ городѣ область искала защиты въ случаѣ нападенiя непрiятелей, въ городѣ были осадные дворы сельскихъ жителей, куда они укрывались при нападенiи непрiятелей; кромѣ того значительная часть сельскихъ или уѣздныхъ земель принадлежала въ собственность жителямъ города, и на этихъ земляхъ по взаимнымъ условiямъ съ владѣльцами селились цѣлыя селенiя и деревни вольныхъ земледѣльцевъ.

Область, принадлежащая тому или другому городу, называлась его присудомъ или уѣздомъ, и дѣлилась на погосты и волости. Погостомъ назывался союзъ сельскихъ общинъ, которыя въ погостѣ имѣли свой ближайшiй судъ и управу; а волостью назывались села и деревни построенныя на землѣ какого-либо одного частнаго землевладѣльца; по землевладѣльцамъ они раздѣлялись: на волости княжескiя, составляющiя собственность князя, монастырскiя или церковныя принадлежащiя тому или другому монастырю или церкви, и наконецъ боярскiя, составляющiя собственность того или другого боярина. Волости по суду и управленiю приписывались къ погостамъ; но въ экономическомъ или бытовомъ отношенiи числились отдѣльными самостоятельными единицами, и знали своего владѣльца. Кромѣ того какъ сельскiя, такъ и городскiя общины дѣлились на верви; вервью называлась или одна какая-либо община или союзъ нѣсколькихъ общинъ соединившихся другъ съ другомъ для общаго платежа виры по взаимной раскладкѣ. Это соединенiе было совершенно свободное независящее ни отъ земской, ни отъ княжеской администра-

ціи. Каждый могъ поступать и не поступать въ члены верви по собственному усмотрѣнію. Обязанности налагаемыя вервію на своихъ членовъ состояли только въ томъ, чтобы каждый членъ вносилъ каждогодно опредѣленную по раскладкѣ сумму въ общую казну верви; и по этому каждогодному взносу получалъ право на пособіе цѣлой верви, ежели бы онъ въ случаѣ какого-либо убійства долженъ былъ платить виру въ княжескую казну, вервь въ такомъ случаѣ платила за него виру, называвшуюся дикою или общинною вирою. Кромѣ того вервь была судьею и защитникомъ своего члена, ежели бы онъ былъ уличенъ въ убійствѣ; она дѣлала приговоръ признать ли его убійцею злонамѣреннымъ, съ которымъ нельзя жить, или отнести къ убійцамъ нечаяннымъ безъ злого умысла, съ которымъ можно еще жить; и въ первомъ случаѣ исключала его изъ своихъ членовъ и выдавала князю на заточеніе и разграбленіе, а во второмъ случаѣ оставляла его у себя и платила за него опредѣленную закономъ дикую виру въ княжую казну.

Всѣ сіи общины, начиная отъ старшаго города до верви, имѣли свою общинную или земскую управу, независимую отъ управы князя, или его слугъ, и стоявшую съ ней рядомъ, такъ что князь и его посадники управляли и судили не иначе, какъ при участіи и содѣйствіи земскихъ властей. Общинное земское устройство въ это время такъ было сильно и крѣпко, что каждая община была въ круговой порукѣ за своихъ членовъ. и члена общины нельзя было взять безъ согласія общины или выборныхъ ея властей; княжій или посадничій приставъ не могъ безъ позволенія общины даже править долговъ на ея членѣ, при чемъ община могла не допускать пристава и принять платежъ долга на себя. Даже на княжескомъ или посадничьемъ судѣ всегда сидѣли судьи отъ земщины, въ противномъ случаѣ княжій или посадничій судъ не признавался какъ судъ и его приговоры были недѣйствительны; самый вызовъ въ судъ производился только съ разрѣшенія мѣстной земской власти,—къ гражданину или вообще къ члену общины нельзя было приставить пристава для вызова въ судъ, не объявивши о томъ напередъ старостѣ. А въ случаѣ ежели бы княжьи посадники или тіуны стали отягощать земцевъ, то община или земщина обращалась съ жалобою къ князю или къ земщинѣ стараго города, ежели таковые посадники или тіуны оказывались въ пригородѣ. Князь, получивши жалобу, или узнавши о неудовольствіи и волненіи земщины противъ посадниковъ, смѣнялъ ихъ и описывалъ то, что они пограбили; такъ въ лѣтописи подъ 1240 годомъ сказано о князѣ Галицкомъ Даніилѣ Романовичѣ, что онъ послалъ печатника своего въ Бакоту исписать грабительство нечестивыхъ бояръ, и тѣмъ утишилъ землю. Когда же князья потворствовали своимъ по-

садникамъ, то земщина возставала на самихъ князей, какъ это напримѣръ было въ 1176 году съ Ростиславичами во Владимирѣ-Залѣсскомъ.

Органами земскаго управленія были вѣче и выборныя земскія власти. Въ каждомъ городѣ и въ каждой общинѣ, городской ли, сельской ли по всѣмъ краямъ Руси, вѣче представляло общую думу всѣхъ гражданъ или всѣхъ членовъ общины безъ выбору, или домохозяевъ. Вѣче въ разныхъ городахъ имѣло опредѣленныя мѣста для своихъ собраній; такъ въ Кіевѣ были два мѣста, одно на Ярославовомъ дворѣ на горѣ, на это вѣче сзывалъ самъ князь, а другое на торговищѣ у Туровой божницы, куда народъ собирался по призыву своихъ земскихъ властей; на первомъ вѣчѣ князь принималъ присягу отъ Кіевлянъ, а на второмъ Кіевляне водили князя къ присягѣ. Въ Переяславлѣ Залѣсскомъ обычнымъ мѣстомъ вѣча была площадь у церкви Святаго Спаса, въ Черниговѣ такъ же у тамошней соборной церкви Спаса, въ Смоленскѣ у церкви Пресвятыя Богородицы. Вѣче главнаго или старшаго города рѣшало принять или не принять того или другого князя, оно же рѣшало поддерживать ли князя въ случаѣ нападенія непріятелей, или не поддерживать, принимать участіе въ той или другой княжеской войнѣ и собирать земскіе полки, или не принимать участія и полковъ не собирать. Такъ въ 1147 году Изяславъ Кіевскій, замысливши походъ на своего дядю Юрія Долгорукаго и на его союзниковъ Ольговичей, собралъ вѣче и объявилъ объ этомъ Кіевлянамъ, прося, чтобы они дали ему свои полки; и вѣче отвѣчало: „княже! ты на насъ не гнѣвайся, не можемъ поднять рукъ на Володимерово племя на Юрія, а ежели на Ольговичей, то идемъ и съ дѣтьми“, и князь не могъ идти противъ вѣчевого приговора, и только сказалъ: „а тотъ добръ, кто пойдетъ по мнѣ“; и охотниковъ набралось много. Когда же Изяславъ въ томъ же году, узнавши объ измѣнѣ своихъ союзниковъ Давыдовичей, перемѣнилъ свое намѣреніе идти на Юрія, и съ похода прислалъ своего посла въ Кіевъ объявить вѣчу о походѣ на Черниговъ, и когда Изяславовъ посолъ сказалъ вѣчу княжую рѣчь: „цѣловалъ васъ вашъ князь и велѣлъ сказать: братья Кіяне пойдите со мною къ Чернигову на Ольговичей“. То вѣче отвѣчало: идемъ по тебѣ и съ дѣтьми по твоему хотѣнію, и велѣли собирать земскіе полки. Вѣче же рѣшало продолжать войну, въ которой участвуютъ его земскіе полки, или не продолжать и заключить миръ. Такъ въ 1185 году, когда Кіевскій князь Рюрикъ сталъ просить присланные къ нему на помощь Смоленскіе земскіе полки, чтобы они перешли Днѣпръ и шли къ Переяславлю, а Смоленскимъ вѣчемъ они были отпущены только до Кіева, то полки сіи, составивши вѣче, отвѣчали князю: „мы отпущены до

Кіева, и ежели бы нужно было биться съ Половцами подъ Кіевомъ, то бились бы съ ними, а искать другой рати не можемъ"; и давши такой отвѣтъ пошли съ своимъ княземъ назадъ въ Смоленскъ, и князь Смоленскій бывшій съ ними не могъ остановить ихъ. Или когда въ 1177 году Мстиславъ Ростиславичъ Ростовскій хотѣлъ заключить миръ съ Всеволодомъ Юрьевичемъ, княземъ Владимирскимъ, то Ростовское вѣче сказало ему: „хотя ты и дашь ему миръ, но мы недадимъ", и Мстиславъ долженъ былъ продолжать войну. Или въ 1186 году, когда Смоленскій князь Давыдъ Ростиславичъ съ Смольнянами и Новгородцами пошелъ на Полотскую землю, то Полотская земщина по рѣшенію вѣча, мимо своихъ князей, отправила отъ себя посольство на границу съ дарами, и, недопустивъ Давыда переступить Полотскую границу, заключило съ нимъ миръ отъ имени Полотской земли, а не отъ имени Полотскихъ князей. Подати, повинности и службы земщины назначались княземъ не иначе, какъ по согласію съ вѣчемъ главнаго города; вѣче, согласившись съ княземъ относительно общаго числа податей, составляло подробныя описи на всѣ подчиненныя городу общины, сколько съ какой общины должно идти податей и службъ изъ общаго числа; общины же на своихъ мѣстныхъ вѣчахъ или сходкахъ дѣлали раскладку податей или службъ, доставшихся на ихъ долю, по дворамъ, сколько долженъ платить каждый дворъ, смотря по состоянію, богатый дворъ больше, а бѣдный меньше. Вѣче избирало всѣхъ земскихъ начальниковъ, оно же вступало въ договоръ съ княземъ порѣшивши его принять къ себѣ; даже выборъ мѣстнаго епископа болѣе или менѣе зависѣлъ отъ вѣча, которое по согласію съ княземъ могло принять присланнаго Кіевскимъ митрополитомъ епископа, могло и не принять, а назначить своего. Такъ въ 1183 году митрополитъ поставилъ въ Суздаль епископомъ Николу Гречина; но Суздальцы не приняли его и ихъ князь Всеволодъ Юрьевичъ писалъ къ митрополиту: „этого не избрали люди нашей земли; но какъ ты уже его поставилъ, то и держи его, гдѣ тебѣ угодно, а мнѣ постави (посвяти въ епископы) Луку смиреннаго духомъ и кроткаго игумена святаго Спаса на Берестовомъ".

За вѣчемъ въ управленіи земщиною слѣдовали выборныя власти, сотскіе, старосты, судьи, а въ земскомъ войскѣ воеводы. Власти сіи имѣли большое значеніе въ земскомъ управленіи, такъ что князь могъ править областью только при посредствѣ сихъ властей, въ противномъ же случаѣ его распоряженія или оставались недѣйствительными или въ случаѣ насилія отъ князя вели къ неудовольствіямъ со стороны земщины, а неудовольствія вели къ изгнанію князя, ежели онъ не имѣлъ достаточныхъ силъ удержаться. Во всѣхъ владѣніяхъ Руси постоянно были двѣ власти и два разряда правитель-

ственныхъ органовъ: власть князя и власть вѣча, правители назначаемые княземъ и правители избираемые земщиною. Къ первымъ относились посадники, тысяцкіе, тіуны, вирники, данщики и другіе служители княжескаго суда и управы, принадлежавшіе къ княжой дружинѣ; второй разрядъ правителей, выбираемыхъ земщиною, составляли сотскіе, судьи и старосты разныхъ наименованій и другіе служители, или представители земщины въ дѣлахъ суда и управы. Сіи представители земщины во всѣхъ владѣніяхъ Русской земли, подобно какъ въ Новгородѣ, стояли рядомъ съ служителями княжеской власти, и сіи послѣдніе только при посредствѣ первыхъ могли дѣйствовать на общество. Вся разница между Новгородомъ и прочими владѣніями Руси состояла въ томъ, что въ Новгородѣ земская выборная власть и ея представители или органы были впереди; а въ прочихъ владѣніяхъ напереди княжеская власть, а не земская. Впрочемъ таковое отношеніе двухъ властей не во всѣхъ владѣніяхъ было одинаково; въ тѣхъ владѣніяхъ, которыя образовались изъ Новгородскихъ колоній, каковы: Смоленскъ, Полотскъ, частію Сѣверская земля, Ростовскій и Суздальскій край, а равно Рязань и Муромъ, земская власть имѣла болѣе значенія; а напротивъ того въ Кіевѣ, особенно послѣ взятія его войсками Андрея Боголюбскаго въ 1169 году, въ Переяславлѣ Приднѣпровскомъ, на Волыни и въ Туровѣ она была слабѣе, а наоборотъ княжеская власть сильнѣе; но несмотря на силу княжеской власти, и въ сихъ краяхъ власть земская никогда не уничтожалась и не переставала дѣйствовать. Одно только было важное отличіе всѣхъ владѣній Руси отъ Новгорода, что въ Новгородѣ были выборные посадники и тысяцкіе, въ другихъ же Русскихъ владѣніяхъ сіи важныя должности принадлежали дружинникамъ по назначенію князя; и притомъ въ большей части приднѣпровскихъ и househnѣпровскихъ владѣній на западѣ земскіе бояре мало-по-малу перешли на службу къ князьямъ, имѣя въ виду господствовать надъ земщиною отъ княжаго имени и тѣмъ конечно ослабили земщину, лишивши ее такого важнаго класса, какъ богатые и сильные землевладѣльцы. А въ другихъ западныхъ краяхъ, какъ напр. въ Галичѣ земскіе бояре сдѣлали и того хуже, соединились съ княжими дружинниками и думали владѣть и княземъ и земщиною, и тѣмъ совершенно загубили Галицкую землю, передали ее иноземцамъ, изъ себя же при помощи иноземцевъ составили господствующее привилегированное сословіе и съ тѣмъ вмѣстѣ утратили русскую національность никогда не знавшую и нетерпѣвшую привилегированныхъ сословій.

В ы б о р ъ з е м с к и х ъ в л а с т е й и и х ъ у ч а с т і е в ъ д ѣ л а х ъ с у д а и у п р а в ы. Какъ производилось избраніе представителей земщины въ дѣлахъ суда и управы, мы на это не имѣемъ прямыхъ и

подробныхъ свидѣтельствъ, и можемъ только сказать, что въ сіи выборы не вмѣшивался ни князь, ни его служители и не имѣли права вмѣшиваться; это было дѣло чисто одной земщины, и притомъ дѣло искони ей принадлежавшее, вытекшее изъ самой жизни Русскаго общества, а не дарованное княземъ. Выбору подлежали лучшіе люди общества излюбленные избирателями, а право избранія принадлежало всѣмъ дѣйствительнымъ членамъ общества, домохозяевамъ. И какъ каждое общество на Руси, каждый міръ большій и малый имѣли свое вѣче, то посему и земскія власти или начальство для каждаго міра или общины избирались вѣчемъ того міра и вполнѣ зависѣли отъ избравшаго ихъ вѣча, оно поддерживало ихъ, оно жъ судило и наказывало. Князь или его слуга могъ оскорбить, обидѣть выборнаго, даже схватить гдѣ-нибудь и заключить въ темницу; но не имѣлъ права и возможности отказать ему отъ должности, ежели на это не будетъ согласія вѣча. Обида же земскихъ выборныхъ властей въ сильной земщинѣ никогда не сходила даромъ ни князю, ни его слугамъ; князь оскорблявшій земскихъ властей изгонялся, а княжіе слуги или отрѣшались отъ должности княземъ по требованію общества, или земщина сама справлялась съ ними по своему. Напримѣръ Кіевская земщина въ 1146 году потребовала отъ своего князя Игоря Ольговича, чтобы онъ смѣнилъ своихъ тіуновъ Кіевскаго Ратигу и Вышгородскаго Тудара. А въ 1135 году земцы Рязанскіе сами убили княжаго тысяцкаго Ивана Андреевича, или въ 1155 году Бѣлгородскіе земцы убили тысяцкаго Андрея Глѣбовича, а въ 1210 году Кадомцы убили Рязанскаго тысяцкаго Матвѣя Андреевича, или въ 1173 году Галичане избили любимыхъ дружинниковъ своего князя Ярослава, Чагрову чадь. Вообще земщина во всѣхъ городахъ Руси твердо стояла за свои права и всегда поддерживала своихъ выборныхъ начальниковъ, такъ что лучшіе князья, не желая ссориться съ земщиною, всегда старались сходиться съ выборными начальниками и не могли иначе дѣйствовать на земщину, какъ при посредствѣ выборныхъ отъ земщины же. А когда въ такомъ положеніи были князья, то тѣмъ болѣе княжіе слуги,—посадники, тысяцкіе и другіе представители княжеской власти не могли иначе управлять ввѣренною имъ областію, какъ при содѣйствіи выборныхъ земскихъ начальниковъ.

А посему на каждый отдѣлъ дѣятельности княжаго слуги, на каждую его функцію въ управленіи порученною областію мѣстная земщина для участія въ этой дѣятельности избирала отъ себя особаго начальника или старосту. Такъ, во 1-хъ, на судѣ посадника или его тіуна сидѣли судные мужи, избранные отъ земщины на то, чтобы участвовать въ судѣ княжаго слуги, дабы тотъ не обижалъ подсудимыхъ земцевъ. Кромѣ того даже для вызова въ судъ тре-

бовалось согласіе общиннаго старосты той общины, членомъ которой былъ подсудимый. Во 2-хъ, сборъ податей производился не иначе какъ при участіи земскихъ старостъ, для этого собственно избранныхъ обществомъ; посадникъ или другой какой княжескій слуга не самъ собиралъ подати, а обращался къ земскому старостѣ, который имѣлъ у себя росписи общинныхъ разрубовъ и разметовъ, т.-е. раскладки податей, сдѣланной обществомъ на вѣчѣ, и по этимъ разрубамъ староста уже самъ собиралъ подати и представлялъ посаднику или княжому данщику. Княжескіе слуги допускались только при сборѣ торговыхъ и проѣзжихъ пошлинъ, да и то съ участіемъ выборныхъ отъ общества и притомъ далеко не всегда, ибо мѣстныя общины большею частію переводили сіи пошлины на землю, и по согласію съ княземъ выплачивали ихъ особымъ оброкомъ вмѣстѣ съ другими податьми, самыя же пошлины съ торговыхъ и проѣзжихъ людей уже собирали чрезъ своихъ выборныхъ старостъ въ пользу общества и безъ участія княжескихъ слугъ, какъ на это указываетъ уставная грамота князя Ростислава Мстиславича Смоленскаго, писанная въ 1150 году, и разныя мѣста другихъ памятниковъ. 3-е. Торговля состояла подъ надзоромъ выборныхъ торговыхъ старостъ, въ ихъ вѣдѣніи былъ и торговый судъ и защита торговыхъ людей отъ посторонних притѣсненій, а также разныя общины другихъ промышленниковъ имѣли своихъ выборныхъ старостъ, которые смотрѣли за порядкомъ при производствѣ промысловъ, и у которыхъ промышленники находили свою защиту. 4-е. Всѣ узаконенныя повинности и службы въ пользу князя отправлялись не иначе, какъ по общинной раскладкѣ и по наряду выборныхъ на это старостъ; даже на военную службу земцы являлись съ своими выборными старостами и воеводами, такъ что земская рать раздѣленная на полки примыкала совсѣмъ готовая къ княжеской дружинѣ съ своими выборными начальниками, князь ей давалъ главнаго начальника,—тысяцкаго. Но власть тысяцкаго не уничтожала значенія выборныхъ старостъ и воеводъ, и при тысяцкомъ земская рать зависѣла не столько отъ князя, сколько отъ вѣча, и повиновалась князю и его тысяцкому на столько, на сколько это было опредѣлено приговоромъ вѣча.

Въ таковомъ положеніи находились выборныя земскія власти съ большими или меньшими измѣненіями во всѣхъ владѣніяхъ Русской земли вплоть до подчиненія русскихъ княжествъ Монголамъ. Въ каждомъ русскомъ владѣніи земщина и выборныя отъ нея власти пользовались самостоятельностію и находились въ свободныхъ отношеніяхъ къ своимъ князьямъ и ихъ дружинникамъ. Ежели временно и выдавались князья въ той или другой земщинѣ довольно самовластные, иногда даже тѣснившіе земцевъ, то это были только исклю-

ченія и притомъ мѣстныя и непродолжительныя; вообще же княжеская власть держалась и была сильна только въ союзѣ и въ согласіи съ земскою властію. Князьямъ во все это время, занятымъ междоусобіями другъ съ другомъ, было вовсе не до того, чтобы развивать свою власть надъ земщиною, они были очень довольны, ежели земщина какъ-нибудь ладила съ ними и не отказывалась поддерживать ихъ; безпрестанныя междоусобія князей ставили ихъ въ такое положеніе, что они должны были дорожить расположеніемъ земщины. Лучшимъ доказательствомъ самостоятельнаго положенія земщины служитъ то, что многія земскія учрежденія даже во время владычества Татаръ или Монголовъ долго еще продолжали существовать и пользоваться большимъ значеніемъ, а нѣкоторыя и доселѣ продолжаютъ существовать, и какъ вытекшія изъ жизни народа будутъ существовать, пока совсѣмъ не измѣнится Русскій народъ.

в) **Отношеніе земщины къ князю и ея положеніе во время владычества Татаръ.** Владычество Татаръ надъ Русскою землею видимо не касалось внутренняго устройства Русской земли; Татары не вступались ни въ отношенія князя къ земщинѣ, ни въ порядки, которыми строилась Русская земля; они собственно и не думали спрашивать, что и какъ дѣлается на Руси, они знали только одних князей и требовали лишь покорности и даней. Татарское владычество, образовавшееся завоеваніями и построенное совершенно по азіатски, не знало другихъ порядковъ и общественныхъ отношеній, кромѣ отношеній побѣжденныхъ къ побѣдителямъ и кромѣ отношеній безгласныхъ рабовъ къ деспоту; а посему и въ покоренной Россіи Татары видѣли только побѣжденныхъ и думали, что Русскіе въ такихъ же отношеніяхъ къ князю, какъ кочевыя среднеазійскія племена къ своимъ князькамъ и ханамъ; они всю Россію считали своимъ улусомъ, раздѣленнымъ на нѣсколько большихъ и малыхъ улусовъ, принадлежащихъ по волѣ Татарскаго хана разнымъ князьямъ, ханскимъ данникамъ; они не имѣли и понятія о Русской земщинѣ и ея отношеніяхъ къ князю, но тѣмъ не менѣе со времени Татарскаго владычества отношенія земщины къ князьямъ значительно измѣнились; князья, поступившіе въ полную зависимость отъ хана, менѣе стали зависѣть отъ земщины; земцы во всѣхъ владѣніяхъ Руси, кромѣ Новгорода, Пскова, Смоленска и Полотскихъ владѣній, волей неволей должны были признавать своимъ княземъ того, кого назначитъ ханъ Татарскій; слѣдовательно выборъ князей земцами потерялъ свое прежнее значеніе. Кромѣ того князья именемъ Татарскаго хана многое могли дѣлать такое, на что въ прежнее время не смѣли и рѣшиться; такъ напримѣръ сборъ даней уже больше не зависѣлъ отъ условій князя съ земщиною, князь теперь могъ назначать какія угодно дани, говоря, что это приказалъ

грозный ханъ; и ежели бы земщина вздумала противиться княжескому повелѣнію, то князь могъ выпросить у хана Татарское войско для усмиренія непокорныхъ, что дѣйствительно иногда и бывало. Далѣе Татары въ 1256 году сдѣлали чрезъ своихъ чиновниковъ общую перепись всему Русскому народу и въ эту перепись включили безъ различія, какъ дружинниковъ, такъ и земцевъ, и всѣхъ кромѣ духовенства обложили данью, и такимъ образомъ до нѣкоторой степени слили дружину съ земщиною и связали оба класса Русскаго общества одинаковостію интересовъ. Впрочемъ, все это хотя сильно пошатнуло значеніе земщины, тѣмъ не менѣе еще не могло измѣнить окончательно старыхъ земскихъ порядковъ. Иные князья хотя и пользовались иногда покровительствомъ и помощію Татарскихъ хановъ, но болѣе противъ своей же братіи Русскихъ князей, а не противъ земщины; они изъ прежнихъ опытовъ хорошо понимали, что тотъ князь всегда былъ сильнѣе, который умѣлъ жить въ согласіи съ своею земщиною и не нарушалъ ея исконныхъ порядковъ. А посему князья и при покровительствѣ Татарскихъ хановъ считали для себя за выгоднѣйшее по возможности строго держаться своихъ прежнихъ отношеній къ земщинѣ, и ежели измѣнять ихъ, то съ большою осторожностію и сколько можно менѣе замѣтно, чтобы не вооружить себя земщины. Притомъ же Татарское владычество хотя и продолжалось почти до конца XV столѣтія, но оно было грозною неотразимою силою только до половины XIV столѣтія; со смертію же хана Узбека стало постепенно ослабѣвать, и слѣдовательно Русскіе князья хотя бы и хотѣли, но не могли уже получить достаточной поддержки отъ Татарскихъ хановъ для окончательнаго подавленія земщины.

Всѣ сіи обстоятельства и при Татарскомъ владычествѣ, много способствовавшемъ развитію княжеской власти на Руси, помогли тому, что старое земское устройство довольно еще сохранилось даже въ XV столѣтіи, хотя князья съ своей стороны не опускали случая развивать свою власть по мѣрѣ возможности. Порядки, введенные Татарами при первой народной переписи въ 1256 году, не могли надолго удержаться въ Русской земщинѣ, имѣвшей свое прочное исконное устройство. И во 1-хъ) смѣшеніе дружины съ земщиною сдѣланное Татарскою переписью осталось смѣшеніемъ только въ Татарскихъ переписяхъ и въ платежѣ дани Татарскому хану; въ самой же общественной жизни на Руси дружина продолжала быть отдѣльною отъ земщины; во всѣхъ договорныхъ грамотахъ Русскихъ князей того времени мы постоянно встрѣчаемъ прежнія условія: „а боярамъ и слугамъ межи насъ вольнымъ воля“; слѣдовательно дружинники, бояре и слуги и во время владычества Татаръ не отеряли еще сво-

его стариннаго права свободнаго перехода отъ одного князя къ другому. По княжескимъ договорнымъ грамотамъ того времени мы находимъ въ этомъ отношенiи одно только ограниченiе, состоящее въ томъ, что дружинники, переходя отъ одного князя къ другому, не могли перечислять за собою и своихъ недвижимыхъ имѣнiй, или вотчинъ, которыя остались за тѣмъ княземъ, въ области котораго находились, и съ нихъ шла этому князю дань по государственному праву и въ то же время по частному праву перешедшiе къ другому князю дружинники оставались ихъ полными хозяевами и по прежнему пользовались съ нихъ доходами; но и это ограниченiе въ сущности было не новое, оно существовало и до Татаръ, съ тѣхъ поръ какъ дружинники стали обзаводиться вотчинами, на Руси судъ и дань всегда тянули по землѣ и водѣ, только до насъ не дошло прежнихъ междукняжескихъ договорныхъ грамотъ.

Во 2-хъ. И при Татарахъ княжеская власть на Руси по прежнему главнымъ образомъ состояла въ правѣ на судъ и дань и на опредѣленную часть земли и разныхъ доходовъ уступленныхъ князю земщиною. Какъ это прямо свидѣтельствуютъ духовныя грамоты князей въ XIV и XV столѣтiяхъ и отвѣтъ Московскаго великаго князя Ивана Васильевича Новгородцамъ. Когда Новгородцы въ 1477 году говорили ему чрезъ своихъ пословъ, что они не знаютъ низовой т.-е. Московской пошлины, какъ государи государство свое держатъ въ Низовой землѣ, то великiй князь отвѣчалъ имъ: „а государство намъ свое держать; ино на чемъ великимъ княземъ быть въ своей отчинѣ, — волостямъ [1]) быть и селамъ быть, какъ у насъ въ Низовой землѣ“, т.-е. для поддержанiя княжеской власти земщина должна уступить князю опредѣленную часть волостей и селъ, точно такъ же, какъ Новгородъ первоначально уступилъ нѣсколько своихъ пригородовъ первому Русскому князю Рюрику. Тотъ же самый порядокъ мы находимъ и въ духовныхъ грамотахъ Московскихъ князей. Во всѣхъ грамотахъ князья дѣлятъ между своими дѣтьми на случай смерти находящiяся у нихъ владѣнiя не какъ частную собственность, а передаютъ дѣтямъ только тѣ права на то или другое владѣнiе, которыми сами пользовались, т.-е. право суда, дани и разныхъ пошлинъ, что составляло собственно княжеское право, а не право частнаго собственника. Такъ напримѣръ городъ Москва, по духовной грамотѣ Ивана Даниловича Калиты, былъ раздѣленъ между тремя его сыновьями на три трети, что собственно значило не раздѣленiе города на три части, а только раздѣленiе княжескихъ доходовъ съ города,

[1]) Слово волость на древнемъ оффицiальномъ языкѣ означало чье-либо недвижимое имущество, частную поземельную собственность.

какъ это ясно указываетъ духовная грамота в. к. Ивана Ивановича, въ которой прямо сказано: „а братаничу (племяннику) моему князю Владимиру на Москвѣ въ намѣстничествѣ треть, и въ тамзѣ, и въ мытахъ, и въ пошлинахъ городскихъ треть, что потягло къ городу". А въ духовной грамотѣ самого князя Владимира Андреевича, онъ завѣщалъ своимъ пятерымъ сыновьямъ съ Московской доставшейся ему отъ отца трети пользоваться доходами погодно, — одинъ годъ одинъ сынъ, другой годъ другой сынъ и такъ далѣе. Точно такъ же и въ другихъ городахъ и волостяхъ земщины князь пользовался только доходами предоставленными княжеской власти, или иначе имѣлъ только право суда и дани, и города сіи обыкновенно не перечислялись въ княжескихъ духовныхъ грамотахъ, какъ несоставляющіе княжеской собственности. А напротивъ тѣ города, волости и села, которые были уступлены князю земщиною въ полное распоряженіе, или пріобрѣтены княземъ на правахъ частной собственности, обыкновенно перечислялись въ духовныхъ грамотахъ поименно. Такъ напримѣръ князь Иванъ Даниловичъ Калита въ своей духовной грамотѣ раздѣлилъ между своими сыновьями и прямо поименовалъ только четыре города: Можайскъ, Коломну, Звенигородъ и Лопасню; тогда какъ самъ онъ владѣлъ и Владиміромъ и Переяславлемъ и Ростовомъ и Бѣлымъ озеромъ, и Угличемъ, и Дмитровомъ и Галичемъ и многими другими городами составлявшими великое княженіе Московское; но о сихъ городахъ, какъ остающихся за земщиною, а не уступленныхъ князю въ полное владѣніе, въ духовной грамотѣ нѣтъ и помину. Это не собственность князя, а достояніе земщины, здѣсь князь только государь правитель, а не частный собственникъ; слѣдовательно и не можетъ распоряжаться сими городами по духовному завѣщанію наравнѣ съ своимъ движимымъ и недвижимымъ имуществомъ,—селами, деревнями, шубами, перстнями и посудою. Даже въ городахъ и волостяхъ, уступленныхъ князю въ полное владѣніе, онъ не имѣлъ права распоряжаться земскими численными людьми и дѣлить ихъ между своими людьми; такъ въ духовныхъ грамотахъ прямо пишется: „а численные люди вѣдаютъ сынове мои собча, а блюдутъ съ единаго. А что мои люди купленные въ великомъ свертцѣ (столбцѣ), а тыми ся подѣлятъ сынове мои". Къ этому еще въ договорныхъ грамотахъ князей встрѣчаемъ условія: „а численныхъ людей блюсти намъ съ одиного, а земель ихъ не купити. А которые слуги къ дворскому, а черные люди къ становщику, тыхъ въ службу не принимати, блюсти намъ съ одиного, а земель ихъ не купити".

Въ 3-хъ. Земщина своими владѣніями не сливалась ни съ дружиною, ни съ владѣніями дружинниковъ, ни съ княжескими владѣніями, хотя и признавала надъ собою власть князя и вообще была

послушна князьямъ. Она и при Татарахъ продолжала имѣть свое устройство, своихъ выборныхъ начальниковъ, даже свои земскія войска съ своими воеводами отдѣльно отъ княжескихъ войскъ, какъ это между прочимъ прямо засвидѣтельствовано договорною грамотою великаго князя Димитрія Ивановича Донскаго съ княземъ Владимиромъ Андреевичемъ. Въ этой грамотѣ в. князь Димитрій Ивановичъ пишетъ: „А Московская рать, кто ходилъ съ воеводами, тѣ и нынѣча съ воеводами, а намъ ихъ не принимати". Къ этому еще земля, принадлежащая земскимъ общинамъ, до того считалась неприкосновенною, что ежели бы кто ее какъ-либо себѣ присвоилъ даже покупкою, то долженъ былъ или поступить въ члены той общины, которой принадлежала земля, или возвратить землю общинѣ даромъ съ потерею заплоченныхъ за нее денегъ. Такъ, въ той же грамотѣ Донскаго съ Владимиромъ Андреевичемъ сказано: „а кто будетъ купилъ земли данныя (на которыхъ дань), служнія, или черныхъ людей, по отца моего животѣ, по великаго князя по Ивановѣ, а тѣ, кто возможетъ выкупить, пусть выкупятъ, а не возмогутъ выкупить (т. е. внести сумму, процентами съ которой оплачивалась бы дань, лежащая на землѣ), ино потянутъ къ чернымъ людямъ; а кто не всхочетъ тянути, ино должны отступиться отъ земель, а земли чернымъ людямъ даромъ". Такимъ образомъ Татарская дань была защитницею стараго порядка неприкосновенности земель, принадлежащихъ земскимъ общинамъ; и такъ продолжалось и въ послѣдующее время, когда уже владычество Татаръ надъ Русскою землею было уничтожено, но самостоятельное существованіе отдѣльныхъ земскихъ войскъ напротивъ того прекратилось скоро. Уже при преемникѣ Донскаго, его сынѣ Василіи Дмитріевичѣ земскія войска хотя продолжали существовать, но поступили уже въ вѣдѣніе великокняжескихъ воеводъ, а еще прежде при Дмитріи Ивановичѣ Донскомъ земщинѣ былъ нанесенъ сильный ударъ уничтоженіемъ должности тысяцкаго, который хотя назначался княземъ изъ дружинниковъ, тѣмъ не менѣе, какъ главный начальникъ земщины имѣлъ огромное значеніе для земскихъ людей, въ немъ земщина имѣла своего общаго представителя, при посредствѣ котораго составляла одно общее цѣлое, съ прекращеніемъ же должности тысяцкаго земщина потеряла свое средоточіе. И тѣмъ болѣе должность тысяцкаго имѣла огромное значеніе въ Москвѣ, что тамъ эту должность успѣла какъ-то присвоить себѣ одна фамилія Вельяминовыхъ, такъ что князь всегда долженъ былъ назначать тысяцкаго изъ этой фамиліи, и такимъ образомъ фамилія сія до нѣкоторой степени сдѣлалась земскою боярскою фамиліею, а можетъ быть и по происхожденію своему принадлежала къ стариннымъ Московскимъ земскимъ боярамъ. По уничтоженіи должности тысяцкаго великому князю Ва-

силію Дмитріевичу уже легко было уничтожить земскихъ воеводъ и передать земское войско подъ команду своимъ воеводамъ, какъ дѣйствительно и значится въ его договорной грамотѣ: „а Московская рать ходитъ съ моимъ воеводою“. Съ уничтоженіемъ должностей тысяцкаго и особыхъ земскихъ воеводъ дѣла земщины сильно измѣнились. Земскіе бояре, не имѣя уже важныхъ общественныхъ должностей, мало по малу всѣ перечислились въ княжую службу и такимъ образомъ исчезло различіе между дружиною и земщиною, и при преемникахъ Василія Дмитріевича, его сынѣ и внукѣ, явилось новое раздѣленіе жителей Московскаго государства, на служилыхъ и не служилыхъ или жилецкихъ людей, и такимъ образомъ различіе между дружиною и земщиною прекратилось, и служилые и жилецкіе люди уже не напоминали дружины и земщины.

Въ 4-хъ. Введенные Татарами порядки сбора дани черезъ Татарскихъ сборщиковъ и черезъ отдачу на откупъ, дѣйствительно грозившіе кореннымъ измѣненіемъ старыхъ порядковъ Русскаго общества и замѣненіемъ выборнаго начала ханскимъ назначеніемъ чиновниковъ, продолжались не болѣе пяти лѣтъ, ибо Татарская перепись была произведена въ 1256 году, а въ 1262 году земщина всѣхъ городовъ сѣверо - восточной Руси по тайному соглашенію поднялась на Татарскихъ данщиковъ - откупщиковъ и другихъ ханскихъ чиновниковъ и которыхъ избила, которыхъ изгнала. Это всеобщее возстаніе, сдѣланное земщиною мимо князей и безъ ихъ вѣдома, отучило Татаръ заводить свои порядки въ Русской землѣ. И хотя въ 1275 году было сдѣлано второе перечисленіе народа Татарами, тѣмъ не менѣе лѣтописи уже не упоминаютъ о присылкѣ ханомъ данщиковъ и откупщиковъ; ханы уже приняли другое правило сбора дани съ Русскаго народа, они поручили собирать дань Русскимъ князьямъ и доставлять въ Орду; и такимъ образомъ Русская земщина избавилась отъ непосредственнаго вмѣшательства Татаръ во внутреннее земское устройство на Руси. Конечно и послѣ этой перемѣны вплоть до смерти хана Узбека дань еще собиралась исправно и тяжела была для народа, но за то народъ освободился отъ порядковъ, заводимыхъ Татарскими чиновниками, и Татарское владычество не смотря на всю свою тяжесть, сдѣлалось чисто внѣшнимъ бременемъ. Послѣ возстанія всѣхъ русскихъ земщинъ въ 1262 году, ни по лѣтописямъ, ни по другимъ памятникамъ, мы уже не встрѣчаемъ ни тысячниковъ, ни темниковъ, заведенныхъ было на Руси Татарами при первой переписи; послѣ этого возстанія земщина по прежнему стала управляться своими выборными старостами, сотскими и дворскими; и выборы производились по старымъ до-Татарскимъ порядкамъ самою земщиною независимо ни отъ Русскаго князя, ни отъ Татарскаго хана.

Органы самоуправленія земщины на Руси во время Татарскаго владычества находились въ слѣдующемъ положеніи:

1-е. Первый органъ земскаго управленія на Руси и при Татарскомъ владычествѣ составляло еще народное вѣче, хотя уже сильно ослабленное князьями при помощи Татаръ. Въ лѣтописяхъ мы и при Татарахъ еще продолжаемъ встрѣчать извѣстія о вѣчахъ въ разныхъ городахъ, даже дѣйствовавшихъ самостоятельно и независимо отъ князей. Такъ, изгнаніе Татарскихъ данщиковъ и откупщиковъ послѣ первой Татарской переписи по всѣмъ городамъ было сдѣлано по приговорамъ мѣстныхъ вѣчей, нисколько не сносясь съ князьями и очевидно по тайному сношенію городовъ другъ съ другомъ. Объ этомъ возстаніи въ древнѣйшей лѣтописи, можетъ быть, современной событію, сказано: „и вложи Господь ярость христіаномъ въ сердце; не можаху бо терпѣти насиліе поганыхъ, и созвонивше вѣче, а выгнаша ихъ изъ градовъ,—изъ Ростова, изъ Владиміра, изъ Суздаля, изъ Переяславля". А что князья не принимали первоначально участія въ этомъ возстаніи, на это есть свидѣтельство въ другой лѣтописи, гдѣ сказано, что только нѣкоторые не многіе князья въ послѣдствіи пристали къ движенію земщины: „по семъ иніи князи Рустіи, согласившеся между собою, изгнаша Татаръ изъ градовъ своихъ". Или не рѣдкія поѣздки князей къ Татарскимъ ханамъ и продолжительное пребываніе иныхъ князей въ Ордѣ, иногда давали мѣстному вѣчу такой просторъ, что отъ него не легко доставалось и княжескимъ боярамъ, когда они шли противъ общенародной воли; даже вѣче не совсѣмъ еще забыло своего стараго права выбирать князей. Такъ, въ 1303 г. по смерти князя Даніила Александровича Переяславское вѣче выбрало въ Переяславскіе князья Даніилова сына Юрія и даже неотпустило его на погребеніе отца въ Москву. А въ 1304 г. когда Костромскіе бояре Давыдъ Давыдовичъ и Жеребецъ съ своими товарищами передали Кострому Тверскому князю и выдали ему бывшаго въ Костромѣ князя Бориса Даниловича, то народъ собралъ противъ нихъ вѣче и на вѣчѣ убилъ бояръ Зерна и Александра. Земцы по приговору своего вѣча даже еще продолжали по прежнему участвовать въ междукняжескихъ отношеніяхъ; такъ, въ 1296 г. на княжескомъ съѣздѣ во Владимирѣ, участвовали и выборные отъ Переяславской земщины и держали сторону однихъ князей противъ другихъ передъ ханскимъ посломъ Алексою Неврюемъ. Выборные отъ Переяславской земщины па этомъ съѣздѣ присутствовали вмѣсто своего князя, въ то время ѣздившаго въ Орду.

Земское вѣче по прежнему составлялось изъ мѣстныхъ жителей, дѣйствительныхъ членовъ той или другой общины, и по прежнему еще не выработалось общаго вѣча для всей Русской земли, а въ

каждомъ городѣ и въ каждой общинѣ было свое вѣче; и вѣче меньшей общины, подчиненной большей или старшей общинѣ, было въ послушанiи у вѣча старшей или большей общины, по общему исконному на Руси порядку: *„а судомъ и данью тянуть по землѣ и водѣ“*, и какъ бы по старому русскому закону: *„на чѣмъ старшiе сдумаютъ, на томъ и пригороды станутъ“*. Хотя въ сущности старое дѣленiе городовъ на старшiе города и пригороды уже потеряло свое прежнее значенiе и, за исключенiемъ Новгорода и Пскова, не имѣло примѣненiя на практикѣ, ибо при Татарахъ прежнiе пригороды, и притомъ самые младшiе, Москва, Тверь, Переяславль Рязанскiй, Нижнiй-Новгородъ и другiе сдѣлались главными городами княжествъ и подчинили себѣ Ростовъ, Суздаль, Бѣлоозеро и другiе старшiе города. Тѣмъ не менѣе земское подчиненiе меньшихъ общинъ большимъ и при Татарахъ было еще во всей своей силѣ и между городами одного княжества была довольно значительная земская связь, а сельскiя общины были рѣшительно въ подчиненiи у своихъ городовъ.

2-е. Вторымъ органомъ земскаго самоуправленiя были земскiя власти, избираемыя вѣчемъ. Города и во время Татарскаго владычества управлялись непремѣнно двумя властями: княжескою и земскою; представителями княжеской власти по городамъ были намѣстники, замѣнившiе прежнихъ посадниковъ, а по волостямъ и станамъ волостели и становщики, которыхъ князь назначалъ изъ своихъ слугъ и присылалъ на опредѣленные сроки; представителями же земской власти были выборные отъ земщины, старосты и сотскiе, выбирались они каждый своею общиною изъ лучшихъ и довѣреннѣйшихъ людей. Выборы сiи были неодинаковы, — такъ для однихъ должностей выбирались излюбленные люди безъ различiя сословiй, а для другихъ должностей по сословiямъ. Напримѣръ, въ купеческихъ сотняхъ сотскiе выбирались изъ пошлыхъ лучшихъ купцовъ, крестьяне въ своихъ волостяхъ выбирали старостъ изъ крестьянъ же своей волости; а напротивъ того старосты, сидѣвшiе на намѣстничьемъ или волостелинскомъ судѣ избирались всѣмъ городомъ или уѣздомъ безъ различiя сословiй, кого съ это дѣло станетъ, кто къ этому способенъ и пользуется общею довѣренностью. Точно такъ же излюбленные головы или старосты для управленiя цѣлымъ городомъ и уѣздомъ, завѣдывавшiе земскою избою, избирались безъ различiя сословiй и преимущественно изъ высшаго сословiя данной мѣстности, изъ земскихъ бояръ и боярскихъ дѣтей, которыхъ общество знаетъ за людей обычныхъ для подобныхъ дѣлъ. На какой срокъ избирались выборныя власти, прямыхъ указанiй мы на это не имѣемъ, но судя по тому, какъ это дѣлалось въ прежнее и послѣдующее время, должно допустить, что иные выборы были безсрочные, пока выбранный пользуется до-

вѣренностью избирателей, а иные срочные и преимущественно на одинъ годъ.

Княжескія и земскія власти во все время Татарскаго владычества почти всегда имѣли одинаковую силу и такъ были связаны другъ съ другомъ, что ни та, ни другая власть не могла дѣйствовать отдѣльно. Судъ и управа княжаго намѣстника или волостеля были не дѣйствительны безъ участія и согласія выборныхъ отъ общины старостъ; даже княжескій намѣстникъ и его тіунъ по прежнему не имѣли права потребовать кого-нибудь на судъ безъ согласія общины и выборнаго старосты, такъ что намѣстничій слуга, отправляясь для вызова въ судъ, долженъ былъ брать съ собою пристава отъ земщины; въ противномъ случаѣ вызываемый или община, къ которой онъ принадлежитъ, не признавали вызова законнымъ и не слушали его. Какъ это довольно ясно сказано въ уставной Двинской грамотѣ: „а кто на кого челомъ бьетъ, дворяне и подвойскіе позовутъ къ суду", т.-е. дворяне—намѣстничьи слуги, а подвойскіе—приставы отъ земщины; то же требованіе двухъ посыльныхъ отъ намѣстника и отъ земщины выражено въ губной Московской записи 1486 года, въ которой сказано: „судья съ Москвы не ѣздитъ, да ѣздитъ приставъ да возметъ себѣ товарища". А въ Бѣлозерской уставной грамотѣ 1488 года прямо сказано: „а намѣстникамъ нашимъ и ихъ тіуномъ безъ сотскихъ и безъ добрыхъ людей не судити судъ". И это постоянно соблюдалось на судѣ во всѣхъ княжествахъ сѣверо-восточной Руси, и иной формы суда не допускалось.

Относительно сбора дани и другихъ податей и пошлинъ также вездѣ участвовала земщина. Княжіе слуги подъ именемъ писцовъ по всѣмъ общинамъ напередъ должны были сдѣлать перепись сообща съ земскими людьми каждой общины. Перепись эта носила оффиціальное названіе писцовыхъ и переписныхъ книгъ, въ которыхъ подробно описывался каждый дворъ общины съ обозначеніемъ семейства хозяина, земли пахатной и сѣнокосной составляющей надѣлъ хозяина, промысла, ежели таковый былъ у него, и годичнаго дохода отъ земли и промысла. Книги сіи, за рукоприкладствомъ писцовъ и выборныхъ отъ земщины окладчиковъ, самими писцами привозились въ городъ, къ которому тянули судомъ и данью всѣ описанныя имѣнія по землѣ и водѣ. Въ городѣ княжій намѣстникъ съ выборными отъ земщины старостами всѣ описанныя по книгамъ имѣнія раскладывалъ въ сохи, т.-е. въ большія податныя единицы, въ которыя по городамъ включались дворы, а по селамъ и деревнямъ приносящія доходъ земли. На эти уже сохи правительство раскладывало подати и другіе доходы и земскія службы на цѣлую соху [1]), и по таковымъ

[1]) Сохи были различной величины: въ селахъ и деревняхъ отъ 600 до 1800 десятинъ пашни въ трехъ поляхъ, а въ городахъ отъ 20 до 340 дворовъ.

сохамъ, по ихъ числу смѣчало сколько съ какой области слѣдуетъ получить какихъ податей и службъ. Книги своей раскладки извѣстныя подъ именемъ окладныхъ книгъ правительство отсылало по городамъ къ своимъ намѣстникамъ, которые на каждую соху выдавали сотпую выпись изъ окладныхъ книгъ, по которой выписи жители каждой общины дѣлали между собою раскладку, какую долю общей суммы на цѣлую соху платить тому или другому двору, смотря по состоянію хозяина, по его промыслу и по количеству общинной земли за нимъ состоящей. Эта раскладка каждою общиною производилась отдѣльно безъ участія княжескихъ слугъ, а сборъ податей и счетъ земскихъ службъ производились выборными земскими старостами и сотскими цѣлой волости и сотскіе доставляли собранные съ волости доходы въ городъ, къ которому тянула волость, къ тамошнему княжескому намѣстнику или къ присланному отъ князя даньщику, которые уже отсылали собранные доходы къ князю. Ни намѣстникъ, ни его служители, ни другіе княжіе слуги не имѣли права вмѣшиваться ни въ сборъ податей, ни въ раскладку ихъ, ни въ счетъ земскихъ службъ; все это производила сама земщина на своихъ сходкахъ или вѣчахъ и чрезъ своихъ выборныхъ начальниковъ, которые отдавали отчетъ вѣчу. Вообще въ сборѣ податей и въ счетѣ земскихъ службъ и при Татарскомъ владычествѣ оставался почти старый порядокъ; но важное и коренное измѣненіе въ этомъ дѣлѣ состояло въ томъ, что князь во время владычества Татаръ сталъ назначать то или другое количество общей подати на цѣлое княжество не совѣтуясь съ земщиною, а прямо именемъ Татарскаго хана, и земщина противъ этого грознаго имени уже не имѣла никакого голоса. Это важное измѣненіе своимъ прямымъ послѣдствіемъ имѣло то, что въ продолженіе Татарскаго владычества назначеніе податей всецѣло перешло въ руки князей безъ всякаго контроля, а за земщиною только осталась одна раскладка назначенной подати.

Впрочемъ таковые порядки не вездѣ были одинаковы, не говоря уже о Новгородѣ и Псковѣ не зависившихъ отъ Татаръ; но и въ другихъ краяхъ Русской земли, подчиненной Татарамъ, не вездѣ и не во всемъ было одинаково внутреннее устройство, и кажется вслѣдствіе Татарскаго владычества, потому что Татары особенно въ началѣ изъ видовъ ослабленія Руси способствовали развитію разновластія и разъединенію русскихъ владѣній. При Татарахъ и при ихъ помощи, не говоря уже объ отдѣленіи западной Руси отъ восточной, въ самой восточной половинѣ образовалось нѣсколько независимыхъ великихъ княженій съ своими удѣлами, совершенно отдѣльныхъ другъ отъ друга и имѣвшихъ общими между собою только языкъ и церковь. При таковомъ порядкѣ естественно не могъ удержаться въ однообра-

зіи и внутренній строй разъединенныхъ между собою владѣній или княжествъ. И дѣйствительно почти въ каждомъ великомъ княжествѣ были свои порядки, состоящіе большею частію въ степени развитія княжеской или земской власти, или во взаимныхъ отношеніяхъ ихъ другъ къ другу. Такъ, напримѣръ, въ Твери, Брянскѣ, Смоленскѣ и Нижнемъ Новгородѣ была сильнѣе развита земская власть, такъ что въ этихъ княжествахъ князья держались или болѣе стороннею помощію, какъ въ Твери, или находились въ зависимости отъ своей земщины, какъ въ Брянскѣ и Нижнемъ Новгородѣ. Напротивъ того, въ Ярославлѣ, Ростовѣ, на Бѣлѣозерѣ и въ Угличѣ преобладала княжеская власть надъ земскою, такъ что тамошніе князья, разорясь отъ частыхъ междоусобій и сильныхъ поборовъ въ Орду, продали свои княженія по частямъ Московскому князю Ивану Даниловичу. Въ Рязани же, Переяславлѣ и въ Москвѣ княжеская и земская власть почти постоянно находились въ согласіи и въ взаимномъ уваженіи другъ къ другу, и особенно въ Москвѣ. Влѣдствіе этого согласія Москва мало-по-малу подчинила себѣ всѣ другія княжества сѣверо-восточной Руси, такъ что въ большинствѣ случаевъ земщины другихъ княжествъ добровольно спѣшили соединиться съ Москвою, лишь только вымирали тамошніе князья или значительно ослабѣвали. Напримѣръ, лишь только умеръ бездѣтный князь въ Переяславлѣ Иванъ Дмитріевичъ, то Переяславцы не только признали своимъ княземъ Московскаго князя Даніила Александровича, но и по смерти Даніила не отпустили въ Москву сына его Юрія на похороны отца; а когда Тверскій князь Михаилъ Ярославичъ послалъ войско выгнать изъ Переяславля Московскаго князя, то Переяславцы, соединясь съ Московскою ратью, такой дали отпоръ Тверичамъ, что тѣ принуждены были бѣжать и отступиться отъ завладѣнія Переяславлемъ.

Уклоненіе отъ участія въ междоусобіяхъ князей, бывшее общимъ правиломъ для земщины до Татаръ, во время Татарскаго владычества являлось уже только какъ исключеніе; общимъ же правиломъ почти во всѣхъ русскихъ земщинахъ сдѣлалось принимать дѣятельное участіе въ междоусобіяхъ своихъ князей, какъ этому мы находимъ многіе примѣры въ исторіи Московскаго, Переяславскаго, Рязанскаго и другихъ княжескихъ домовъ. Даже Тверская земщина, болѣе самостоятельная, крѣпко стояла за своего князя Михаила Ярославича и нѣсколько разъ воевала съ Литвой и Москвою въ отсутствіе своего князя часто вызываемаго въ Орду. По смерти своего князя мѣстная земщина почти всегда стояла за объявленнаго имъ наслѣдника; такъ мы уже видѣли, что Переяславцы по смерти своего князя Ивана Дмитріевича усердно бились за объявленнаго имъ наслѣдника Московскаго князя Даніила Александровича. Или въ Москвѣ по смерти

в. к. Василія Дмитріевича Московская земщина вмѣстѣ съ княжими боярами крѣпко стала за малолѣтняго его сына Василія Васильевича, и ходатайствовала за него въ Ордѣ у хана противъ князя Юрія Дмитріевича и потомъ нѣсколько разъ воевала, то съ Юріемъ, то съ его дѣтьми. Или еще прежде по смерти в. к. Ивана Ивановича Московская земщина вмѣстѣ съ митрополитомъ Алексѣемъ чрезъ своихъ посланниковъ въ Ордѣ передъ ханомъ вступила въ споръ съ княземъ Димитріемъ Константиновичемъ Суздальскимъ, за котораго передъ ханомъ ходатайствовали даже Новгородцы; и въ этомъ спорѣ успѣла принудить Суздальскаго князя уступить великое княженіе Владимирское малолѣтнему Московскому князю Димитрію Ивановичу. Московская земщина особенно отличалась привязанностію къ своему княжескому дому; она какъ-то слилась съ княжими боярами, обратившимися почти въ земцовъ, и на своихъ плечахъ нѣсколько разъ выносила Московскій княжескій домъ изъ величайшихъ опасностей; она нѣсколько разъ билась съ грозными тогда Татарами, даже въ отсутствіе своихъ князей, и первая показала примѣръ не уважать ханскіе ярлыки, ежели они противорѣчили выгодамъ Московскаго княжескаго дома. Земщина собственно поставила Московское княжество въ такое положеніе, что оно изъ младшаго и слабѣйшаго въ продолженіе какихъ-либо ста лѣтъ сдѣлалось первымъ и сильнѣйшимъ во всей сѣверо-восточной Руси, и земщины другихъ княжествъ, за исключеніемъ Рязанскаго, какъ-то враждебно расположеннаго къ Москвичамъ, уже болѣе или менѣе тянули своимъ сочувствіемъ къ Москвѣ гораздо за-долго до того времени, какъ ослабѣвшіе тамошніе князья должны были или бѣжать изъ своихъ владѣній или отказавшись отъ владѣній поступить на службу къ Московскому государю, какъ это сдѣлали князья Ростовскіе, Ярославскіе, Бѣлозерскіе, многіе изъ удѣльныхъ князей Тверскихъ и другіе.

г) **Верховная власть государя и ея отношенія къ земщинѣ въ періодъ единодержавія Московскихъ государей.** Единодержавіе Московскихъ государей, начиная съ великаго князя Ивана Васильевича III, по видимому должно было заразъ измѣнить весь строй общественной жизни на Руси, но на дѣлѣ это было далеко не такъ. Измѣненія въ строѣ дѣйствительно совершались, но едва замѣтно, и старое замѣнялось новымъ большею частію не по распоряженію верховной власти, не насиліемъ, а естественнымъ требованіемъ жизни. Самое единодержавіе устроилось въ сѣверо-восточной Руси главнымъ образомъ волею земщинъ разныхъ княжествъ, находившихъ для себя лучшимъ жить подъ властію Москов. князя, нежели имѣть своихъ князей, такъ что в. к. Ивану Васильевичу III осталось присоединить только Новгородъ, Псковъ, Тверь и Рязань; все же остальное уже прежде не-

замѣтно было соединено съ Москвою. Да и въ помянутыхъ четырехъ владѣніяхъ большинство земщины уже тянуло къ Москвѣ; въ самомъ Новгородѣ противъ Московскаго князя стояло только меньшинство, противъ котораго онъ и велъ нѣсколько войнъ, защищая Новгородскую партію тянувшую къ Москвѣ; а въ Твери вся земщина стояла уже на сторонѣ Москов. князя еще до появленія Московскихъ войскъ, а когда подошли Московскія войска, то Тверичи не бившись принудили своего князя Михаила Борисовича бѣжать въ Литву. А князья Сѣверскіе сами съ своими княжествами спѣшили одинъ за другимъ поступать въ службу къ вел. князю Московскому. Что же касается до Пскова и Рязани, то они на столько уже тянули къ Москвѣ, что в. к. Иванъ Васильевичъ даже не находилъ нужнымъ тревожить тамошнихъ старыхъ порядковъ, предоставивъ это сдѣлать своему преемнику, когда понадобится.

Сдѣлавшись единодержавнымъ властителемъ всей сѣверо-восточной Руси, Иванъ Васильевичъ тѣмъ не менѣе остался тѣмъ же великимъ княземъ, какими были его предки и всѣ другіе князья, такъ что, не смотря на единодержавіе, при немъ верховная власть князя нисколько не увеличилась; присоединяя какое-либо владѣніе къ Москвѣ онъ оставлялъ въ этомъ владѣніи всѣ старые порядки, за немногими исключеніями вредившими единодержавію. Напримѣръ, присоединивъ къ Москвѣ Новгородъ, онъ тамъ уничтожилъ только вѣче и посадника, какъ представителей отдѣльной верховной власти. Или, присоединяя другія какія владѣнія, онъ довольствовался только изгнаніемъ тамошнихъ князей, да и тѣхъ охотно принималъ къ себѣ въ службу, надѣлялъ ихъ богатыми имѣніями, поручалъ имъ важныя должности и смотря по заслугамъ оказывалъ къ нимъ любовь и уваженіе, боярамъ присоединенныхъ владѣній обезпечивалъ неприкосновенность ихъ вотчинъ, и имъ самимъ открывалъ свободный путь для поступленія въ Московскую службу; всей земщинѣ присоединеннаго владѣнія оставлялъ неприкосновеннымъ весь строй общественной жизни, всѣ обычаи и законы и приравнивалъ ее къ Московской земщинѣ. Но за то постоянно держался одного главнаго принципа, чтобы все, уступленное той или другой земщинѣ, она считала его пожалованіемъ, а не своимъ историческимъ достояніемъ. Лучшій образецъ таковой системы Іоанна III-го представляетъ присоединеніе Новгорода къ Московскимъ владѣніямъ. Новгородцы, соглашаясь присоединиться къ Москвѣ и окончательно признать власть ея князя, когда хотѣли знать, какой власти надъ Новгородомъ желаетъ князь Московскій,—то онъ отвѣчалъ чрезъ своихъ бояръ: „ино то наше государство великихъ князей таково: вѣчу колоколу, въ нашей отчинѣ, въ Новгородѣ не быти, посаднику не быти; а государство намъ

свое держати, ино на чѣмъ великимъ княземъ быти въ своей отчинѣ; волостямъ быти, селамъ быти (т.-е. чтобы было отдѣлено на государя опредѣленное количество волостей и селъ), какъ у насъ въ Низовой землѣ (въ Москов. государствѣ). А что есте били мнѣ челомъ великому государю, чтобы вывода изъ Новгородской земли не было, да и у бояръ Новгородскихъ въ вотчины ихъ въ земли намъ великимъ государемъ не вступатися,—и мы тѣмъ свою отчину жалуемъ, вывода бы не опасались, а въ вотчины ихъ не вступаемся; а суду быти въ нашей отчинѣ, въ Новгородѣ по старинѣ, какъ въ землѣ судъ стоитъ". Мало этого Іоаннъ согласился и на то, чтобы по старому не звать Новгородцевъ на судъ въ Москву и чтобы нести имъ службы внѣ Новгородскихъ владѣній. Но когда Новгородцы стали просить, чтобы государь далъ крѣпость своей отчинѣ, великому Новгороду, цѣловалъ бы крестъ, то государь Московскій прямо отвѣчалъ: „не быти моему крестному цѣлованію", и даже отказалъ Новгородцамъ, когда они просили, чтобъ за него цѣловали крестъ бояре, или по крайней мѣрѣ присягалъ бы Новгороду намѣстникъ, котораго онъ пришлетъ къ нимъ.

Въ отношеніи къ внутреннему управленію въ самыхъ Московскихъ владѣніяхъ и во внѣшнихъ сношеніяхъ князь Иванъ Васильевичъ III-й такъ же не измѣнялъ своей власти, она и при немъ оставалась въ тѣхъ границахъ, въ какихъ была при его предкахъ; дума бояръ и при немъ оставалась при прежнихъ правахъ. Бояре свободно могли спорить и не соглашаться съ его мнѣніями; онъ вовсе не касался прежнихъ боярскихъ правъ и поддерживалъ старые порядки, какъ объ этомъ прямо свидѣтельствуетъ его современникъ Московскій бояринъ Берсень. Онъ говоритъ о немъ: „нашъ великій князь противъ себя встрѣчу (споръ) любилъ, и тѣхъ жаловалъ, которые противъ него говаривали и старыхъ обычаевъ не перемѣнялъ". Тоже подтверждаетъ о немъ и князь Курбскій, который въ своей исторіи говоритъ объ Іоаннѣ: „зѣло глаголютъ его любосовѣтна быти, и ничтоже починати безъ глубочайшаго и многаго совѣта". Свидѣтельства современниковъ и ближайшихъ потомковъ подтверждаются и законами самаго Іоанна III-го, въ которыхъ этотъ государь постоянно требуетъ соблюденія старыхъ порядковъ и рядомъ ставитъ власть своихъ слугъ, дѣйствующихъ его именемъ, и власть выборныхъ отъ земщины; такъ въ судебникѣ 1497 года о намѣстничьемъ судѣ сказано: „а боярамъ или дѣтемъ боярскимъ, за которыми кормленье съ судомъ боярскимъ, и имъ судити, а на судѣ у нихъ быти дворскому и старостѣ и лучшимъ людемъ; а безъ дворскаго и безъ старосты и безъ лучшихъ людей суда намѣстникамъ и волостелямъ не судити". Или въ уставной Бѣлозерской грамотѣ 1488 г. великій князь не допускаетъ своихъ

слугъ къ непосредственнымъ сношеніямъ съ земщиною, а требуетъ, чтобы они сносились съ нею чрезъ выборныхъ отъ земщины властей: „а кормы намѣстничьи и тіуновы и доводчиковы поборы берутъ въ станѣхъ сотскіе да платятъ намѣстникамъ и тіунамъ въ городѣ". Слѣдовательно, государь старается охранять право земщины отъ возможныхъ притѣсненій и придирокъ со стороны княжескихъ слугъ; несмотря на могущество, соединенное съ единодержавіемъ, онъ явно желаетъ не оскорблять земщины развитіемъ своей власти и охраняетъ неприкосновенность ея прежнихъ правъ и порядковъ.

Но при всемъ желаніи великаго князя Ивана Васильевича III-го удержать всѣ старые порядки по самымъ обстоятельствамъ времени они должны были мало по малу ослабѣвать, вмѣстѣ съ единодержавіемъ естественно должна была развиваться централизація; и намѣстники, присылаемые изъ Москвы и преимущественно изъ Московскихъ бояръ, нечувствительно и незамѣтно годъ отъ года пріобрѣтали болѣе силъ и значенія предъ мѣстными земскими властями, и въ нѣкоторыхъ отдаленныхъ мѣстностяхъ къ концу жизни Іоанна III-го дошли до того, что стали сгонять съ своего суда выборныхъ земщиною судей. Впрочемъ земщина, непривыкшая еще къ такимъ новостямъ, на столько была сильна и единодушна, что подобныя своеволія намѣстниковъ не проходили даромъ; въ иныхъ мѣстахъ къ нимъ просто не шли подъ судъ, т. е. не признавали ихъ суда и судились своими выборными, а въ другихъ мѣстахъ на нихъ приносили жалобы въ Москву съ просьбою, чтобы своевольный намѣстникъ былъ удаленъ и замѣщенъ новымъ, а жалобы сіи при Іоаннѣ III всегда удовлетворялись.

Сынъ и преемникъ Іоанна III-го великій князь Василій Ивановичъ, воспитанный своею матерью Софіею Ѳоминишной, происходившею изъ дома Византійскихъ императоровъ, и окруженный привезенными ею Греками, сталъ вводить новые порядки на манеръ Византійскаго двора, какъ объ этомъ прямо говоритъ его современникъ Московскій бояринъ Берсень: „Здѣсь у насъ старые обычаи князь великій перемѣнилъ; встрѣчи противъ себя не любитъ, кто ему встрѣчу говоритъ (противорѣчитъ) и онъ на того опаляется (гнѣвается); а нынѣ де и государь нашъ запершися самъ третей у постели всякія дѣла дѣлаетъ. А какъ пришли сюда Грекове, ино наша земля замѣшалася, а до того земля Русская жила въ тишинѣ и въ миру. А какъ пришла сюды мати великаго князя, великая княгиня Софья съ своими Греки, такъ наша земля замѣшалася и пришли нестроенія великія". И дѣйствительно по понятіямъ Московскихъ бояръ того времени старые порядки должны были замѣшаться при такомъ государѣ, который безъ обиняковъ прямо говорилъ боярину, спорившему съ нимъ въ совѣтѣ: „пойди смердъ прочь, не надобенъ ми (мнѣ)

еси“. Подобныя новости были слишкомъ тяжелы для бояръ, считавшихъ себя держателями Русской земли. Впрочемъ, великій князь понималъ свое время и окружавшихъ его людей лучше, чѣмъ Московскіе бояре, смотрѣвшіе въ очки прошлаго времени; на самомъ дѣлѣ бояре давно уже перестали быть держателями Русской земли, и еще при дѣдѣ его обратились въ слугъ государевыхъ, изъ которыхъ любому онъ могъ сказать: „поди смердъ прочь, ты мнѣ ненадобенъ“, ибо десять усерднѣйшихъ слугъ уже дожидались занять мѣсто прогнаннаго, а прогнанному некуда было дѣваться въ Русской землѣ, ибо кромѣ государева двора, уже не было другого двора, куда боярину можно бы было отойти съ честью, какъ это дѣлалось въ былое время, когда на Руси было нѣсколько княжескихъ домовъ, не хуже Московскаго.

Но тѣмъ не менѣе, управляясь нецеремонно съ боярами, великій князь Василій Ивановичъ продолжалъ еще уважать права земщины и по возможности не нарушать ея старыхъ порядковъ. Выборныя земскія власти при немъ еще пользовались своимъ прежнимъ значеніемъ; и государь прямо относился къ нимъ и довѣрялъ ихъ усердію и вліянію мимо своихъ слугъ. Такъ, напр., по одной грамотѣ 1513 года видно, что государь выборнымъ волостнымъ старостамъ и десятскимъ поручалъ надзоръ не только за сохраненіемъ тишины и мира между жителями волости, но даже наблюденіе за монахами въ монастырѣ, находящемся въ волости. Въ грамотѣ великій князь пишетъ старостамъ, десятскимъ и своимъ крестьянамъ Бѣлозерской волости: „и вы бъ берегли старцевъ Ниловой пустыни отъ лихихъ людей, отъ татей и разбойниковъ накрѣпко, чтобъ имъ не было обиды ни отъ какого человѣка. А который старецъ учнетъ у нихъ жити въ пустыни безчинно, и велятъ вамъ старцы того чернеца выслать вонъ, и вы бъ его выкинули вонъ, чтобъ у нихъ не жилъ“. Или въ одной грамотѣ 1533 г. великій князь, отмѣняя по просьбѣ монаховъ ярмарку подъ Кириловымъ монастыремъ, объявляетъ о томъ на Бѣлоозеро на посадъ и въ Бѣлоозерскій уѣздъ въ станы и въ волости сотскимъ, старостамъ, десятскимъ и всѣмъ крестьянамъ и городскимъ и становымъ и волостнымъ и приказываетъ наблюдать за тѣмъ, чтобы не было ярмарки, двумъ выборнымъ городовымъ прикащикамъ и цѣловальникамъ. Изъ этой грамоты между прочимъ видно, что Бѣлоозеро со всѣмъ своимъ уѣздомъ тогда управлялось своими выборными городовыми прикащиками и другими выборными властями, и что тамъ не было ни намѣстника, ни волостей, ни другихъ княжескихъ чиновниковъ. А изъ одной грамоты 1518 года видно, что намѣстники и волостели княжескіе и ихъ слуги по прежнему не могли чинить своего суда и розысковъ, ни давать на поруки для явки въ судъ безъ выборныхъ старостъ и лучшихъ людей. Въ грамотѣ сказано: „а

по волости намѣстничимъ недѣльщикамъ (судно - полицейскимъ приставамъ) самимъ не ѣздити, а безъ старосты и безъ лучшихъ людей недѣльщику убитые головы не осматривати (не дѣлать розысковъ по убитомъ) и на поруки (для явки въ судъ) крестьянъ не давати".

По смерти великаго князя Василія Ивановича за малолѣтствомъ его сына и наслѣдника Ивана Васильевича IV-го началось боярское управленіе, продолжавшееся почти 14 лѣтъ; въ это время бояре были свободны, у нихъ были развязаны руки, чтобы возвратить себѣ прежнее значеніе въ правительствѣ, воротить право быть держателями Русской земли, необходимыми участниками въ правленіи, независимо отъ воли государя, но составъ тогдашняго боярства (въ которомъ къ древнимъ Московскимъ боярамъ присоединились и прежніе удѣльные князья, поступившіе на Московскую службу, и бояре уничтоженныхъ удѣльныхъ княжествъ, и выходцы изъ Литвы) былъ вовсе неудобенъ къ единодушному и согласному образу дѣйствія, необходимому для того, чтобы возвратить боярству прежнее значеніе и старыя историческія права. А посему въ продолженіе всѣхъ 14 лѣтъ партіи, составлявшіе боярство, только подкапывались одна подъ другую и низвергали другъ друга, объ общемъ же дѣлѣ всего боярства имъ некогда было и подумать; и лишь выросъ ихъ прирожденный государь, бояре очутились въ томъ же положеніи, въ какомъ были при великомъ князѣ Васильи Ивановичѣ, т. е. слугами Московскаго государя, утратившими свои историческія права. Но Иванъ Васильевичъ IV-й, принявшій уже титулъ царя вмѣстѣ съ правленіемъ, пошелъ далѣе своего покойнаго родителя, которымъ такъ недовольны были бояре. Онъ при самомъ принятіи правленія въ свои руки 1549 г. сдѣлалъ еще небывалое на Руси дѣло, собралъ Земскій соборъ, на который по его вызову явились выборные люди отъ всѣхъ сословій изъ всѣхъ городовъ Русской земли, какъ представителей всей русской земщины. На этомъ соборѣ государь на Лобномъ мѣстѣ предъ всѣмъ соборомъ и Москвичами просилъ прощенія безпорядкамъ боярскаго правленія во время его малолѣтства, и въ заключеніи, поклонившись на всѣ стороны, сказалъ: „оставьте ненависть, вражду, соединимся любовію христіанскою. Отнынѣ я судія вашъ и защитникъ". Созваніемъ Земскаго собора молодой царь уничтожилъ за одинъ разъ всѣ старыя историческія права бояръ, какъ держателей Русской земли; онъ передъ земщиною, собранною въ лицѣ своихъ представителей выборныхъ со всей Россіи, далъ обѣщаніе самому быть судіею и защитникомъ всѣхъ, и тѣмъ самымъ отстранилъ бояръ, какъ необходимыхъ совѣтниковъ государя, предоставивъ своей собственной волѣ приглашать ихъ или удалять. Но бояре не думали еще отступаться отъ своихъ отжившихъ историческихъ правъ; вслѣдствіе чего все остальное царствованіе

Іоанна IV прошло въ преслѣдованіи боярскихъ притязаній на старинныя права. Это преслѣдованіе было ужасно; Іоаннъ IV не останавливался ни передъ чѣмъ, чтобы утвердить самодержавіе и окончательно обратить бояръ въ слугъ государевыхъ, и опираясь на Земскіе соборы, собираемые имъ нѣсколько разъ, достигъ своей цѣли. Онъ около 1566 года всѣ боярскіе роды, называвшіеся оффиціально *боярскими дѣтьми*, переименовалъ въ *дворянъ*, т. е. придворныхъ слугъ государя, боярскими же дѣтьми назвалъ низшій разрядъ служилыхъ людей, которые прежде назывались дворянами; и такимъ образомъ родословное и земское значеніе боярскихъ родовъ измѣнилъ въ служебное, даже въ самомъ названіи.

Мѣры, принятыя Іоанномъ IV-мъ противъ старинныхъ притязаній боярскихъ родовъ, имѣли обширное вліяніе, и бояре такъ были ослаблены и столько потеряли съ утратою прежнихъ правъ, что не могли уже бороться не только съ государемъ, Іоанновымъ преемникомъ, но даже съ его любимцемъ, своимъ собратомъ, бояриномъ Борисомъ Годуновымъ. Годуновъ при царѣ Θеодорѣ Ивановичѣ, захвативши въ свои руки всю власть, пошелъ по стопамъ своего державнаго учителя Іоанна; при немъ Боярская дума потеряла всякое значеніе, существовала только по имени и безпрекословно исполняла его приказанія, хотя онъ и сидѣлъ въ ней на четвертомъ мѣстѣ, соблюдая старинную форму старшинства по службѣ. Всѣ попытки старшихъ бояръ сдѣлаться старинными совѣтниками и руководителями государя остались безуспѣшными; упорнѣйшіе и знаменитѣйшіе изъ бояръ частію были удалены отъ двора, частію отправлены въ ссылку и частію казнены, какъ государевы измѣнники.

Паденіе бояръ и развитіе самодержавной власти государя еще сильнѣе выказалось по смерти царя Θеодора Ивановича. Бояре здѣсь не могли уже воспользоваться самымъ благопріятнымъ случаемъ для обезпеченія своихъ старинныхъ правъ и, несмотря на свою ненависть къ Годунову, нашлись въ необходимости согласиться на выборъ его въ преемники бездѣтному Θеодору, и даже не осмѣлились заикнуться о возстановленіи старинныхъ правъ своего сословія. И въ соборномъ опредѣленіи 1598 года, объ избраніи Годунова на царство, бояре всѣ единогласно написали: „служити намъ ему, государю своему, царю и великому князю Борису Θеодоровичу и сыну его; и въ послушаньи намъ быти ихъ государскихъ повелѣній во всѣмъ, и доброхотати имъ государемъ своимъ правдою, и головъ намъ своихъ за ихъ государей не щадити. И межъ себя того смотрѣти накрѣпко, чтобы государю въ разрядныхъ (государевой службѣ) и земскихъ дѣлахъ кручины не приносити никоторыми дѣлы, никоторою хитростью". Мало этого въ подкрестной записи (въ присяжномъ листѣ) того же года бояре подъ

присягою должны были отказаться отъ старинныхъ правъ свободнаго отъѣзда. Утвердившись на Московскомъ престолѣ, царь Борисъ Ѳеодоровичъ еще сильнѣе началъ развивать самодержавную власть. Онъ, чтобы ослабить бояръ, постоянно старался удалять отъ дѣлъ знаменитѣйшихъ, богатѣйшихъ и умнѣйшихъ изъ нихъ, многихъ разослалъ по Сибирскимъ городамъ подъ стражу, иныхъ сослалъ и постригъ въ монахи, охотно слушалъ доносы на бояръ и щедро награждалъ доносщиковъ; и такими средствами достигъ того, что при немъ у кормила государственнаго правленія почти не осталось старинныхъ бояръ опасныхъ своими связями, богатствомъ, способностями и умѣньемъ вести дѣла мимо его, какъ объ этомъ говоритъ одинъ изъ знаменитѣйшихъ тогдашнихъ бояръ Ѳедоръ Никитичъ Романовъ, постриженный по царскому приказу въ монахи подъ именемъ Филарета: „про твоихъ государевыхъ бояръ (такъ доноситъ Годунову приставъ, поставленный надсматривать за Филаретомъ) онъ старецъ Филаретъ въ разговорѣ говоритъ: „не станетъ де ихъ съ дѣло никоторое, нѣтъ де у нихъ разумного“.

Смерть царя Бориса Ѳеодоровича и восшествіе на престолъ самозванца Лжедимитрія не измѣнили боярскихъ отношеній къ государю; бояре по прежнему остались государевыми слугами не больше; подкрестная запись, по которой бояре давали присягу самозванцу въ сущности одинакова съ записью, по которой цѣловали крестъ Годунову. Возстаніе бояръ на Лжедимитрія служитъ лучшимъ доказательствомъ, что бояре жестоко обманулись въ своихъ надеждахъ на самозванца. Избранный на царство по убіеніи Лжедимитрія князь Василій Ивановичъ Шуйскій, конечно, скорѣе кого-либо другого могъ утвердить старинныя права боярства; онъ даже при вступленіи на престолъ цѣловалъ крестъ, чтобы безъ боярскаго суда никого не осуждать на смерть и не лишать имѣнія. Но бояре, раздѣленные на партіи, не умѣли удержать и этого царя, сами низвели его съ престола и выдали Полякамъ.

Наконецъ боярское правленіе въ продолженіе междуцарствія, переполненное смутами и безпорядками, вполнѣ доказало, что всѣ притязанія бояръ на старинныя права земства и дружины отжили уже свой вѣкъ, и какъ несообразныя съ развитіемъ государства не могутъ быть возстановлены, и что волей—неволей должно избрать всею землею новаго государя съ самодержавною властію. А посему при избраніи на царство Михаила Ѳеодоровича Романова уже не было и помину объ обезпеченіи старинныхъ правъ боярства и о стѣсненіи верховной власти царя. И бояре вмѣстѣ со всею землею цѣловали крестъ: „за царя Михаила Ѳеодоровича и за дѣтей, которыхъ ему впередъ Богъ дастъ, души свои и головы положити, а такъ же намъ

боярамъ и дворянамъ и приказнымъ людямъ не по отечеству и не по своему достоинству, свыше своего отечества и службы, мимо его царскаго повелѣнія чести себѣ никакой не хотети и не искати, и вотчины и помѣстья держати по своей мѣрѣ, чѣмъ кого государь пожалуетъ; и быти въ государскихъ дѣлѣхъ безпрекословно, какъ кому государь велитъ быть на своей службѣ, такъ тому и быть". Хотя Боярская дума, какъ государевъ совѣтъ, имѣла большое значеніе во все царствованіе Михаила Ѳеодоровича, но она уже далеко не была прежнимъ княжескимъ совѣтомъ дружинниковъ, или думою бояръ держателей Русской земли, а напротивъ зависѣла отъ воли царя, который самъ назначалъ членовъ думы, и при томъ въ ней постоянно засѣдало высшее духовенство. Кромѣ того, царь Михаилъ Ѳеодоровичъ постоянно держался правила во всѣхъ важныхъ дѣлахъ опираться на голосъ всей Русской земли, выражаемый Земскими соборами, постоянно созываемыми въ Москву во всѣхъ важныхъ случаяхъ, а на Земскихъ соборахъ съ одинаковымъ правомъ участвовали всѣ сословія по выбору отъ городовъ и уѣздовъ.

Такимъ образомъ постепенное развитіе верховной власти государя, начавшееся утвержденіемъ единодержавія въ сѣверо-восточной Руси при великомъ князѣ Иванѣ Васильевичѣ III-мъ, послѣ упорной борьбы боярства, защищавшаго старыя историческія права дружинниковъ и держателей Русской земли, постепенно достигло при Іоаннѣ IV-мъ до самодержавія, опиравшагося на Боярской думѣ и Земскихъ соборахъ, созываемыхъ по волѣ государя; наконецъ послѣ двадцатипятилѣтнихъ колебаній окончательно окрѣпло при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, который послѣ страшныхъ смутъ самозванщины и боярскаго правленія въ междуцарствіе былъ избранъ въ самодержавные наслѣдственные цари приговоромъ всей Русской земли на Московскомъ соборѣ 1613 года, состоявшемъ изъ представителей всѣхъ сословій отъ всѣхъ русскихъ городовъ, которые были присланы по добровольному выбору мѣстныхъ земщинъ всей Русской земли.

Служилые люди. Мы уже видѣли, что со времени великаго князя Дмитрія Ивановича Донского значительнѣйшія земскія должности были уничтожены; слѣдовательно боярамъ, особенно знаменитымъ, въ земской службѣ уже не было мѣста, и они волей-неволей должны были дорожить княжескою службою, чтобы не потерять значенія въ обществѣ. А съ водвореніемъ единодержавія права бояръ, какъ вольныхъ слугъ, подверглись еще большимъ стѣсненіямъ; при царѣ Иванѣ Васильевичѣ они уже лишились права отъѣзда или свободнаго оставленія княжеской службы и обратились изъ дружинниковъ въ служилыхъ людей. Мало этого, при томъ же царѣ самыя поземельныя владѣнія бояръ и слугъ, какъ ихъ собственныя, т. е. вотчины, такъ

и помѣстныя жалованныя отъ государя были зачислены въ службу. По царскому уставу 1556 г. каждый землевладѣлецъ изъ служилыхъ людей непремѣнно долженъ нести службу, постоянно являться въ походы по первому требованію съ опредѣленнымъ числомъ вооруженныхъ слугъ; именно, чтобы со ста четвертей (50 десятинъ) земли былъ одинъ вооруженный слуга на конѣ, а въ дальній походъ на двухъ коняхъ. По этому уставу даже по смерти землевладѣльца должны были нести службу его наслѣдники, — жена и дѣти малолѣтные или дочери, разумѣется не лично, а посылкою въ походъ опредѣленнаго числа вооруженныхъ слугъ. А самъ землевладѣлецъ, въ помѣстныхъ земляхъ больной и немощный отъ старости долженъ посылать за себя или сына, или племянника, или другого родственника, которому, въ такомъ случаѣ, передавалъ и бывшія за нимъ помѣстныя земли. Такимъ образомъ прежніе вольные бояре и слуги сдѣлались обязанными. Съ изданіемъ таковаго устава заведенъ порядокъ, чтобы каждый дворянинъ, достигшій 15-ти лѣтъ отъ роду, являлся или въ Разрядъ (приказъ завѣдывавшій порядкомъ службы) въ Москвѣ, или въ приказную избу къ городскому воеводѣ для записки своего имени въ реестръ служилыхъ людей; при чемъ онъ подавалъ челобитную, въ которой прописывалъ, — будетъ ли онъ служить съ отцовскаго помѣстья и вотчины, или съ прожиточнаго (до возраста оставленнаго за нимъ по смерти отца) или просилъ поверстать его новичнымъ окладомъ (назначить вновь самый меньшій помѣстный надѣлъ). По этой челобитной наводилась справка по окладнымъ книгамъ; и подавшій челобитную записывался въ десятню новиковъ съ службою или съ отцовскаго помѣстья, или съ прожиточнаго, которое при семъ зачислялось ему въ окладъ, или по новичному окладу, данному вновь. За неявку на службу или укрывательство дворяне лишались своихъ помѣстій. При объявленіи похода или службы каждый дворянинъ, которому назначена служба, долженъ представиться полковому начальнику, или воеводѣ, который осматривалъ пріѣзжающихъ дворянъ и ихъ служителей и записывалъ ихъ имена въ смотрѣнные списки, въ которыхъ подъ каждымъ именемъ прописывалось, кто какъ коненъ (на какой лошади), люденъ (съ сколькими слугами) и оруженъ (въ какомъ вооруженіи) явился на службу. Потомъ пріѣхавшіе дворяне избирали между собою окладчиковъ, которые разбирали пріѣхавшихъ по ихъ помѣстьямъ и денежнымъ окладамъ и отмѣчали въ особыхъ десятенныхъ книгахъ, кто явился на службу сполна по окладу, кто несполна, и кто привелъ лишнихъ людей противъ своего оклада. По этому разбору пріѣхавшіе на службу дворяне заносились въ высшія и низшія статьи, смотря потому, сколько кто привелъ вооруженныхъ слугъ и какъ вооружены слуги.

При таковыхъ порядкахъ бояре (въ смыслѣ сословія, а не чина) и слуги, переименованные при царѣ Иванѣ Васильевичѣ въ дворянъ и боярскихъ дѣтей, естественно утратили свой прежній характеръ дружинниковъ, окончательно обратились въ служилыхъ людей и оффиціально прямо стали называться *служилыми людьми*. И хотя они, какъ мы уже видѣли, упорно защищали свои отжившіе дружинничьи права противъ верховной власти государя; но ихъ упорство только вызвало царя Ивана Васильевича и его преемниковъ устроить новую службу, мимо службы дворянъ и дѣтей боярскихъ, службу по прибору (вербовкѣ) изъ вольныхъ людей другихъ сословій и даже изъ наемныхъ иноземцевъ. Эта новая служба доставила государямъ Московскимъ ту громадную военную силу, которую они могли смѣло противопоставить силѣ дворянъ и дѣтей боярскихъ, ежели бы это понадобилось. Но до этого дѣло никогда не доходило; дворяне и дѣти боярскіе всегда хорошо понимали свое положеніе, и никогда не рѣшались на открытую борьбу военною силою, а только требовали средства юридическія, постоянно стараясь держаться на почвѣ закона или обычая.

Служба по прибору была извѣстна на Руси еще въ XIV столѣтіи; но тогдашніе великіе князья мало обращали на нее вниманія, и она держалась преимущественно только въ городахъ пограничныхъ съ Татарскими степями. Приборные служилые люди тогда составляли только передовую стражу русскихъ границъ, имъ поручалось наблюденіе за Татарскими движеніями въ степяхъ, гдѣ для сего устроивались стоялыя сторожи (небольшія крѣпостцы) и разъѣзжія станицы. Въ эту службу прибирались охотники изъ вольныхъ людей всѣхъ классовъ, которые не были зачислены въ тягло и не несли никакихъ общественныхъ обязанностей; они въ украинныхъ мѣстахъ получали себѣ земли на поселеніе и содержаніе, иные лично какъ помѣщики и носили названіе украинныхъ боярскихъ дѣтей, а иные получали землю на слободы на общинномъ правѣ черныхъ людей и назывались казаками, пушкарями, затинщиками, воротниками, сторожами и подобн. Но со времени царя Ивана Васильевича служба по прибору получила совсѣмъ другое значеніе; этотъ государь сразу выдвинулъ приборную службу впередъ учрежденіемъ стрѣлецкаго войска, которое не только должно было служить во внутреннихъ городахъ и въ самой Москвѣ, но и составлять царскую гвардію подъ именемъ стремянныхъ стрѣльцовъ, которые всюду сопровождали государя. При царѣ Иванѣ Васильевичѣ на первый уже разъ состояло на службѣ 12 тысячъ стрѣльцовъ, изъ коихъ пять тысячъ постоянно жили въ Москвѣ, и изъ нихъ двѣ тысячи стремянныхъ при особѣ государя; а остальныя семь тысячъ въ мирное время содержали гарнизоны по городамъ,

а въ военное время участвовали въ походахъ, частію конные, частію пѣшіе. Стрѣльцы уже въ царствованіе царя Ивана Васильевича показали свою храбрость и ратный духъ; они въ числѣ первыхъ дрались съ Татарами подъ Казанью, вели подкопы и первые вмѣстѣ съ казаками пошли на приступъ и ворвались въ городъ; и потомъ еще прославились во многихъ битвахъ во время упорной Ливонской войны и особенно при защитѣ городовъ, такъ что это новое по своему устройству войско своимъ ратнымъ духомъ уже не уступало полкамъ дворянъ и дѣтей боярскихъ и по всему вѣроятію постоянно увеличивалось въ числѣ.

При устройствѣ стрѣлецкаго войска царь Иванъ Васильевичъ распорядился такъ, чтобы это войско набиралось изъ охотниковъ, какъ и всѣ приборныя войска, и въ тоже время, чтобы оно въ своемъ общественномъ положеніи подходило болѣе къ тяглымъ людямъ общинникамъ, а не служилымъ людямъ помѣщикамъ; и поэтому хотя стрѣльцы подобно помѣщикамъ надѣлены были землею, но земля имъ была дана на общины или слободы, а не лично какъ помѣщикамъ. Каждая стрѣлецкая слобода составляла свою общину, съ своимъ управленіемъ, съ своими выборными властями и съѣзжею избою, гдѣ назначенный отъ государя стрѣлецкій голова творилъ судъ и управу между стрѣльцами. Каждая стрѣлецкая слобода, или полкъ получала опредѣленное пространство земли на всю слободу и сама уже дѣлила ее на столько участковъ, сколько положено прибрать людей на всю слободу, и на каждый земельный участокъ сажала стрѣльца, прибирая его изъ вольныхъ гулящихъ людей (не состоящихъ ни въ какомъ тяглѣ, ни въ службѣ) за круговою порукою стрѣльцовъ всей слободы или полка. Каждый приборный стрѣлецъ обязывался службою лично и со всѣми своими сыновьями и племянниками, которые живутъ съ нимъ въ одной семьѣ, и считался на службѣ безъ отпуска до конца жизни, или пока не получитъ отставку по неспособности, т.-е. по старости или болѣзни. Стрѣлецъ получившій отставку съ тѣмъ вмѣстѣ лишался и той доли земли, которая ему была дана при поступленіи въ службу, ежели у него не было ни сыновей, ни племянниковъ способныхъ занять его мѣсто въ полку. Вмѣстѣ съ дворомъ стрѣльцы получали казенное оружіе, служилое платье, денежное и хлѣбное жалованье каждый годъ, а въ случаѣ военнаго похода подводы или деньги на подъемъ. Кромѣ того стрѣльцамъ было предоставлено право заниматься разными городскими промыслами съ освобожденіемъ отъ всѣхъ городскихъ податей и повинностей, выключая тѣхъ случаевъ, когда который стрѣлецъ торговалъ на сумму выше 50 тогдашнихъ рублей (что на нынѣшнія деньги составитъ до 600 рублей серебр.), да и тогда стрѣлецъ обязанъ былъ платить только торговыя

пошлины. Все это ставило стрѣльцовъ въ тѣсныя отношенія къ городскимъ промышленнымъ людямъ и отдаляло отъ служилыхъ людей помѣщиковъ и вотчинниковъ, такъ что и по происхожденію, и по образу жизни, и по службѣ у стрѣльцовъ не было ничего общаго съ дворянами и дѣтьми боярскими. А что всего важнѣе стрѣльцы вполнѣ зависѣли отъ воли государя и никогда не имѣли никакихъ общественныхъ правъ мимо своей службы.

Одинаковое съ стрѣлецкимъ устройствомъ имѣли при царѣ Иванѣ Васильевичѣ и всѣ другіе разряды приборной службы, — служба городовыхъ казаковъ, служба затинщиковъ, служба пушкарей и проч.; всѣ они прибирались изъ вольныхъ людей не состоящихъ ни въ тяглѣ, ни въ службѣ, всѣ селились особыми слободами, всѣ получали землю на общинномъ правѣ на цѣлую слободу, всѣ управлялись своими выборными начальниками, подъ главнымъ вѣдѣніемъ головы или сотника назначеннаго государемъ, и по своему устройству и образу жизни ближе подходили къ тяглымъ земскимъ людямъ, нежели къ помѣщикамъ и съ сими послѣдними не имѣли никакой связи. Таковый же порядокъ и устройство, по смерти царя Ивана Васильевича, получили вновь заведенные полки служилыхъ людей иноземнаго строя, — солдатскіе, рейтарскіе и другіе, которые также поступали на службу по прибору изъ вольныхъ людей, селились особыми слободами и владѣли землею на общинномъ правѣ. А вызываемые на службу иноземцы вообще служили по найму и только нѣкоторые изъ ихъ начальниковъ получали помѣстья и вотчины.

Такимъ образомъ всѣ разряды приборной службы имѣли характеръ чисто общинный и были поставлены въ изолированное положеніе отъ дворянъ и дѣтей боярскихъ и нисколько не сочувствовали симъ послѣднимъ, и даже состояли въ вѣдомствѣ особыхъ приказовъ,—стрѣльцы въ Стрѣлецкомъ, пушкари въ Пушкарскомъ, рейтары въ Рейтарскомъ, кто въ другихъ приказахъ, а отнюдь не въ Разрядѣ, которому были подчинены дворяне и дѣти боярскіе; и всѣ они внѣ своей службы не имѣли за собою никакихъ историческихъ и общественныхъ правъ и вполнѣ зависѣли отъ воли государя. Царь Иванъ Васильевичъ и его преемники очевидно при устройствѣ приборной службы имѣли въ виду создать силу, вполнѣ зависящую отъ нихъ, въ противоположность силѣ дворянъ и дѣтей боярскихъ, которые могли предъявлять и дѣйствительно иногда предъявляли притязанія на права прежнихъ дружинниковъ независимо отъ службы, опираясь на свои поземельныя владѣнія, по которымъ они представляли собою первенствующій классъ земщины. Приборная служба именно была тою мѣрою, которая своею силою вполнѣ зависящею отъ государя уравновѣшивала воинскую силу дворянъ и дѣтей бояр-

скихъ. И всѣ государи Московскіе, начиная съ царя Ивана Васильевича, постоянно заботились о томъ, чтобы увеличить число людей состоящихъ въ приборной службѣ, тогда какъ на увеличеніе числа дворянъ и дѣтей боярскихъ не обращалось никакого вниманія.

Къ числу служилыхъ людей принадлежало и духовенство православной церкви; оно въ оффиціальномъ порядкѣ считалось первымъ изъ служилыхъ классовъ, а въ сущности по своему положенію стояло въ срединѣ между служилыми людьми и неслужилымъ земствомъ, ибо оно служило церкви, а церковь была одна и для служилыхъ и неслужилыхъ людей. Духовенство раздѣлялось на высшее и низшее; члены высшаго духовенства на оффиціальномъ языкѣ вообще назывались властями. Первенствующимъ представителемъ и главою духовенства сперва былъ митрополитъ всея Руси, а съ 1589 года патріархъ Московскій и всѣхъ Сѣверныхъ странъ; за нимъ слѣдовали архіепископы, епископы, архимандриты и игумены. Низшее духовенство раздѣлялось на бѣлое и черное; бѣлое духовенство составляли городскіе и сельскіе священники съ причтами, къ черному же принадлежали мужскіе и женскіе монастыри.

Въ прежнее время, когда на Руси было нѣсколько великихъ и удѣльныхъ княжествъ, митрополиты, архіепископы и епископы почти не зависѣли отъ князей, ибо митрополиты почти постоянно назначались Константинопольскимъ патріархомъ, а архіепископы и епископы митрополитомъ; конечно князь могъ принять и не принять назначеннаго, но непринятіе было очень рѣдко. А во время Татарскаго владычества высшее духовенство пользовалось еще большею независимостію, ибо Татарскіе ханы считали митрополита и епископовъ такими же князьми, какъ и князей, и утверждали ихъ на каѳедрахъ такими же ярлыками, какъ и князей на княженіяхъ, такъ что князь не имѣлъ права отказать митрополиту или епископу утвержденному ханскимъ ярлыкомъ. Сверхъ того духовенство вообще пользовалось большими привилегіями и льготами отъ Татарскихъ хановъ, по которымъ освобождались отъ всѣхъ податей и службъ не только сами члены духовенства, но и всѣ ихъ недвижимыя имѣнія и лица состоящія въ церковномъ вѣдомствѣ, а посему недвижимыя имѣнія духовенства быстро увеличивались и даже значительныя лица, свѣтскіе землевладѣльцы спѣшили поступать въ службу митрополитовъ и епископовъ, дабы такимъ образомъ свои поземельныя имѣнія поставить подъ защиту церковныхъ привилегій, а это тѣмъ удобнѣе дѣлалось, что у митрополита и у каждаго епископа былъ свой дворъ бояръ и свой полкъ воинскихъ людей. Кромѣ того митрополитъ былъ одинъ главою и представителемъ Русской церкви; а великихъ князей было нѣсколько, слѣдовательно ни одинъ изъ нихъ не могъ подчи-

нить себѣ митрополита. Епископы же поставлялись митрополитомъ и судились имъ, слѣдовательно также не зависѣли отъ своихъ мѣстныхъ князей, и князь недовольный епископомъ не имѣлъ возможности съ нимъ управляться, а долженъ былъ приносить жалобу митрополиту, и митрополитъ наряжалъ надъ епископомъ судъ, который разбиралъ дѣло не по одной жалобѣ князя, а спрашивалъ мѣстное духовенство и земщину, какъ это напримѣръ было въ дѣлѣ Тверскаго епископа Ефимія Висленя съ Тверскимъ великимъ княземъ Михаиломъ Александровичемъ. Все это ставило высшее духовенство въ такое независимое положеніе, что сами князья не рѣдко прибѣгали къ посредничеству митрополита и епископовъ въ своихъ междукняжескихъ спорахъ, какъ это доказываютъ многія договорныя грамоты князей дошедшія до насъ. Мало этого митрополиты и епископы не рѣдко отправлялись въ Орду ходатайствовать по дѣламъ своихъ князей передъ ханомъ, а во время малолѣтства князей митрополиты и епископы вмѣстѣ съ боярами управляли княжествомъ. Такъ, напримѣръ, митрополитъ Алексѣй вмѣстѣ съ Московскими боярами управлялъ великимъ княжествомъ Московскимъ во время малолѣтства Димитрія Донскаго, а митрополитъ Іона, еще будучи Рязанскимъ епископомъ, былъ однимъ изъ главныхъ дѣятелей во время борьбы великаго князя Василія Васильевича Темнаго съ княземъ Дмитріемъ Шемякою и его союзниками, и своею энергическою и благоразумною дѣятельностію успѣлъ удержать Москву за великимъ княземъ Василіемъ Васильевичемъ.

Но съ утвержденіемъ единодержавія положеніе высшаго духовенства значительно измѣнилось; ни митрополитъ, ни епископы уже болѣе не получали ярлыковъ отъ хана, власть котораго рушилась, а утверждались на своихъ каѳедрахъ великимъ княземъ; теперь уже одинъ великій князь Московскій былъ государемъ всей Русской земли, какъ и одинъ митрополитъ представителемъ всей Русской церкви. Хотя еще избраніе митрополита совершалось соборомъ всѣхъ русскихъ епископовъ, лично пріѣзжавшихъ въ Москву, или присылавшихъ свои грамоты; но очевидно главнымъ руководителемъ избранія былъ уже государь, ибо и самая форма соборнаго избранія не всегда соблюдалась, такъ напримѣръ при великомъ князѣ Иванѣ Васильевичѣ III-мъ были поставлены въ митрополиты безъ соборнаго избранія Зосима и Варлаамъ; при Иванѣ же Васильевичѣ въ 1478 году повелѣніемъ государя уже былъ созванъ соборъ на митрополита Геронтія по тому случаю, что митрополитъ далъ грамоту Кирилову монастырю, чтобы тянуть судомъ къ князю Михаилу Андреевичу, а не къ Ростовскому архіепископу; и митрополитъ, убоявшись соборнаго суда, упросилъ великаго князя разодрать выданную гратоту и передать монастырь

по прежнему въ вѣдѣніе архіепископа Ростовскаго. А въ 1503 году великій князь Иванъ Васильевичъ предложилъ Московскому собору отобрать вотчины у всѣхъ монастырей въ Московскихъ владѣніяхъ; но это предложеніе тогда еще не имѣло успѣха. Въ 1531 году великій князь Василій Ивановичъ, желая измѣнить свои отношенія къ духовенству, составилъ было коммиссію о сочиненіи новаго номоканона, въ которомъ между прочимъ опять былъ поднятъ вопросъ о монастырскихъ имѣніяхъ; но соборъ епископовъ подъ предсѣдательствомъ тогдашняго митрополита Даніила отвергъ представленный коммиссіею новосоставленный номоканонъ, какъ противорѣчащій основнымъ правиламъ христіанской церкви, и частію основанный на мнѣніяхъ древнихъ языческихъ философовъ; и великій князь долженъ былъ отказаться отъ предположеннаго церковнаго преобразованія и скрыть книгу новосочиненнаго номоканона. При таковомъ направленіи Московскихъ уже единодержавныхъ государей высшее духовенство по самому ходу дѣлъ должно было стоять въ строго оборонительномъ положеніи; тѣмъ не менѣе оно было еще очень сильно и имѣло огромное вліяніе на народъ, который съ жадностію внималъ поученіямъ своихъ верховныхъ пастырей, и былъ послушенъ ихъ вліяніямъ. Положеніе духовенства тѣмъ было сильнѣе, что оно старалось твердо держаться на почвѣ церковной законности и не усиливалось слишкомъ отстаивать свои чисто свѣтскія права, пріобрѣтенныя во время Татарскаго владычества. Твердость своего положенія духовенство показало особенно въ успѣшной борьбѣ съ раціонализмомъ, которымъ подъ именемъ ереси жидовствующихъ отчасти были заражены велико-княжескій дворъ и высшее общество, особенно молодежь, какъ можно судить по дошедшимъ до насъ поученіямъ митрополита Даніила и сочиненіямъ Іосифа игумена Волоцкаго, двухъ дѣятельныхъ борцовъ противъ ереси.

По смерти великаго князя Василья Ивановича, во время боярскаго управленія государствомъ въ малолѣтство Іоанна IV-го положеніе высшаго духовенства сдѣлалось еще хуже. Бояре, не видя надъ собою никакой узды и управляя именемъ государя, среди раздоровъ партій не признавали никакой законности и распоряжались митрополитами и епископами по своему произволу; они безъ суда свергли двухъ митрополитовъ Даніила и Іоасафа, людей достопочтенныхъ по своей пастырской дѣятельности и строгой жизни и виноватыхъ единственно тѣмъ, что среди безпорядковъ и придворныхъ интригъ старались дѣйствовать прямо и настойчиво исполнять свои пастырскія обязанности относительно ходатайства за невинно гонимыхъ. Но съ реформами, которыя началъ производить царь Иванъ Васильевичъ, принявши управленіе въ собственныя руки, положеніе духовенства измѣнилось.

Царь Иванъ Васильевичъ, какъ уже было сказано выше, вскорѣ послѣ вѣнчанія на царство созвалъ первый Земскій соборъ со всѣхъ концовъ своего государства и на Лобномъ мѣстѣ въ Москвѣ предъ всѣмъ соборомъ, окруженный духовенствомъ и боярами, молилъ тогдашняго митрополита Макарія быть ему помощникомъ и поборникомъ любви и добрыхъ дѣлъ въ правленіи. Этимъ первымъ дѣйствіемъ самодержавія царь за одинъ разъ выдвинулъ духовенство въ лицѣ его представителя митрополита, котораго предъ выборными отъ всего народа прямо поставилъ выше всѣхъ бояръ и сановниковъ, и послѣ этого перваго акта своего самодержавія во все продолженіе своего царствованія постоянно во всѣхъ важнѣйшихъ дѣлахъ обращался за совѣтами къ высшему духовенству, которое съ этого времени сдѣлалось постояннымъ участникомъ во всѣхъ публичныхъ совѣщаніяхъ царя, и оффиціально заняло въ царской думѣ первое мѣсто послѣ царя, а за нимъ уже слѣдовали бояре, окольничіе и другіе чины царской думы. Царь Иванъ Васильевичъ, имѣя въ виду борьбу съ боярами, естественно долженъ былъ выдвинуть духовенство, чтобы имѣть въ немъ опору противъ бояръ. Съ этою цѣлью въ 1550 году онъ просилъ у высшаго духовенства благословенія исправить Судебникъ своего дѣда, а потомъ въ 1551 году созвалъ церковный соборъ, на которомъ, испросивши у членовъ собора утвержденіе вновь составленнаго Судебника, предложилъ исправить церковныя постановленія и яснѣе опредѣлить отношенія церкви къ государству. На соборѣ 1551 года царь Иванъ Васильевичъ показалъ полную довѣренность къ духовенству, которое съ своей стороны высказало замѣчательную умѣренность и неуклонное желаніе держаться чисто законной почвы номоканона. Царь предложилъ духовенству чуть не половину своей власти надъ народомъ; а духовенство, строго держась номоканона, вмѣсто того, чтобы воспользоваться такимъ обширнымъ предложеніемъ, и подъ видомъ преслѣдованія языческихъ суевѣрій и ересей учредить пытки, ввести разныя истязанія и полицейскія мѣры въ родѣ страшной инквизиціи, и такимъ образомъ подчинить своей непосредственной власти весь народъ, смиренно выдѣлило себѣ изъ богатаго царскаго предложенія только то, что принадлежало уже ему по номоканону, т. е. нравственное вліяніе на народъ посредствомъ убѣжденій чрезъ епископовъ и священниковъ, и только въ крайнихъ случаяхъ предоставляя себѣ право прибѣгать къ эпитиміямъ и другимъ духовнымъ наказаніямъ, предписываемымъ церковными уставами, все же остальное возвратило царю, и само просило царя подчинить мірскому закону преслѣдованіе тѣхъ самыхъ преступниковъ, наказаніе которыхъ царь отдавалъ духовнымъ властямъ. Мало этого въ своемъ соборномъ постановленіи, извѣстномъ подъ именемъ Стоглава, рус-

ское духовенство даже согласилось на значительныя ограниченія относительно владѣнія и пріобрѣтенія недвижимыхъ имуществъ церковію, и желая сколько возможно тѣснѣе соединиться съ мірскимъ обществомъ, признало необходимымъ, чтобы гражданское устройство церкви не разногласило съ устройствомъ самаго общества, поколику устройство мірскаго общества не противорѣчило основнымъ церковнымъ правиламъ.

Своимъ умѣреннымъ образомъ дѣйствія на соборѣ 1551 года и неуклоннымъ стараніемъ не выходить изъ границъ, очерченныхъ номоканономъ, русское духовенство съ одной стороны укрѣпило за собою довѣренность царя никому недовѣрявшаго, а съ другой стороны такъ тѣсно соединилось съ обществомъ и такое пріобрѣло вліяніе на народъ, что въ каждой общинѣ городской или сельской священникъ былъ первенствующимъ лицемъ своего прихода во всѣхъ дѣлахъ прихода, какъ церковныхъ, такъ и гражданскихъ. Ни одна просьба къ правительству отъ цѣлаго общества той или другой мѣстности не писалась безъ участія мѣстнаго духовенства, такъ что безъ его участія не дѣлалось ни одно общественное дѣло ни въ городѣ, ни въ уѣздѣ. Строго держась правилъ номоканона, духовенство на соборѣ 1551 года постановило нигдѣ и никогда не принимать на себя административныхъ обязанностей внѣ церковнаго круга, даже постановило, чтобы при митрополитѣ и епископахъ для завѣдыванія дѣлами выходящими изъ церковнаго круга всегда находились мірскіе люди, митрополичьи или епископскіе бояре, боярскіе дѣти, дьяки и десятинники, а при монастыряхъ стряпчіе и слуги завѣдывавшіе мірскими дѣлами монастыря.

Духовенство, какъ бѣлое, такъ и черное, освобожденное отъ всѣхъ податей и повинностей и нетянувшее ни въ какое мірское тягло лично и съ земли уступленной обществомъ на содержаніе церкви и причта, тѣмъ не менѣе участвовало во всѣхъ податяхъ и повинностяхъ съ вотчинъ, ежели таковыя имѣлись при какомъ монастырѣ или церкви; монастыри по своимъ вотчинамъ даже должны были выставлять опредѣленное число вооруженныхъ слугъ для военныхъ походовъ. Судя по писцовымъ и окладнымъ книгамъ, подати и повинности лежавшія на монастырскихъ и архіерейскихъ вотчинахъ были тяжелѣе податей и повинностей, лежавшихъ на свѣтскихъ вотчинахъ и помѣстьяхъ, и почти равнялись съ податьми и повинностями лежавшими на черныхъ земляхъ или общинныхъ; а посему и въ этомъ отношеніи духовенство было тѣсно связано съ мірскимъ обществомъ и имѣло тутъ одинаковые интересы. Кромѣ того близости духовенства съ обществомъ много способствовало то, что всѣ духовные, кромѣ властей и монаховъ, были выборными мѣстнаго общества; по Стоглаву всѣ свя-

щенники и причетники избирались цѣлымъ приходомъ, и мѣстный епископъ только испытывалъ представленнаго прихожанами, и, нашедши достойнымъ, посвящалъ во священники или діаконы. Все это ставило духовенство въ твердое положеніе и сообщало ему значеніе важной общественной силы, пользующейся и довѣріемъ правительства и любовію народа.

По смерти царя Ивана Васильевича не унизилось положеніе духовенства, оно при его преемникахъ сынѣ Θеодорѣ и Борисѣ Θеодоровичѣ Годуновѣ даже усилилось, при Θеодорѣ представитель Русской церкви даже получилъ санъ патріарха Московскаго и всѣхъ сѣверныхъ странъ. Во время же смутъ самозванщины и междуцарствія значеніе духовенства даже возвысилось; по голосу тогдашняго патріарха Гермогена, засаженнаго подъ стражу и моримаго голодомъ отъ мятежниковъ и Поляковъ, вся Русская земля поднялась на внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ, а грамоты властей Троицкаго монастыря разносились по всѣмъ краямъ Русской земли и собирали рати спѣшившія со всѣхъ сторонъ на выручку къ Москвѣ, занятой измѣнниками и Поляками. Съ воцареніемъ Михаила Θеодоровича Романова, котораго родной отецъ сдѣлался патріархомъ, духовенство такъ же не потеряло своего значенія и отъ самаго правительства признавалось важною общественною силою, и при томъ такою силою, въ которой само правительство искало себѣ поддержки, такъ что при царѣ Михаилѣ Θеодоровичѣ рядомъ съ царскою грамотою нерѣдко посылалась грамота отъ духовенства, постоянно державшаго свой соборъ при царѣ. Такъ напримѣръ въ 1613 году отъ 24 мая была послана царская грамота къ Строгоновымъ объ уплатѣ доходовъ и объ отпускѣ взаймы денегъ и разныхъ припасовъ на жалованье войску; и отъ того же числа и съ тѣмъ же гонцомъ о томъ же предметѣ прислана къ Строгоновымъ и соборная грамота отъ духовенства. Точно такъ же въ 1614 году отъ 18 марта были посланы вмѣстѣ и соборная отъ духовенства и царская грамота къ Донскому казачьему войску о принятіи мѣръ противъ Заруцкаго и Марины, и многія грамоты въ другихъ случаяхъ. Потомъ царь началъ прописывать въ своихъ грамотахъ, что онъ совѣтовался съ духовенствомъ, боярами и выборными людьми. А съ избраніемъ въ патріархи Филарета Никитича челобитныя и доношенія стали писаться на имя царя и патріарха, а царскіе указы и грамоты отъ имени царя и патріарха. Въ случаѣ же чрезвычайныхъ денежныхъ сборовъ въ казну, царь въ коммиссію сбора вмѣстѣ съ боярами назначалъ и духовныхъ властей. И вообще царь Михаилъ Θеодоровичъ всюду, гдѣ требовала нужда, искалъ въ духовенствѣ поддержки для своего правительства во все продолженіе своего тридцати двухъ лѣтняго царствованія; и духо-

венство, какъ дѣйствительная общественная сила, во всѣхъ случаяхъ доставляла царю ту поддержку, которую онъ искалъ.

Жилецкіе люди или земство. Съ утвержденіемъ единодержавія земство потерпѣло большое измѣненіе. Въ прежнее время земщина каждаго края Русской земли считалась и была на самомъ дѣлѣ самостоятельною и независимою, составляла отдѣльное государство съ своимъ княземъ и сама опредѣляла свои отношенія къ князю и свое общественное устройство; но съ водвореніемъ единодержавія Московскихъ государей самостоятельность отдѣльныхъ земщинъ рушилась сама собою, а съ тѣмъ вмѣстѣ не могли удержаться и мѣстные порядки. Хотя со стороны Московскихъ государей державшихся консерватизма и не было гоненій на мѣстные порядки, но сила вещей взяла свое и еще при великомъ князѣ Иванѣ Васильевичѣ III-мъ Московская централизація сильно расшатала сіи порядки и начала съ небреженіемъ относиться къ требованіямъ мѣстныхъ земщинъ; чему много способствовало то, что прежніе княжіе бояре, по своимъ вотчинамъ составлявшіе передовой классъ мѣстныхъ земщинъ, увлекаемые службою при дворѣ Московскаго государя, спѣшили въ Москву, и такимъ образомъ ослабляли мѣстныя земщины и выдѣляли свои интересы отъ общихъ интересовъ остальныхъ жителей того или другого края прежде пользовавшагося самостоятельностію. Все это прямымъ и ближайшимъ послѣдствіемъ имѣло то, что при великомъ князѣ Иванѣ Васильевичѣ III-мъ и при сынѣ его Василіи Ивановичѣ и въ первыя четырнадцать лѣтъ боярскаго правленія въ малолѣтство царя Ивана Васильевича своеволіе и притѣсненія намѣстниковъ, присылаемыхъ изъ Москвы, легли тяжелымъ гнетомъ на мѣстныя земщины и произвели страшные безпорядки, грозившіе разореніемъ мѣстныхъ земщинъ, ежели бы не спасло ихъ общинное устройство, давшее мѣстнымъ земщинамъ возможность или сдерживать своевольныхъ намѣстниковъ или подавать на нихъ въ Москву жалобы отъ имени той или другой земщины, которыя жалобы, какъ выраженія желаній цѣлыхъ земщинъ, не могли оставаться неудовлетворенными, особенно послѣ созванія царемъ Иваномъ Васильевичемъ общаго Земскаго собора въ 1549 году, который открылъ царю необходимость къ принятію общихъ мѣръ противъ безпорядковъ областнаго управленія московскими намѣстниками. Этими общими мѣрами были: во 1-хъ, изданіе уставной грамоты, предоставлявшей мѣстнымъ земщинамъ управляться своими выборными старостами и излюбленными головами, замѣнявшими царскихъ намѣстниковъ, и во 2-хъ, составленіе новаго царскаго Судебника ограждавшаго земщины отъ своеволія намѣстниковъ.

Уставная грамота объ отмѣнѣ намѣстниковъ и волостей по го-

родамъ и волостямъ на столько подняла мѣстное самоуправленіе земщинъ, что земщины получили право непосредственно относиться къ центральной власти въ Москву и въ судѣ и управѣ вѣдаться своими выборными начальниками, излюбленными головами, судьями и старостами, во всѣхъ дѣлахъ даже уголовныхъ, подъ контролемъ самаго мѣстнаго общества, а не центральной власти; такъ что мѣстная земщина получила право какъ выбирать помянутыхъ начальниковъ изъ своей среды, такъ и смѣнять ихъ, когда они оказывались неугодными, и выбирать новыхъ, съ обязанностію только присылать выбранныхъ въ Москву для принятія присяги, какъ объ этомъ прямо написано въ уставной грамотѣ: „и будетъ посадскіе люди и волостные крестьяне похотятъ выборныхъ своихъ судей перемѣнити, и посадскимъ людямъ и волостнымъ крестьянамъ всѣмъ выбирати лучшихъ людей, кому ихъ судити и управа межъ ими чинити, да тѣхъ своихъ излюбленныхъ судей присылаютъ въ Москву къ нашему дьяку, и излюбленный (избирательный) списокъ по имяномъ съ поповскими руками и съ дьяконскими и съ своими приписьми дьяку нашему присылаютъ же; и дьякъ нашъ тѣхъ ихъ излюбленныхъ судей приводитъ къ крестному цѣлованію на томъ, что имъ судити во всякихъ дѣлѣхъ въ правду по нашему крестному цѣлованію“. Ежели излюбленные головы и вообще выборныя власти по уставной грамотѣ избирались цѣлымъ уѣздомъ, а не однимъ посадомъ или волостью, то ихъ суду и управѣ подлежали не только посадскіе люди и крестьяне, но и всѣ мѣстные вотчинники и помѣщики по мѣсту жительства и по своимъ недвижимымъ имѣніямъ. Вообще съ избраніемъ выборныхъ властей по уставной грамотѣ въ уѣздѣ прекращалась всякая судебная и административная власть чиновниковъ, присылаемыхъ отъ государя и переходила въ руки излюбленныхъ головъ, старостъ и судей подъ контролемъ самаго общества. Правительство только облагало таковый уѣздъ особымъ оброкомъ по цѣнѣ опредѣленныхъ закономъ доходовъ въ пользу намѣстника и его пошлинныхъ людей, который оброкъ выборныя власти обязывались ежегодно высылать въ царскую казну. Впрочемъ уставная грамота царя Ивана Васильевича не отнимала у мѣстныхъ земщинъ свободы,—управляться ли своими выборными властями, или просить присылки государева намѣстника изъ Москвы.

Но какъ по уставной грамотѣ было предоставлено на волю мѣстныхъ земщинъ управляться ли своими выборными властями или государевыми намѣстниками, то въ огражденіе тѣхъ земщинъ, которыя не пожелали бы управляться своими выборными властями, царь Иванъ Васильевичъ въ своемъ Судебникѣ, изданномъ въ одно время съ уставною грамотою въ 1550 году, разными постановленіями зна-

чительно усилилъ мѣстную земскую власть и уравновѣсилъ ее съ властію намѣстниковъ и ихъ пошлинныхъ людей. По царскому Судебнику были оставлены въ своей силѣ всѣ прежніе порядки участія земскихъ властей въ судѣ и управленіи намѣстниковъ. По Судебнику въ параллель съ Приказною избою намѣстника поставлена Земская изба съ своими выборными старостами и излюбленнымъ земскимъ дьякомъ въ каждой мѣстной земщинѣ. На судѣ намѣстника или волостеля рядомъ съ намѣстничьимъ судьею или тіуномъ сидѣли выборные судьи съ своимъ земскимъ дьякомъ, и судъ намѣстника или волостеля безъ участія земскихъ судей Судебникъ признаетъ недѣйствительнымъ. Самое судное дѣло писалось земскимъ дьякомъ и подписывалось земскими судьями; намѣстничій же дьякъ только писалъ копію съ суднаго дѣла, писаннаго земскимъ дьякомъ, которая утверждалась намѣстничьею печатьею; и дѣло писанное земскимъ дьякомъ передавалось намѣстнику, а копія съ него, писанная намѣстничьимъ дьякомъ, отдавалась земскимъ судьямъ, т. е. выборнымъ, старостамъ и цѣловальникамъ. Кромѣ того по желанію мѣстной земщины законъ дозволялъ учреждать по городамъ особыхъ земскихъ выборныхъ начальниковъ, называвшихся городовыми прикащиками. Эта земская власть дѣйствовала особо отъ намѣстниковъ за одно съ старостами, сотскими и цѣловальниками. Городовые прикащики были защитниками интересовъ земщины противъ своевольствъ и притѣсненій со стороны намѣстниковъ и ихъ пошлинныхъ людей. Намѣстничьи люди по свидѣтельству Судебника никого изъ жителей города не имѣли права взять подъ стражу и заковать ни до суда ни послѣ суда, не объявивъ объ этомъ напередъ городовому прикащику, старостамъ и цѣловальнпкамъ; въ противномъ случаѣ городовый прикащикъ съ старостами и цѣловальниками освобождалъ взятаго изъ подъ стражи, и сверхъ того взыскивалъ на намѣстничьихъ людяхъ безчестье смотря по званію обиженнаго. Непосредственныя обязанности городовыхъ прикащиковъ были слѣдующія: 1-е, защищать жителей отъ обидъ и притѣсненій со стороны намѣстничьихъ людей при нарядахъ къ городовымъ и другимъ казеннымъ работамъ; 2-е, смотрѣть, чтобы торговля производилась на узаконенныхъ мѣстахъ, и чтобы никто въ ущербъ города не заводилъ торговъ въ уѣздѣ безъ государевой жалованной грамоты; 3-е, чтобы въ сборѣ податей, отправленіи повинностей соблюдался порядокъ согласно съ общинною раскладкою, и чтобы никто не былъ изобиженъ ни въ раскладкѣ, ни въ сборѣ; а посему городовымъ прикащикамъ предоставлялось рѣшеніе всѣхъ споровъ по земскимъ и податнымъ дѣламъ; 4-е, старосты, сотскіе и десятскіе должны были представлять городовымъ прикащикамъ всѣхъ пришлыхъ подозрительныхъ людей,

которые окажутся въ той или другой городской общинѣ; въ 5-хъ, наконецъ, городовые прикащики наблюдали за цѣлостію общественныхъ имуществъ и защищали ихъ противъ намѣстниковъ и ихъ пошлинныхъ людей, а также вмѣстѣ съ старостами отдавали съ торговъ на оброкъ всѣ оброчныя статьи и угодья принадлежащія городу. Въ волостяхъ обязанности городовыхъ прикащиковъ лежали на особыхъ выборныхъ властяхъ, называвшихся дворскими.

Земщина всей Русской земли и Земскіе соборы. Между тѣмъ какъ мѣстныя земщины устраивали свои дѣла и поддерживали мѣстное самоуправленіе частію своими внутренними силами, главнымъ образомъ заключавшимися въ общинномъ устройствѣ земщинъ, частію законами, издаваемыми верховною властію со времени царя Ивана Васильевича, старавшагося поддержать и утвердить мѣстное самоуправленіе; въ то же самое время слагалась, вызванная единодержавіемъ и централизаціею, новая громадная общественная сила подъ именемъ общей земщины всей Русской земли съ центромъ въ Москвѣ у подножія царскаго престола. Эта сила, въ началѣ единодержавія почти незамѣтная и не сосредоточенная, мало-по-малу, со временемъ такъ выяснилась, что самодержавный царь Иванъ Васильевичъ долженъ былъ уже признать ее и вызвать къ гласной дѣятельности на первомъ Земскомъ соборѣ, на который были созваны въ Москву выборные отъ всѣхъ городовъ Русской земли. Нововѣнчанный царь, чтобы явиться предъ этою громадною силою, нѣсколько дней провелъ въ уединеніи, постѣ и молитвѣ, и потомъ вышедши изъ Кремля, окруженный духовенствомъ въ церковныхъ облаченіяхъ со крестами и въ сопровожденіи бояръ и воинской дружины, взошелъ на Лобное мѣсто, около котораго стояли безмолвно выборные всей Русской земли, поклонился имъ на всѣ стороны, изложилъ вкратцѣ всѣ безпорядки боярскаго правленія во время его малолѣтства, и потомъ обратился къ выборнымъ съ такою рѣчью: „людіе Божіи и намъ дарованные Богомъ! Молю вашу вѣру къ Богу и любовь къ намъ. Нынѣ вашихъ обидъ и раззореній и налогъ исправити невозможно замедленія ради юности нашея и безпомощности, и неправдъ ради бояръ моихъ и властей. Молю васъ оставьте другъ другу вражды, и тяготы свои покройте любовію христіанскою; а отнынѣ впредь я вамъ, сколько мнѣ можно, самъ буду судья и оборона, и стану неправды разорять и хищенія возвращать“. Дѣяній перваго Земскаго собора въ Москвѣ до насъ не дошло; но что онъ остался не безслѣднымъ, на это мы имѣемъ прямыя свидѣтельства въ уставной грамотѣ 1550 года и въ царскомъ Судебникѣ. А что всего важнѣе этотъ первый соборъ показалъ выборнымъ, что кромѣ мѣстныхъ интересовъ той или другой земщины, есть еще интересы земщины всей Русской

земли, что эта земщина составляетъ одно общее цѣлое, и что голосъ этого цѣлаго, организованный въ формѣ Земскаго собора, имѣетъ силу признанную самимъ правительствомъ и самъ царь въ важныхъ случаяхъ нуждается въ этомъ голосѣ. Первый опытъ Земскаго собора открылъ дорогу и для слѣдующихъ; такъ до насъ дошелъ приговоръ Земскаго собора созваннаго царемъ Иваномъ Васильевичемъ въ 1566-мъ году по случаю войны съ Стефаномъ Баторіемъ. Созывались ли еще соборы Иваномъ Васильевичемъ и его сыномъ Θеодоромъ, мы объ этомъ пока еще не имѣемъ извѣстій; но съ прекращеніемъ Рюриковой династіи на Московскомъ престолѣ земщина всей Русской земли естественно должна была въ лицѣ своихъ выборныхъ собраться въ Москву для избранія новаго государя, и Земскій соборъ дѣйствительно собрался, но только не полный. Борисъ Θеодоровичъ Годуновъ, тогдашній искатель Московскаго престола, вѣроятно не надѣясь на успѣхъ своего искательства передъ выборными людьми со всѣхъ концовъ Русской земли, ограничился только созваніемъ жителей Москвы, которые и выбрали его на Московскій престолъ. Земщина всей Русской земли на этотъ разъ смолчала и признала царемъ Бориса; но за то, когда явился самозванецъ, то она поддержала Бориса, точно такъ же, какъ въ свою очередь не поддержала и самозванца, не подумавшаго при своемъ воцареніи спросить ея голоса. Той же участи подвергся и царь Василій Ивановичъ Шуйскій, выбранный своими сторонниками и московскою чернію.

Наконецъ междоусобія, почти не прекращавшіяся по смерти Бориса Θеодоровича Годунова, вызвали дѣятельность долго молчавшей земщины всей Русской земли. Казалось все уже было потеряно для Россіи. Москва была въ рукахъ Поляковъ, бояре ссорились между собою, одна партія приглашала въ цари Польскаго королевича Владислава, другая торговалась съ Польскимъ королемъ Сигизмундомъ, думая только о томъ, какъ бы повыгоднѣе для себя продать ему Московское государство. Казалось всякая связь между русскими городами уже была разорвана, — гдѣ признавали царемъ королевича Владислава, гдѣ искали царя у Шведовъ, гдѣ держались Тушинскаго вора или другихъ самозванцевъ; а толпы вооруженныхъ Поляковъ, Шведовъ, казаковъ и русскихъ измѣнниковъ - грабителей вездѣ ходили, безпрепятственно грабили и опустошали, мирные жители оставляли свои жилища и скрывались по лѣсамъ. Всѣ уже считали Московское государство обреченною жертвою, за которую никто не хотѣлъ вступиться, которая была уже связана по рукамъ и ногамъ и ожидала только закланія. Одинъ только голосъ раздавался за вѣру и отечество, голосъ узника патріарха Гермогена томимаго голодомъ за карауломъ въ Чудовской кельѣ; и на этотъ голосъ видимо слабый

отозвалась земщина всей Русской земли, разрозненныя города и селенія вдругъ почуяли, что они составляютъ одно цѣлое, — Русскую землю, начали ссылаться другъ съ другомъ и поднялись какъ одинъ человѣкъ, какимъ-то чудомъ отыскали и достаточно войска и нужныя средства на его содержаніе, нашли достойныхъ военачальниковъ и правителей,—и порядокъ возстановился. Земщина явила свою силу и враги, готовые поглотить Россію, съ безчестіемъ отступили передъ ея силою. Москва очищена отъ Поляковъ и измѣнниковъ, и собрался Земскій соборъ, на который съѣхались выборные отъ всѣхъ городовъ Русской земли, которые не были заняты врагами. И на этомъ Земскомъ соборѣ приговоромъ всей Русской земли былъ избранъ на царство Михаилъ Θеодоровичъ Романовъ, внукъ первой супруги царя Ивана, Анастасіи.

Со времени избранія на царство Михаила Θеодоровича Романова земщина всей Русской земли въ лицѣ своихъ выборныхъ почти постоянно во все время его царствованія присутствовала въ Москвѣ и принимала дѣятельное участіе въ правленіи, такъ что этотъ государь не принимался ни за одно важное дѣло, не посовѣтовавшись съ выборными отъ земщины, и во всѣхъ своихъ распоряженіяхъ опирался на ея голосъ, и большую часть указовъ и грамотъ писалъ такъ: „мы великій государь учинили о томъ соборъ и приговорили то-то“. Или: „по нашему великаго государя указу и по соборному приговору всей Русской земли“. Такъ что во все это время власть государя стояла рядомъ съ властію общества, или съ властію земщины всей Русской земли, и полное самодержавіе, врученное Земскимъ соборомъ царю Михаилу Θоодоровичу, шло объ руку съ народною волею всей Русской земли, и составляло одну нераздѣльную власть, точно такъ же какъ мѣстныя земщины уже сознательно составляли одну общую земщину всей Русской земли. По дошедшимъ до насъ памятникамъ мы имѣемъ одиннадцать извѣстій о Земскихъ соборахъ въ Москвѣ за 32 года царствованія Михаила Θеодоровича; и судя по нѣкоторымъ намекамъ памятниковъ выборные одного собора проживали по нѣскольку лѣтъ въ Москвѣ, и по требованію государя сходились къ нему на совѣщаніе, потомъ прежніе выборные замѣнялись новыми. Такъ выборные 1613-го года, избравшіе Михаила на царство, оставались кажется въ Москвѣ до 1615 года включительно. Ими былъ избранъ Михаилъ на царство въ 1613 году, отъ ихъ имени въ томъ же году была послана соборная грамота къ Польскому королю Сигизмунду объ очищеніи Русской земли и о размѣнѣ плѣнныхъ, отъ ихъ же имени посылались соборныя грамоты въ 1614 году къ Донскимъ и Волжскимъ казакамъ; и они же, должно быть, присутствовали на соборѣ 1615 года, на которомъ по указу государеву

и по приговору всей Русской земли велѣно со всѣхъ городовъ Московскаго государства, со всякихъ людей съ животовъ (имуществъ) сбирать, служилымъ людямъ на жалованье, деньги пятая деньга. Но отъ 12-го генваря 1616 года мы уже имѣемъ царскую грамоту о высылкѣ въ Москву изъ городовъ по три человѣка съ каждаго города выборныхъ людей, изъ посадскихъ лучшей и средней статьи, добрыхъ разумныхъ и постоятельныхъ людей для царскаго и земскаго дѣла на совѣтъ, и тѣмъ выборнымъ людямъ на Москву явиться въ Посольскомъ приказѣ къ думному дьяку Петру Третьякову". Слѣдовательно прежніе выборные люди были уже отпущены по домамъ въ 1615 году. А въ апрѣлѣ мѣсяцѣ того же 1616 года сіи новые выборные люди на соборѣ въ царскихъ палатахъ приговорили: „со всѣхъ городовъ съ посадовъ и съ уѣздовъ, съ гостей и съ торговыхъ и со всякихъ посадскихъ людей, и со всякихъ ремесленныхъ людей и съ тарханщиковъ, и съ монастырей, которые торгуютъ, и со всякихъ слободъ съ торговыхъ людей, чѣмъ кто ни торгуетъ, чей кто ни буди, никого не обходя, собрати съ животовъ служилымъ людямъ на жалованье пятая деньга (20%) деньгами, а не товаромъ; а съ уѣздовъ съ сошныхъ людей по сошному разводу, по сту по двадцати рублевъ съ сохи (съ 400 десятинъ)". Потомъ въ 1618 году, кажется тѣ же выборные приговорили на соборѣ укрѣпить Москву по случаю нашествія королевича Владислава, и разослать царскіе указы къ воеводамъ по городамъ, чтобы спѣшили съ своими полками къ Москвѣ. Тѣ же выборные присутствовали на соборѣ въ 1619 году, на которомъ по предложенію новопоставленнаго патріарха Филарета Никитича, приговорили послать писцовъ и дозорщиковъ по всѣмъ городамъ для составленія новыхъ писцовыхъ и дозорныхъ книгъ, чтобы уравнять всѣ подати и повинности, ибо старыя писцовыя и дозорныя книги, по случаю многихъ раззореній и опустошеній въ предшествовавшіе годы, оказываются несогласными съ наличнымъ населеніемъ и капиталами. На этомъ же соборѣ опредѣлено собрать въ Москву новыхъ выборныхъ, со всякаго города, изъ духовенства по одному человѣку, изъ дворянъ и боярскихъ дѣтей по два человѣка, и изъ посадскихъ людей также по два человѣка, которые бы умѣли разсказать обиды насильства и раззоренья, и чѣмъ Московскому государству полниться, и ратныхъ людей жаловать и устроить бы Московское государство, чтобы пришли всѣ въ достоинство". Въ 1621 году этотъ новый соборъ, на которомъ участвовали, какъ духовенство, бояре, думные люди, дворяне, боярскіе дѣти, стрѣльцы и казаки и всякіе служилые люди, такъ гости торговые и всякихъ чиновъ жилецкіе Московскаго государства, по предложенію царя и патріарха приговорилъ, въ союзѣ съ Турецкимъ султаномъ и Шведскимъ коро-

лемъ, начать войну съ Поляками и съ собора же прямо послать разборщиковъ для сбора служилыхъ людей по городамъ и предписать городскимъ воеводамъ, чтобы объявили служилымъ людямъ готовиться къ походу. Въ 1632 году вновь былъ созванъ соборъ, по случаю войны съ Польскимъ королемъ, на которомъ приговорено: „на жалованье ратнымъ людямъ въ городахъ съ торговыхъ людей взять пятую деньгу, а духовенство, бояре, дворяне и другіе помѣщики и вотчинники обѣщались представить роспись, сколько кто дастъ на вспоможеніе государевой казнѣ“. Этотъ же соборъ присутствовалъ въ Москвѣ и засѣдалъ въ государевой Столовой палатѣ и въ 1634 году, на которомъ царь Михаилъ Ѳеодоровичъ прямо говорилъ выборнымъ, что вамъ въ прошломъ 141-мъ году на первомъ соборѣ объявлено о неправдахъ Польскаго короля. На этомъ новомъ соборѣ было приговорено вновь собрать запросныя деньги на вспоможеніе ратнымъ людямъ. Въ 1637 году былъ созванъ новый Земскій соборъ по случаю войны съ Крымскимъ ханомъ, на которомъ соборѣ было приговорено: „съ вотчинъ и помѣстій служилыхъ людей собрать даточныхъ людей съ 20 дворовъ по человѣку, съ вотчинъ владычныхъ и большихъ монастырей съ 10 дворовъ по человѣку, съ вотчинъ середнихъ и меньшихъ монастырей съ 10 дворовъ по 4 лошади подъ ратныхъ людей; а съ городовъ, посадовъ и съ уѣздовъ съ черныхъ волостей ратнымъ людямъ на жалованье взять съ 10 дворовъ за даточного человѣка по 20 рублевъ, съ двора по два рубля“. Наконецъ въ 1642 году былъ собранъ новый соборъ изъ высшаго духовенства, бояръ и выборныхъ людей отъ городовъ помѣщиковъ и вотчинниковъ, и изъ выборныхъ людей отъ гостей и торговыхъ людей разныхъ черныхъ сотенъ города Москвы. Этому собору былъ предложенъ вопросъ,— возвращать или не возвращать Туркамъ городъ Азовъ, занятый Донскими казаками.

Земскіе соборы въ Москвѣ по составу своему раздѣлялись на двѣ половины: первую половину составляли высшее духовенство и Боярская дума при царѣ, т.-е.: бояре, окольничіе и вообще думные люди,—эта половина присутствовала на соборѣ не по мірскому выбору, а по своему положенію въ государствѣ; вторую половину членовъ собора, многочисленнѣйшую, составляли выборные люди отъ городовъ и уѣздовъ всего государства изъ служилыхъ и жилецкихъ людей. Но обѣ половины, несмотря на неодинаковость вступленія въ соборъ, имѣли одинъ характеръ представителей земщины, и на соборѣ не имѣла никакихъ особыхъ правъ одна половина надъ другою ни при подачѣ голосовъ, ни по предметамъ разсужденія, и голоса подавали по старшинству,—сперва духовенство, потомъ члены Боярской думы, далѣе выборные отъ служилыхъ людей и затѣмъ выбор-

ные отъ жилецкихъ людей. Предметы разсужденія на соборѣ иногда предлагались рѣчью, а иногда письменно, причемъ съ письменнаго предложенія списки напередъ раздавались выборнымъ для предварительнаго обсужденія, какъ это именно было на соборѣ 1642 года. Отвѣты или голоса членовъ собора иногда давались изустно царю на самомъ соборѣ, какъ это было на соборахъ 1618, 1621 и 1634 годовъ, а иногда письменно, какъ это было на соборѣ 1642 года. Впрочемъ письменные вопросы и отвѣты были только на одномъ этомъ соборѣ 1642 года, который вообще носитъ на себѣ особую форму противъ всѣхъ прежнихъ соборовъ: на немъ къ выборнымъ людямъ по статьямъ были приставлены государевы дьяки, такъ напримѣръ къ стольникамъ былъ приставленъ дьякъ Спиридовъ, и письменные отвѣты или голоса отъ разныхъ статей выборныхъ людей подавались въ разные дии, а Боярская дума вовсе не подавала голоса.

Приглашеніе на Земскій соборъ дѣлалось правительствомъ изъ Москвы; правительство посылало грамоты по всѣмъ городамъ, чтобы высылали выборныхъ людей, которыхъ излюбятъ мѣстныя земщины, при чемъ опредѣлялось сколько выборныхъ прислать изъ какого города, число это на разныхъ соборахъ было неодинаково, а иногда даже вовсе не дѣлалось опредѣленія числа. Такъ, напр., на соборъ 1613 г. тогдашнее Московское правительство посылало грамоты по городамъ, чтобы „изо всѣхъ городовъ изъ всякихъ чиновъ послали къ Москвѣ, для земскаго совѣта и для государскаго обиранья, лучшихъ и разумныхъ людей", которые выборные люди и держали соборъ въ Москвѣ до 1616 г. А въ 1619 году для разсужденія о новой раскладкѣ податей и повинностей приглашались на Земскій соборъ въ Москву изъ каждаго города, изъ духовныхъ по человѣку, изъ дворянъ и дѣтей боярскихъ по два человѣка, да по два жъ человѣка посадскихъ людей. При чемъ была прописана и самая форма выборовъ, въ которой приказывалось правителю города, чтобы онъ по полученіи грамоты велѣлъ быть въ соборной церкви архимандритамъ, игуменамъ, протопопамъ, попамъ и всему священническому собору, и дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ и гостямъ и посадскимъ и уѣзднымъ всякимъ людямъ; и какъ сойдутся велѣлъ бы грамоту прочесть всѣмъ вслухъ и велѣлъ бы духовнымъ людямъ и дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ и посадскимъ и всякимъ людямъ выбрать изо всѣхъ чиновъ людей добрыхъ и разумныхъ, и выборные бы на нихъ списки дали за руками и отпустили ихъ къ Москвѣ. Или на соборѣ 1642 года о сдачѣ Азова въ грамотахъ писано: „выбрать изо всякихъ чиновъ, изъ лучшихъ, середнихъ и меньшихъ добрыхъ и умныхъ людей съ кѣмъ о томъ дѣлѣ говорить: изъ большихъ статей человѣкъ по 20 и по 15, и по 10 и по 7, а изъ немногихъ людей человѣкъ по 5, и

по 4, и по 3 и по два; а кого выберутъ и тѣмъ людямъ принести имяна“.

Выборы на Земскій соборъ въ каждомъ городѣ производились согласно съ царскими грамотами по сословіямъ. Духовенство выбирало отдѣльно своихъ выборныхъ, служилые люди своихъ выборныхъ, посадскіе люди и уѣздные крестьяне своихъ выборныхъ выбирали вмѣстѣ, какъ люди состоявшіе въ тяглѣ. Но избиратели при назначеніи выборныхъ, кажется, не ограничивались своимъ сословіемъ, а напротивъ могли избрать себѣ представителя и изъ другого сословія; требовалось только, чтобы избранный былъ излюбленнымъ человѣкомъ своихъ избирателей. Такъ, напр., въ соборной грамотѣ объ избраніи на царство Михаила Ѳеодоровича отъ Переяславля-Рязанскаго выборнымъ былъ только одинъ игуменъ Льгова монастыря Игнатій, слѣдовательно онъ былъ выборнымъ отъ всѣхъ сословій этого города. Или отъ Казанскаго государства тамъ же были выборными Илантова монастыря игуменъ Іосифъ, и дворяне Прокофій Врацкій, Иванъ Нормацкій и другіе, отъ другихъ же сословій изъ Казани на соборѣ не было; слѣдовательно присутствовавшіе на соборѣ игуменъ и дворяне были излюбленными выборными всѣхъ сословій Казанскаго царства. Давались ли выборнымъ какія инструкціи отъ избирателей по памятникамъ мы на это не встрѣчаемъ никакихъ указаній. Но можно думать, что выборные, отправлявшіеся для избранія государя, получали отъ избирателей указаніе,—кого избирать; на соборахъ же по другимъ дѣламъ все зависѣло отъ того, прописывалось ли въ призывной грамотѣ, — для разсужденія о какомъ предметѣ созывается соборъ, или просто писалось для государева и земскаго дѣла. Въ послѣднемъ случаѣ естественно не могло быть и рѣчи объ инструкціи; въ первомъ же, вѣроятно, избиратели давали выборнымъ наставленія, что говорить на соборѣ. Такъ, наприм., на соборѣ 1619 года, на который требовалось прислать выборныхъ, которые бы умѣли разсказать обиды, насильства и раззоренья, и чѣмъ Московскому государству полниться и ратныхъ людей жаловать, естественно избиратели должны были дать выборнымъ подробныя инструкціи о мѣстныхъ нуждахъ и средствахъ къ ихъ удовлетворенію.

О Земскихъ соборахъ можно сказать вообще одно, что постоянныхъ правилъ, какъ вести соборы, жизнь еще не успѣла выработать, и они болѣе или менѣе зависѣли отъ воли самодержавныхъ государей, которые по молодости самодержавной власти, сформировавшейся только при Иванѣ IV, находили для себя выгоднымъ опираться на голосъ земщины, и считали неудобнымъ и опаснымъ принимать на себя отвѣтственность въ важнѣйшихъ дѣлахъ и въ наложеніи чрезвычайныхъ податей. Особенно этого правила долженъ былъ держаться

и дѣйствительно держался царь Михаилъ Θеодоровичъ, только что получившій верховную власть изъ рукъ Земскаго собора, и только въ соборѣ находившій себѣ опору противъ враговъ. Онъ первоначально даже не рѣшался распускать собора и, распустивши, немедленно замѣнялъ другимъ; и только уже съ половины своего царствованія сталъ поступать смѣлѣе, и созывать соборы лишь въ случаѣ надобности.

д) **Положеніе земщины по смерти царя Михаила Θеодоровича.** По смерти царя Михаила Θеодоровича созванъ былъ Земскій соборъ, по два выборныхъ отъ каждаго города, для избранія новаго царя, и всею землею избрали на царство сына покойнаго царя, царевича Алексѣя Михайловича, еще 16-лѣтняго юношу. Новое царствованіе по началу обѣщало прежній порядокъ, земщина надѣялась, что ея голосъ будетъ такъ же служить опорою сыну, какъ служилъ отцу; но надежды не оправдались, правительство уже считало себя довольно сильнымъ даже идти противъ голоса заявленнаго земскими людьми. Такъ, когда русскіе купцы въ 1646 году подали царю общую челобитную, чтобы въ оборону русскихъ торговыхъ людей государь запретилъ иноземцамъ торговать въ Москвѣ, и дозволилъ бы торговать имъ только въ корабельной пристани у города Архангельска,—то въ этомъ прошеніи торговымъ людямъ было отказано, и даже иноземцамъ отданы были на откупъ нѣкоторыя статьи торговли, такъ что русскіе купцы не могли продавать своихъ товаровъ никому мимо откупщиковъ иноземцовъ. Впрочемъ, соборы еще не совсѣмъ прекратились; въ 1648 году царь Алексѣй Михайловичъ, давши повелѣніе собрать всѣ узаконенія, изданныя послѣ Судебниковъ, исправивъ ихъ съ Судебниками, составить новую книгу законовъ для всего государства, съ тѣмъ вмѣстѣ приказалъ созвать и Земскій соборъ изъ выборныхъ отъ всѣхъ городовъ для слушанія новой книги законовъ; но этотъ соборъ не имѣлъ уже характера прежнихъ Земскихъ соборовъ, здѣсь у выборныхъ уже не требуютъ ни совѣтовъ, ни согласія на новые законы, а приказываютъ только выслушать и подписаться въ слушаніи и вѣдѣніи подъ новою книгою законовъ, названною Соборнымъ Уложеніемъ. И книга эта была читана выборнымъ отдѣльно въ Отвѣтной палатѣ, а не въ общемъ собраніи всего собора и не передъ царемъ, такъ что выборные, оставленные одни безъ поддержки другой половины собора, не могли дѣлать и возраженій; притомъ же къ нимъ былъ приставленъ отъ царя строгій предсѣдатель, бояринъ князь Юрій Алексѣевичъ Долгорукій.

Самое изданіе Соборнаго Уложенія 1648 года было роковымъ ударомъ для земщины, ибо въ цѣломъ Уложеніи нѣтъ ни одной статьи, которою бы юридически обезпечивалось значеніе земщины въ

государственныхъ дѣлахъ; мало этого, по Уложенію даже отмѣнено участіе общества въ дѣлахъ судебныхъ. Въ прежнее время по Судебникамъ на судѣ намѣстничьемъ непремѣнно должны были присутствовать выборные отъ общества старосты и цѣловальники съ своимъ земскимъ дьякомъ; по Уложенію же судъ предоставленъ рѣшительно однимъ воеводамъ и приказнымъ людямъ и сдѣлался болѣе или менѣе произвольнымъ съ множествомъ канцелярскихъ формъ, производившихъ путаницу. Даже вызовъ въ судъ, сперва много зависѣвшій отъ общества, по Уложенію сталъ вполнѣ зависѣть отъ воеводъ и приказныхъ людей, и общество потеряло по закону право голоса въ защиту своихъ членовъ. Словомъ сказать, съ изданіемъ Соборнаго Уложенія отмѣнено не только юридическое значеніе всей земщины цѣлой Россіи, но и значеніе мѣстныхъ земщинъ. Царь Алексѣй Михайловичъ, окруженный любимцами и временщиками, не только не думалъ опираться на голосъ земщины, но и постарался распорядиться такъ, чтобы этотъ голосъ и не доходилъ до него въ законной формѣ. По свидѣтельству англичанина Коллинса, бывшаго докторомъ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, царь по наговорамъ бояръ до того опуталъ общество полицейскимъ надзоромъ, что у него были шпіоны по всѣмъ угламъ, и ничего не дѣлалось и не говорилось ни на пирахъ, ни на сходбищахъ, ни на похоронахъ и свадьбахъ, чего бы не зналъ царь. И общество до того было забрано подъ опеку приказной администраціи, что знакомые, видя пьянаго валяющагося на улицѣ, среди жестокой зимы, не осмѣливались подать ему помощи, опасаясь, чтобы онъ не умеръ на ихъ рукахъ, и боясь подвергнуться слѣдствію и разнымъ поборамъ и волокитамъ. Впрочемъ, правительство, не смотря на явное стремленіе сдѣлать общество безгласнымъ, еще не могло окончательно отказаться отъ Земскихъ соборовъ, и вынужденное обстоятельствами, впрочемъ только въ началѣ царствованія Алексѣя Михайловича, два раза созывало выборныхъ отъ городовъ: въ 1-й разъ въ 1651 году по случаю продолжительнаго бунта сперва въ Новгородѣ, а потомъ во Псковѣ; и во 2-й разъ въ 1653 году по случаю присоединенія Малороссіи, изъ-за которой нужно было начинать войну съ Польшею; но оба соборы состояли только изъ служилыхъ людей отъ городовъ, а представителями жилецкихъ людей были одни выборные города Москвы; слѣдовательно здѣсь не было настоящаго голоса всей русской земщины. Соборъ 1653 года былъ послѣдній при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ; въ слѣдующіе затѣмъ 22 года царствованія этого государя соборовъ Земскихъ болѣе уже не созывали; царь во всѣхъ дѣлахъ распоряжался самъ, посовѣтовавшись только съ приближенными боярами.

Такимъ образомъ земщина, еще недавно вынесшая на своихъ

плечахъ Московское государство изъ пропасти междоусобій и безначалія, при сынѣ же перваго царя, своего избранника, очутилась въ такомъ беззащитномъ положеніи, въ какомъ она никогда не бывала въ прежнее время. Со времени Уложенія 1648 года за ней остались только всѣ тягости многочисленныхъ податей и повинностей и почти никакихъ правъ. Выборныя должности, оставшіяся за земщиною по Уложенію, хотя большею частію были старыя, но они уже не имѣли прежняго характера независимости отъ администраціи, и были слѣдующія: 1-я, самая важная, *губный староста*, единственный судья въ уѣздѣ по уголовнымъ дѣламъ, завѣдывавшій уголовнымъ судомъ, независимо отъ городского воеводы. Онъ же иногда по челобитью мѣстныхъ жителей управлялъ городомъ и уѣздомъ, и завѣдывалъ всѣми судными дѣлами, какъ воевода. Такимъ образомъ за должностію губнаго старосты болѣе нежели за какою другою оставалось земскаго значенія и въ царствованіе Алексѣя Михайловича эта еще одна должность продолжала пользоваться значительною самостоятельностію; но городъ могъ замѣнить царскаго воеводу выборнымъ губнымъ старостою только съ разрѣшенія самаго государя, и притомъ государь во всякое время могъ замѣнить губнаго старосту своимъ воеводою, не спрашиваясь мѣстной земщины, и также имѣлъ право прислать своего сыщика, которому подчинялся губный староста и по уголовнымъ дѣламъ. Губные старосты избирались всѣмъ народомъ и уѣздомъ изъ дворянъ, лучшіе люди и непремѣнно грамотные. Второю важною выборною должностію, еще остававшеюся за земщиною, была должность *земскихъ старостъ*, которые избирались изъ жилецкихъ людей и только жилецкими людьми. У земскихъ старостъ была своя Земская изба съ земскимъ дьякомъ, въ ней вмѣстѣ съ старостою засѣдали цѣловальники; но земскій староста и цѣловальники были уже подчинены воеводамъ и не имѣли прежняго самостоятельнаго значенія, кругъ ихъ дѣятельности ограничивался распоряженіями о выборѣ въ разныя должности по земству, надзоромъ за раскладкою податей и повинностей, сборомъ податей, нарядомъ на разныя службы и общественныя или казенныя работы, и разборомъ жалобъ между жилецкими людьми своей общины, и нѣкоторыми полицейскими обязанностями; но во всемъ этомъ земскій староста былъ главнымъ образомъ отвѣтственнымъ лицомъ передъ воеводою, который имѣлъ право взыскивать съ него за всѣ неисправности по дѣламъ земской службы, ибо передъ высшимъ правительствомъ за все отвѣчалъ воевода, которому мѣстная земщина была отдана въ полное распоряженіе. 3-я выборная должность была должность *таможеннаго головы*, впрочемъ при выборѣ въ эту должность мѣстная земщина участвовала только въ городахъ незначительныхъ, въ городахъ же большихъ

и торговыхъ таможенными головами были присланные изъ Москвы по выбору гостей, гостинной сотни и другихъ высшихъ сотенъ торговыхъ людей; мѣстная же земщина выбирала къ нимъ изъ своихъ лучшихъ людей только въ подголовья къ таможенному дѣлу и въ ларечные старосты, т.-е. въ казначеи при сборной казнѣ. Таможенный голова, присланный изъ Москвы, имѣлъ большое значеніе, ему иногда по государеву указу поручалось завѣдывать всѣми торговыми людьми города во всѣхъ дѣлахъ и торговымъ судомъ мимо воеводы и нисколько отъ него не завися; но все это дѣлалось не по выбору мѣстной земщины, и таможенный голова, присланный изъ Москвы, состоялъ не въ земской, а въ государевой службѣ и за успѣшность въ сборѣ торговыхъ пошлинъ и податей получалъ отъ государя помѣстья и другія награды; а посему заботился не столько о выгодахъ мѣстной земщины, для которой онъ былъ чужимъ, сколько о выгодахъ казны. Таможенные же головы, выбираемые мѣстною земщиною, вполнѣ зависѣли отъ городскаго воеводы, и въ случаѣ недоборовъ торговой пошлины противъ прежнихъ лѣтъ подвергались отвѣтственности вмѣстѣ съ земскими старостами и своими избирателями, воевода доправлялъ на нихъ всѣ недоборы съ значительными штрафами. 4-я выборная должность *кабацкіе головы*, т.-е. начальники сбора разныхъ пошлинъ съ мѣстной торговли виномъ, пивомъ и медомъ. Торговля виномъ, пивомъ и медомъ отдавалась или на откупъ съ торговъ, кто дороже дастъ, или поручалась мѣстной земщинѣ съ тѣмъ, чтобы она смотрѣла за этою торговлею и доставляла въ казну доходъ съ прибавкою противъ откупной суммы. А посему кабацкіе головы выбирались мѣстною земщиною только тогда, когда земщинѣ поручалось самой собирать кабацкіе доходы, и при семъ выборъ головъ производился за круговою порукою всей мѣстной земщины въ томъ, что кабацкіе головы строго будутъ смотрѣть, чтобы въ кабацкихъ доходахъ не было недобору, и чтобы никто не торговалъ виномъ и другими напитками безъ явки и безъ платежа установленныхъ пошлинъ. Кабацкій голова вполнѣ зависѣлъ отъ воеводы; воеводѣ обыкновенно присылалась грамота изъ приказа Новой четверти, чтобы онъ велѣлъ выбрать къ кабаку въ вѣрные головы и цѣловальники сколько человѣкъ пригоже, и взялъ по нихъ выборы выборныхъ людей (избирателей) за руками, привелъ ихъ къ государеву крестному цѣлованью, и велѣлъ на Кружечный дворъ, на кабакъ вино курить цѣловальникамъ и уговорщикамъ, уговариваясь въ приказѣ. А какъ вѣрнаго (за присягою) голову и цѣловальниковъ къ государеву крестному цѣлованію приведешь, и таможенныя пошлины и кабацкія деньги учнутъ сбирать на государя,—и ты бъ о томъ отписалъ и выборъ за руками и кабацкому всякому заводу

роспись прислалъ къ Москвѣ въ приказъ. 5-ю земскую выборную должность составляли *цѣловальники*, собственно выборные люди цѣловавшіе крестъ на занимаемую ими должность; это были помощники при губныхъ и земскихъ старостахъ и при таможенныхъ и кабацкихъ головахъ, вполнѣ имъ подчиненные и исполнявшіе ихъ приказанія, и въ то же время подвергавшіеся личной отвѣтственности вмѣстѣ съ своими старостами и головами въ случаѣ недобора или какой-нибудь неисправности. Они по Уложенію такъ же какъ головы или старосты выбирались съ посадовъ и съ уѣздовъ съ сохъ съ подмогою сошныхъ (платящихъ подать) людей; ибо должность цѣловальника отнимала его отъ своего дѣла и кромѣ хлопотъ ничего не доставляла, такъ что безъ мірской подмоги выборные люди не могли ее нести. Наконецъ, въ 6-хъ, къ выборнымъ должностямъ принадлежали должности *земскихъ дьячковъ* при Земскихъ избахъ и таможняхъ, тюремныхъ *сторожей* и *палачей*, которые также выбирались изъ посадскихъ и уѣздныхъ сошныхъ людей за мірскою подмогою, и какъ служители были въ подчиненіи у своихъ старостъ и головъ.

Всѣ сіи выборныя должности, за исключеніемъ развѣ должности губнаго старосты, которая пользовалась достаточною самостоятельностію и почетомъ, считались тягостію для земщины, и жилецкіе люди старались уклоняться отъ нихъ, какъ отъ самой тяжелой и убыточной земской повинности. Это была уже не прежняя земская служба съ своимъ почетомъ и правами и при томъ на пользу земщины, а напротивъ та же царская служба, которую несли и служилые люди, только безъ тѣхъ выгодъ и почета, которые доставляла служба не по выбору. Выборные только ждали себѣ раззоренія, царской опалы и отнятія имущества на государя въ случаѣ недоборовъ; а посему не столько заботились о выгодахъ избравшаго ихъ общества, сколько о томъ, чтобы самимъ не попасть въ бѣду и не лишиться собственнаго имущества. Да и дѣйствительно, ни они не имѣли средствъ защищать общественные интересы, ни общество не имѣло возможности защищать своихъ выборныхъ; ибо само было подавлено приказною администраціею, и только время отъ времени при удобномъ случаѣ заявляло правительству, что выборныя службы раззоряютъ его въ конецъ.

Но Уложеніе 1648 года, отнявшее у земщины всѣ законныя средства къ мѣстному самоуправленію и вполнѣ подчинившее ее приказной администраціи, не могло еще уничтожить того духа, который дѣйствовалъ въ ней въ недавнее время. Земщина еще хорошо помнила свое недавнее значеніе, и несмотря на угнетеніе не могла еще въ такое короткое время переродиться въ безгласную массу.

При томъ общины, на которыя была разбита земщина, оставались еще цѣлы и пользовались народною къ нимъ привязанностію, хотя администрація и сильно стѣснила ихъ, взваливши на нихъ отвѣтственность и за тѣхъ людей, которые уже выбыли. А посему еще оставалась хотя слабая возможность слагаться общественному голосу и заявлять его предъ правительствомъ и даже иногда съ настойчивостію, чѣмъ и не упускали пользоваться тѣ или другіе классы земщины и заявляли свои нужды предъ правительствомъ. Такъ до насъ дошла общая челобитная всѣхъ служилыхъ людей землевладѣльцевъ объ отмѣнѣ урочныхъ лѣтъ для вывоза бѣглыхъ крестьянъ на земли старыхъ владѣльцевъ. Потомъ мы уже упоминали объ общей челобитной всѣхъ торговыхъ людей Московскаго государства о томъ, чтобы иноземнымъ купцамъ дозволялось торговать только у корабельной пристани у города Архангельска. А когда на это челобитіе не послѣдовало рѣшенія, то торговые люди возобновили свое челобитіе въ 1649 году и добились того, что государь согласно съ челобитьемъ запретилъ иноземнымъ торговымъ людямъ не имѣющимъ особенныхъ грамотъ ѣздить и торговать въ Москвѣ и въ другихъ городахъ, а дозволилъ вести торговлю только въ Архангельскѣ на корабельной пристани, да и туда пріѣзжать временно, а отнюдь не оставаться тамъ для постоянной торговли. Далѣе въ 1653 году торговые люди подали государю общую челобитную, въ которой, жалуясь на множество вновь вводимыхъ пошлинъ при провозѣ и продажѣ товаровъ, просили всѣ ихъ отмѣнить и назначить одну рублевую пошлину, вездѣ ровно съ продажной цѣны, по чему какіе товары гдѣ кто станетъ продавать. И на эту челобитную послѣдовало царское рѣшеніе разныя мелкія по торговлѣ пошлины отмѣнить и вездѣ ввести одну рублевую пошлину при продажѣ по десяти денегъ съ рубля съ продажной цѣны. По этой же челобитной торговыхъ людей велѣно во всемъ государствѣ сдѣлать хлѣбныя мѣры ровныя, а также сажени и аршины одинакіе и вѣсы вездѣ равные жъ, противъ фунтовъ, и гири и безмѣны и контари, и терези и всякіе вѣски. Наконецъ въ 1667 году была еще подана общая челобитная торговыхъ людей объ оборонѣ отъ иноземныхъ купцовъ, при которой челобитной были поданы статьи или правила о порядкѣ торговли съ иноземцами, составленныя самими торговыми людьми и за ихъ руками, которыя статьи были приняты и утверждены государемъ и изданы отъ его имени подъ названіемъ новоторговаго устава. По этому уставу русскіе торговые люди получили почти полное самоуправленіе въ торговыхъ дѣлахъ чрезъ своихъ выборныхъ начальниковъ, или скорѣе чрезъ начальниковъ изъ купцовъ же по московскому выбору, присылаемыхъ государемъ изъ Москвы. Въ сущности присылаемые изъ Москвы вы-

борные начальники состояли не въ земской, а въ государевой службѣ; но для купцовъ важно было не состоять по торговымъ дѣламъ въ зависимости отъ городскихъ воеводъ. Новоторговый уставъ, писанный самими купцами, ясно показываетъ, что русское купечество въ XVII столѣтіи достаточно знало свои общіе интересы и на столько было еще крѣпко, что могло съ успѣхомъ защищать ихъ противъ приказной администраціи.

Но не таково было положеніе крестьянъ. Полное прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ владѣльцевъ по Уложенію и отмѣна урочныхъ лѣтъ произвели то, что крестьяне поступили въ полную зависимость къ землевладѣльцамъ, которая мало-по-малу развилась до того, что по указу отъ 13 октября 1675 года землевладѣльцы получили право записывать въ Помѣстномъ приказѣ поступныя на крестьянъ даже безъ земли, или иначе пріобрѣли право продавать крестьянъ безъ земли. Это новое право конечно еще не уничтожило личности крестьянъ, не сравняло ихъ съ полными холопами, рабами; крестьяне и теперь еще оставались членами русскаго общества, съ своимъ общиннымъ судомъ и управою, съ своими выборными старостами, которые по старому порядку не справлялись съ Уложеніемъ, даже участвовали на судѣ управителей назначаемыхъ землевладѣльцами. Но тѣмъ не менѣе права, пріобрѣтенныя землевладѣльцами надъ крестьянами, сильно поколебали значеніе крестьянскаго сословія. Крестьяне хотя еще не лишились права жаловаться на притѣсненіе и самоуправство землевладѣльца и судиться съ нимъ передъ установленными органами правительства, но судъ и особенно предъ продажными судьями не представлялъ крестьянину прежнихъ удобствъ перехода, а посему крестьяне по старой привычкѣ продолжали оставлять земли неугодныхъ владѣльцевъ и переходить къ другимъ. А какъ это съ полнымъ прикрѣпленіемъ сдѣлалось нарушеніемъ закона, то всѣ оставлявшіе одного владѣльца и переходившіе къ другому считались бѣглыми и преслѣдовались закономъ; слѣдовательно волей неволей должны были укрываться по лѣсамъ, оставлять свои промыслы, составлять шайки бродягъ и грабителей, и такимъ образомъ болѣе и болѣе затягиваться въ преступленія безъ надежды выйдти изъ своего противузаконнаго положенія. А масса бѣглыхъ и преслѣдуемыхъ закономъ тѣмъ самымъ ослабляла и раззоряла крестьянскія общины, которыя должны были по началу круговой поруки платить подати и нести всѣ общественныя тягости и за бѣглыхъ. Къ тому же присоединялось еще и то, что въ царствованіе Алексѣя Михайловича сильно была распространена раздача населенныхъ земель въ помѣстья и вотчины служилымъ людямъ, такъ что въ это время большая часть прежнихъ черныхъ или государственныхъ земель перешла въ руки

частныхъ владѣльцевъ, и слѣдовательно общины черносошныхъ крестьянъ сдѣлались слабѣе и малочисленнѣе; а на этихъ-то общинахъ, какъ болѣе самостоятельныхъ и независимыхъ, естественно и должно было опираться значеніе крестьянскаго сословія. Все это и къ тому же отсутствіе Земскихъ соборовъ и чрезмѣрное развитіе приказной администраціи, по Уложенію, поставило крестьянъ, какъ сословіе, въ самое невыгодное и загнанное положеніе, и на дѣлѣ, лишивши ихъ средствъ законнымъ порядкомъ защищать свои права и высказывать общественныя нужды своего сословія, вызвало ихъ на мѣры незаконныя и противуобщественныя. Угнетенные въ большинствѣ и со всѣхъ сторонъ преслѣдуемые крестьяне вмѣстѣ съ городскимъ пролетаріатомъ сдѣлались готовымъ матеріаломъ для мятежей и безпорядковъ; при помощи крестьянъ ничтожный по началу бунтъ Разина охватилъ быстро чуть не всю тогдашнюю Россію; тѣ же крестьяне и городской пролетаріатъ произвели бунты въ Новгородѣ, Псковѣ, Устюгѣ и другихъ городахъ; крестьяне же и городская чернь произвели нѣсколько мятежей въ Москвѣ. Вообще отсутствіе законной возможности заявлять о своихъ общественныхъ нуждахъ и отстаивать ихъ законнымъ порядкомъ произвело страшную деморализацію въ обществѣ крестьянъ и тѣмъ конечно сильно уронило ихъ земское значеніе; а съ тѣмъ вмѣстѣ и земщина въ цѣломъ своемъ составѣ потерпѣла такое ослабленіе и такъ раздѣлилась, что уже не могла отъ лица всей Русской земли подавать свой голосъ.

Не лучше положенія крестьянъ было положеніе и другаго важнаго класса земщины, — духовенства, особенно бѣлаго городскаго и сельскаго. Царь Алексѣй Михайловичъ еще съ первыхъ годовъ своего царствованія пересталъ приглашать въ свою думу духовныхъ властей, и свои важнѣйшіе указы посылалъ только съ совѣта бояръ; а по Уложенію 1648 г. узаконилъ судить архіереевъ, архимандритовъ, священниковъ и весь церковный чинъ во всякихъ исковыхъ дѣлахъ въ Монастырскомъ приказѣ, который состоялъ въ вѣдѣніи бояръ и вообще мірскихъ, а не духовныхъ судей. Мало этого, царь подчинилъ Монастырскому приказу и дѣла чисто духовныя или церковныя, такъ что и въ церковныя дѣла стали вмѣшиваться мѣстные мірскіе начальники и доносить по таковымъ дѣламъ Монастырскому приказу мимо церковныхъ властей. Такъ, мы имѣемъ царскую грамоту отъ 10 марта 1660 года, въ которой государь пишетъ Новгородскимъ воеводамъ о наблюденіи, чтобы христіане каждый постъ исповѣдывались и причащались, а приходскіе священники и діаконы во всѣ воскресные и праздничные дни, и въ среду и въ пятокъ каждой недѣли читали прихожанамъ въ церкви поученія о необходимости очищать себя покаяніемъ, и чтобы во всѣхъ церквахъ божественное пѣніе было

единогласно со страхомъ Божіимъ; „а будетъ кто своимъ жестокосердіемъ и закоснѣніемъ не обращателенъ будетъ, и сему государскому нашему повелѣнію явится ослушникъ, и таковымъ непокорнымъ имати у поповъ именные списки за руками и писать въ Монастырскій приказъ окольничему нашему и дьякамъ, и таковымъ ослушникамъ нашъ великаго государя указъ будетъ съ опалою безъ всякія пощады. А будетъ приходскихъ церквей попы и діаконы станутъ таковымъ ослушникамъ молчать и непокаявшихся укрывать, и приходскихъ церквей попамъ и дьяконамъ за то отъ насъ великаго государя быть въ великой опалѣ и пенѣ". При таковыхъ порядкахъ духовенство, поставленное въ большую и несоотвѣтственную зависимость отъ свѣтской мѣстной и центральной власти, и удаленное отъ царской думы, естественно, потеряло много своего прежняго земскаго значенія и волей неволей отошло на задній планъ и болѣе или менѣе стало зависѣть отъ приказной администраціи. Къ тому же на церковномъ соборѣ 1666 и 1667 годовъ приглашенные въ Москву греческіе патріархи отринули соборъ 1551 г. и признали его опредѣленія неправильными, между тѣмъ какъ сими опредѣленіями церковь и духовенство были поставлены въ самыя близкія отношенія къ русскому обществу; а съ отмѣною сихъ опредѣленій духовенство потеряло прежнюю связь съ земщиною, и съ тѣмъ вмѣстѣ земщина лишилась важнаго союзника.

Но главная причина паденія земщины при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ заключалась въ отдѣленіи интересовъ дворянства отъ интересовъ остальной земщины. Бояре, много и горячо боровшіеся за свои земскія права при царѣ Иванѣ Васильевичѣ, и дружно соединившіеся съ остальною земщиною во время междуцарствія, вѣроятно наскучивши сильнымъ участіемъ въ правленіи остальныхъ классовъ земщины при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, по смерти его перемѣнили свое поведеніе и нашли болѣе выгоднымъ и удобнымъ окончательно обратиться въ служилыхъ людей новаго государя и повелѣвать земщиною отъ царскаго имени. Дворянство тѣмъ охотнѣе спѣшило измѣнить своему земскому значенію, что царь Алексѣй Михайловичъ своимъ мягкимъ характеромъ, ласковостію и задушевностію своего обращенія съ приближенными всѣхъ привлекалъ къ себѣ и щедро награждалъ своихъ слугъ и раздавалъ имъ большія и богатыя недвижимыя имѣнія, такъ что для дворянъ ясно было, что выгоднѣе и безопаснѣе быть прямымъ слугою царя, его холопомъ, и отъ царскаго имени повелѣвать земщиною, чѣмъ быть первенствующимъ классомъ въ земщинѣ и руководить остальными классами несовсѣмъ податливыми и не всегда имѣвшими одни интересы съ дворянствомъ. И боярамъ и вообще дворянству тѣмъ смѣлѣе можно было дѣйство-

вать такъ, ибо и при измѣнѣ земщинѣ они по землевладѣнію оставались первенствующимъ классомъ земщины. Отдѣливши свои интересы отъ интересовъ другихъ классовъ и основавши свое значеніе на службѣ царю, дворяне, естественно, должны были какъ можно ближе примкнуть къ царскому двору и отдѣлить царя отъ земщины плотною стѣною администраціи. Дворяне такъ именно и поступили; они окружили молодого 16-лѣтняго царя лучшими людьми своего сословія, угоднѣйшими государю и готовыми безпрекословно исполнять всѣ его желанія. При чемъ они успѣли завести такой порядокъ при царскомъ дворѣ, что каждодневно съ ранняго утра всѣ бояре, окольничіе, думные и ближніе люди являлись къ царю и кланялись передъ нимъ въ землю, а когда царь принимался за разсужденія о дѣлахъ или вступалъ съ ними въ простой разговоръ, то всѣ стояли передъ нимъ; и таковый же пріѣздъ бояръ и ближнихъ людей каждодневно былъ послѣ вечерни. Чиновные же люди, но непричисленные къ царской думѣ,—стольники, дворяне, полковники, головы стрѣлецкіе и дьяки каждодневно утромъ и вечеромъ сходились къ дворцу и стояли на переднемъ крыльцѣ, пока ближніе и думные люди остаются у государя. Этикетъ, устроенный при дворѣ Алексѣя Михайловича, простирался до того, что никто изъ пріѣзжающихъ ко двору ежедневно не только не могъ отлучиться изъ Москвы ни на одинъ день безъ царскаго отпуска, но даже въ Москвѣ, ежели кому нужно было быть въ гостяхъ у сосѣда, то непремѣнно должно было спрашиваться у царя. При такомъ придворномъ этикетѣ естественно никому не было доступа до царя, кромѣ близкихъ людей, и близкіе люди всѣмъ заправляли и всѣмъ распоряжались почти безконтрольно. Тщетно царь ходилъ по тюрьмамъ, самъ распрашивалъ колодниковъ и заглядывалъ въ бумаги дьяковъ и другихъ приказныхъ людей; ему показывали только то, что было не опасно для администраторовъ и временщиковъ; тщетно выведенный изъ терпѣнія народъ съ шумомъ подходилъ къ дворцу требовать выдачи или удаленія того или другого временщика; ни выдача, ни удаленіе не помогали дѣлу, на мѣсто выданнаго или удаленнаго являлся другой жаднѣе, хитрѣе и безсовѣстнѣе прежняго. Царь нерѣдко во дворцѣ самъ разбиралъ частныя дѣла и разсматривалъ жалобы на мелкихъ администраторовъ, какъ это засвидѣтельствовано оффиціальными дворцовыми разрядами, но ему подавали дѣла и доводили до его свѣдѣнія жалобы только такія, которыя были занимательны, но которыя ничего важнаго не открывали, и легко могли быть рѣшены и не доводя до царя.

Администрація, отдѣлившая царя отъ народа, повидимому прочно утвердила свое владычество и въ конецъ подавила земщину; но на дѣлѣ вышло не совсѣмъ такъ, все держалось только довѣрчивымъ

характеромъ царя Алексѣя Михайловича; но преемникъ его молодой царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ, получившій болѣе прочное и серьезное воспитаніе, взглянулъ на дѣло иначе и все перемѣнилось. Онъ въ первые же дни по смерти отца показалъ, что желаетъ совѣщаться съ земщиною, знать ея нужды и отъ нея получать указанія, какъ помочь имъ. Съ этою цѣлію новый царь черезъ мѣсяцъ по кончинѣ Алексѣя Михайловича приказалъ созвать въ палату передъ бояръ выборныхъ людей отъ купцовъ для совѣта о томъ, какъ лучше устроить торгъ съ Персіянами; и устроилъ этотъ торгъ такъ, какъ указали купцы. Потомъ въ сорочины отца онъ далъ замѣчательный указъ, чтобы приведенныхъ въ Стрѣлецкій приказъ за драку и пьянство не наказывать батогами, а штрафовать деньгами. Далѣе царь созвалъ выборныхъ отъ купечества для совѣщаній объ устройствѣ торга съ Голландцами; и съ Голландцами заключенъ былъ торговый договоръ на тѣхъ условіяхъ, какихъ желали русскіе торговые люди. Въ 1678 году былъ созванъ совѣтъ изъ высшаго духовенства и бояръ для разсужденія какія принять мѣры для успѣшнѣйшаго веденія войны съ Турками. Въ 1681 году были собраны выборные отъ всѣхъ городовъ для разсужденія о лучшихъ средствахъ къ уравненію податей и службъ. Наконецъ, въ 1682 году были приглашены высшее духовенство, бояре, и выборные отъ всѣхъ служилыхъ людей для разсужденія о введеніи лучшаго порядка въ военной службѣ. На этомъ соборѣ по общему приговору было опредѣлено уничтожить мѣстничество и родовые счеты бояръ, много мѣшавшіе въ службѣ и уже отжившіе свой вѣкъ. Молодой государь предпринималъ много и другихъ реформъ къ поднятію общества; такъ въ первый же годъ своего царствованія онъ уничтожилъ ненавистный приказъ Тайныхъ дѣлъ, а въ предпослѣдній годъ предоставилъ самому обществу сборъ большей части податей и отстранилъ отъ этого дѣла воеводъ и приказныхъ людей. Судя по первымъ годамъ царствованія Ѳеодора Алексѣевича, при немъ русское общество значительно освободилось бы отъ опеки приказной администраціи; но, къ сожалѣнію, постоянно больной царь скончался едва процарствовавъ шесть лѣтъ.

По смерти Ѳеодора Алексѣевича во время малолѣтства его брата Петра Алексѣевича началось царство придворныхъ интригъ, женское управленіе, буйство стрѣльцовъ и мятежи раскольниковъ. Все это сильно потрясло еще не успѣвшее поправиться русское общество и довело его до такого положенія, до какого оно не доходило прежде, даже во время самозванщины. Вся жизнь народа какъ бы сосредоточилась въ Москвѣ и преимущественно около царскаго двора; области же пространной Русской земли, собственно тамошняя мѣстная земщина какъ бы замерла или заснула въ какомъ-то тревожномъ ожи-

даніи,—чѣмъ кончатся дѣла въ Москвѣ, какъ выяснится тотъ туманъ, который нависъ надъ Москвою. Наконецъ туманъ выяснился,—среди мятежей и заговоровъ настоящихъ и мнимыхъ восторжествовалъ 17 лѣтній царь Петръ, или скорѣе партія Нарышкниныхъ, его родственниковъ по матери, ибо царь по молодости еще не занимался дѣлами правленія. При Нарышкиныхъ управленіе шло старымъ порядкомъ царя Алексѣя Михайловича, и сильно хромало по неопытности Нарышкиныхъ, что и продолжалось до 1695 года.

е) **Положеніе государства и земщины въ эпоху Петровскихъ реформъ.** Земскаго собора не было ни при вступленіи на престолъ Петра Великаго, ни при началѣ принятія имъ дѣлъ правленія въ свои руки, ни во все его царствованіе; первоначально, конечно, мѣшали этому обстоятельства, а въ послѣдствіи онъ самъ не считалъ этого нужнымъ, да конечно и не находилъ этого возможнымъ при тѣхъ реформахъ, которыми онъ былъ постоянно занятъ. Ему хотѣлось устроить государство по своему идеалу; слѣдовательно тутъ нечего было спрашивать земщину, согласна ли она будетъ на это. Но тѣмъ не менѣе Петръ Великій, свѣтлымъ умомъ своимъ видя недостатки старой администраціи тяготѣвшей надъ обществомъ, первоначально былъ не прочь обратиться и къ обществу, по крайней мѣрѣ къ высшимъ его классамъ, къ дворянству и купечеству и поручить ихъ выборнымъ нѣкоторую долю мѣстнаго управленія. Съ этою цѣлію въ 1699 году отъ 30 января онъ издалъ указъ учредить Бурмистрскую Палату для вѣдомства всякихъ расправныхъ дѣлъ между гостями и посадскими людьми и для управленія въ городахъ казенными сборами и городскими повинностями; и такимъ образомъ передалъ управленіе городскими общинами по прежнему самимъ же общинамъ мимо воеводъ и приказовъ. Бурмистрская Палата не была подчинена ни одному приказу и сама составляла главное мѣсто управленія и суда между посадскими и торговыми людьми со всѣми правами приказа. Въ указѣ прямо сказано: „торговыхъ людей судомъ и всякими расправными дѣлами и всякими службами и поборами въ приказахъ не вѣдать, а вѣдать въ Бурмистрской Палатѣ бурмистрамъ, а бурмистровъ выбирать погодно самимъ торговымъ и промышленнымъ людямъ межъ себя, кому вѣрятъ; и одному изъ нихъ быть первымъ, или президентомъ, по очереди ежемѣсячно, и передать въ Бурмистрскую Палату изъ приказовъ всѣ окладныя книги и всѣ дѣла о торговыхъ и промышленныхъ людяхъ“. И въ тотъ же день былъ изданъ еще указъ объ учрежденіи по городамъ Земскихъ избъ для вѣдомства всякихъ расправныхъ дѣлъ между посадскими и торговыми людьми и въ волостяхъ между всякими промышленными людьми, и для управленія казенными съ нихъ сборами и земскими повинностями, и объ

исключенiи ихъ изъ вѣдомства воеводъ; „а въ земскихъ избахъ судить и вѣдать ихъ во всѣхъ дѣлахъ выборнымъ людямъ, кого они похотятъ“. Впрочемъ, по свидѣтельству самаго указа въ настоящемъ случаѣ Петръ Великiй поступилъ рѣшительно по образцу царя Ивана Васильевича, онъ предоставилъ самимъ общинамъ на ихъ волю, вѣдаться ли и судиться своими выборными людьми въ Земскихъ избахъ, или оставаться въ вѣдѣнiи воеводъ; но въ первомъ случаѣ они обязывались платить въ государеву казну двойной оброкъ, какъ прямо сказано въ указѣ: „а буде въ городѣхъ, гдѣ посадскiе и уѣздные купеческiе и промышленные люди, по сему указу, для всякихъ своихъ мiрскихъ и расправныхъ и челобитчиковыхъ дѣлъ, похотятъ у себя быть своимъ выборнымъ людямъ, и всякiе доходы, что они плачивали напередъ сего, платить въ казну противъ прежняго оклада вдвое“. Далѣе указомъ отъ 5-го октября того же года, по челобитью купцовъ, предписано во всѣхъ городахъ воеводамъ не вступаться въ торговыя дѣла, и ни для чего къ торговымъ людямъ не посылать и ихъ въ проѣздѣ не задерживать, а равнымъ образомъ не вмѣшиваться въ наемъ рабочихъ торговыми людьми, а всѣмъ этимъ завѣдывать выборнымъ бурмистрамъ. Наконецъ, чтобы дать болѣе средствъ къ распространенiю торговли, и до нѣкоторой степени децентрализировать управленiе торговыми и промышленными людьми, указомъ отъ 27 октября того же года торговымъ людямъ предоставлена свобода устраивать торговыя компанiи, а чтобы болѣе было порядку и надзора за мѣстными бурмистрами указано раздѣлить всѣ города на группы или провинцiи такъ, чтобы къ главному по торговлѣ городу въ томъ или другомъ краю приписать по удобству сосѣднiе города; и бурмистрамъ главныхъ городовъ велѣть бурмистровъ приписныхъ городовъ во всякихъ дѣлахъ вѣдать и въ сборахъ досматривать и по присланнымъ изъ Москвы изъ Бурмистрской Палаты указамъ сборные всякiе доходы и о всякихъ дѣлахъ вѣдомости, и бурмистровъ къ отчету съ книгами, и на нихъ выборы высылать главныхъ городовъ бурмистрамъ, чтобы изъ Москвы въ тѣ приписные города и уѣзды ни за чѣмъ не посылать“.

Преслѣдуя ту же цѣль поднятiя общества и ограниченiя мѣстной приказной администрацiи, Петръ Великiй указомъ отъ 10-го марта 1702 года повелѣлъ, чтобы при городскихъ воеводахъ по всѣмъ городамъ въ судѣ и управленiи участвовали выборные отъ дворянства. Въ указѣ сказано: „вѣдать всякiя дѣла съ воеводами дворянамъ, тѣхъ городовъ помѣщикамъ и вотчинникамъ, добрымъ и знатнымъ людямъ, по выбору тѣхъ же городовъ помѣщиковъ и вотчинниковъ; въ большихъ городахъ по четыре и по три человѣка, а въ малыхъ по два человѣка, а одному воеводѣ безъ нихъ дворянъ никакихъ дѣлъ не

вѣдать и указу по нихъ никакого не чинить". Но на этомъ указѣ и остановилось поднятіе значенія земщины при Петрѣ Великомъ; онъ показалъ заботу только о купечествѣ и дворянствѣ, и только на этихъ двухъ сословіяхъ думалъ основать твердость государства; на прочія же сословія не считалъ нужнымъ обратить вниманіе и даже значительно понизилъ общественное значеніе духовенства отмѣною патріаршества и закрытіемъ Патріаршаго Разряда, дѣла котораго указомъ отъ 16-го декабря 1700 года велѣно передать по принадлежности въ разные приказы. Впрочемъ и поднятіе земскаго значенія въ купечествѣ и дворянствѣ недолго пользовалось вниманіемъ Петра; консервативный характеръ земщины и выборныхъ земщиною правителей, естественно, не соотвѣтствовалъ замысламъ предпріимчиваго государя, стремившагося неудержимо къ разнымъ реформамъ; значительно поднятая земщина естественно по природѣ своей должна была тормозить приведеніе въ исполненіе разныхъ реформъ.

Уже съ 1705 года начались попытки подчинить выборныхъ бурмистровъ отъ купечества инспекторамъ назначеннымъ отъ государя; такъ въ наказныхъ статьяхъ отъ 9-го февраля сего года, данныхъ дьяку Курбатову съ товарищами, назначенными въ инспекторы надъ ратушею, инспекторамъ симъ дано право удалять выборныхъ бурмистровъ и назначать новые выборы. А еще прежде указомъ отъ 19 января того же года воеводамъ дано право самимъ выбирать себѣ товарищей изъ мѣстныхъ дворянъ. Потомъ указомъ отъ 18 декабря 1708 года для большаго подчиненія выборнаго земскаго начала приказному (по назначенію отъ государя или по приказу государеву) принята новая небывалая въ Россіи мѣра, раздѣленіе всего государства на губерніи, и на первый разъ учреждено восемь губерній по которымъ раздѣлены всѣ наличные города. Начальниками губерній назначены губернаторы, а въ городахъ по прежнему оставлены начальниками воеводы, во всемъ подчиненные губернаторамъ. Губернаторы мало-по-малу получили такую власть, что всѣ государевы указы по всѣмъ городамъ должны были посылаться губернаторамъ, и отъ нихъ уже разсылаться по городамъ; и такимъ образомъ губернаторы сдѣлались центральными правителями губерній, такъ что всѣ распоряженія по городамъ производились чрезъ нихъ, и всѣ отчеты и доношенія изъ городовъ шли къ нимъ, безъ различія,—были ли сіи отчеты и доношенія отъ воеводъ, или отъ бурмистровъ; а посему какъ приказное, такъ и выборное мѣстное управленіе подчинилось одинаково губернаторамъ. Къ тому же указомъ отъ 29 января 1712 года губернаторамъ до нѣкоторой степени подчинены стоящіе по губерніямъ армейскіе полки. Въ слѣдствіе таковаго распоряженія губернаторы пріобрѣли громадную силу надъ мѣстною земщиною, такъ

что всякое уклоненіе отъ губернаторскихъ приказаній влекло за собою принужденіе военною силою, губернаторъ имѣлъ право посылать военные отряды на ослушниковъ.

Но чрезмѣрное развитіе власти губернаторовъ вскорѣ оказалось неудобнымъ и повело къ разнымъ безпорядкамъ, такъ что губернаторы стали самовольно налагать подати; а посему правительство нашлось вынужденнымъ ввести новую мѣру для ограниченія губернаторской власти. Указомъ отъ 24 апрѣля 1713 года по всѣмъ губерніямъ велѣно учинить ландратовъ по выборамъ отъ всего дворянства губерніи, именно въ большихъ губерніяхъ по 12, въ среднихъ по 10, и въ меньшихъ по 8-ми, и симъ ландратамъ засѣдать вмѣстѣ съ губернаторомъ и дѣлать съ нимъ всѣ дѣла и подписывать, и чтобы губернаторъ былъ между своими ландратами только какъ бы президентомъ, а не властителемъ, и безъ нихъ ему никакихъ дѣлъ не дѣлать, а все чинить по большинству голосовъ, при чемъ губернатору на совѣтѣ предоставляется два голоса, а каждому ландрату по одному голосу. По тому же указу по всѣмъ губерніямъ учинены ландрихтеры, или земскіе судьи, нисколько независимые отъ губернаторовъ и непосредственно подчиненные Сенату, такъ что въ случаѣ преступленій губернатору предоставлялось только доносить на нихъ въ Сенатъ. Наконецъ указомъ отъ 28 января 1715 года ландраты, не переставая быть земскими совѣтниками при губернаторахъ, дѣлались самостоятельными правителями по городамъ и волостямъ. Въ указѣ сказано: „въ городахъ, гдѣ гарнизоновъ нѣтъ, не быть оберъ-комендантамъ и комендантамъ, а быть вмѣсто ихъ ландратамъ, по одному человѣку надъ каждою долею, въ которой по расположенію двороваго числа, 5536 дворовъ, или по скольку будетъ удобнѣе по разсмотрѣнію губернаторскому. А съ тѣми ландратами, для управленія всякихъ сборовъ и земскихъ дѣлъ, въ каждой доли быть комисарамъ по одному, подьячихъ по четыре и конныхъ разсыльщиковъ по 12 человѣкъ. А жалованья имъ положить съ дворовъ каждаго доли. Изъ ландратовъ всегда быть при губернаторѣ по два человѣка, съ перемѣною по мѣсяцу и по два, а безъ нихъ дѣло ихъ управлять комисарамъ. А при окончаніи года ландратамъ съѣзжаться къ губернаторамъ со всѣми управленія своего вѣдомостьми къ счету и для исправленія дѣлъ всѣмъ вмѣстѣ. И губернаторамъ ни для какихъ сборовъ и дѣлъ отъ себя никуда въ ландратское правленіе нарочныхъ не посылать. Посадскихъ людей во всѣхъ губерніяхъ ландратамъ ни въ чемъ не вѣдать, а вѣдать ихъ и управлять по прежнему выборнымъ бурмистрамъ съ вѣдома губернаторскаго. А въ искахъ своихъ посадскимъ людямъ на крестьянъ бить челомъ ландратамъ, а крестьянамъ на посадскихъ людей выборнымъ земскимъ бурмистрамъ. А буде кто

изъ ландратовъ и бурмистровъ нападками своими учинитъ обиду, или судъ неправый сдѣлаетъ, на того обиженному о судѣ бить челомъ губернатору". А надъ губернаторами и ландратами и ландрихтерами надзирали еще присылаемые государемъ фискалы, которые въ случаѣ безпорядковъ въ губерніи или ландратствѣ доносили въ Расправную Палату, гдѣ губернаторовъ, ландратовъ и ландрихтеровъ подвергали суду. Кромѣ того не было отнято право жалобы и у частныхъ лицъ.

Такимъ образомъ съ учрежденіемъ ландратовъ и ландрихтеровъ повидимому выборное земское управленіе было выдвинуто впередъ, и власть губернаторовъ сильно стѣснена выборнымъ земскимъ началомъ; видимо воротилось старое время для земщины, время совмѣстнаго управленія съ приказною администраціею. Но на дѣлѣ въ сущности это было далеко не такъ, ибо, во 1-хъ, выборное право осталось только за дворянами и купцами, а не за всѣми классами земщины, слѣдовательно въ земщину внесено гибельное начало раздѣленія на классы съ правами и классы безъ правъ; во 2-хъ, ландраты, ландрихтеры и бурмистры хотя и были выбираемы изъ земщины, но въ сущности они были чиновниками правительства, а не представителями земщины; они состояли не въ земской, а въ государевой службѣ, и были отвѣтственны передъ правительствомъ, а не передъ своимъ обществомъ; въ 3-хъ, по указу отъ 26 февраля 1714 года вся неисправность по сбору податей взыскивалась на губернаторахъ, вице-губернаторахъ и ландратахъ, и на ихъ имѣніе налагались большіе штрафы по гривнѣ съ недобраннаго рубля, и штрафы сіи строго запрещено раскладывать на губерніи, а взыскивались они съ пожитковъ губернатора или ландрата; слѣдовательно губернаторамъ и ландратамъ главная забота была въ томъ, чтобы не подпасть штрафу, объ интересахъ же земщины имъ не было надобности и думать.

Наконецъ въ 1719 году Петръ Великій приступилъ къ новому устройству центральныхъ вѣдомствъ администраціи, среднихъ между Сенатомъ и областнымъ управленіемъ, которыя у него названы коллегіями, и замѣнили до нѣкоторой степени прежніе приказы. Указомъ отъ 12 декабря 1718 года повелѣно съ 1719 года открыть коллегіи по шведскому образцу и для показанія иноземнаго порядка, какъ вести въ коллегіяхъ дѣла, въ прибавокъ къ русскимъ членамъ назначить въ коллегіи членовъ изъ иноземцевъ. Первоначально было учреждено девять коллегій; но въ 1721 году къ нимъ присоединена еще десятая коллегія подъ именемъ главнаго магистрата, которая должна была завѣдывать всѣмъ купечествомъ въ Русскомъ государствѣ, и состояла прямо подъ вѣдѣніемъ Сената. Въ этой новой коллегіи оберъ-президентъ и президентъ, какъ и въ прочихъ коллегіяхъ

назначались правительствомъ, а не по выбору отъ общества, и первымъ оберъ-президентомъ былъ назначенъ князь Трубецкой, а президентомъ купецъ Исаевъ.

Учрежденіе коллегій по шведскому образцу повлекло за собою новыя учрежденія и въ областномъ управленіи, такъ же принаровляясь къ шведскимъ порядкамъ. Еще по указу отъ 26 ноября 1718 года были назначены слѣдующіе новые чины по губерніямъ: ландъ-гевдингъ, оберъ-ландрихтеръ, ландъ-секретарь, бухгалтеръ или камериръ, земскій надзиратель сборовъ, ландъ-рентъ-мейстеръ, ландъ-фискалъ, ландъ-мессеръ, профоссъ, ландъ-комисаръ, ландъ-рихтеръ и ландъ-шрейберъ. Всѣ сіи новые чины съ иноземными названіями указывающими на земство вовсе не зависѣли отъ мѣстнаго общества, и были представителями разныхъ коллегій и состояли въ непосредственномъ ихъ вѣдѣніи, смотря по роду службы, и каждый изъ своей коллегіи получалъ указы и подавалъ туда отчеты, (которые по инструкціямъ были очень строги и разнообразны и требовали большой письменности и разныхъ формъ); и ни губернаторы, ни воеводы надъ сими чинами не имѣли власти и не вмѣшивались въ ихъ дѣла. А посему отъ сихъ новыхъ чиновъ земщина ничего не выиграла, а получила только новыхъ опекуновъ; ибо съ введеніемъ новаго устройства по областному управленію за губернаторами оказалась еще большая власть, губернаторъ и при новомъ порядкѣ по прежнему былъ хозяиномъ губерніи. По новой губернаторской инструкціи въ губерніи губернатору былъ порученъ прямой и непосредственный надзоръ, чтобы всѣ чины приставленные къ какимъ дѣламъ исполняли свою должность и заботились о государевыхъ интересахъ, а ежели кого замѣтитъ неисправнымъ, о томъ доносить его начальству. Новый порядокъ областнаго управленія потребовалъ и новаго раздѣленія областей; вслѣдствіе чего всѣ Русскія владѣнія указомъ отъ 29 мая 1719 года были раздѣлены на десять губерній и 47 провинцій, которыя распредѣлены между губерніями. По указу въ губерніи были назначены генералъ-губернаторы, а въ провинціи оберъ-коменданты и коменданты и воеводы; и во всѣ чины по губерніямъ, кромѣ губернаторовъ, комендантовъ и воеводъ, предписано коллегіямъ назначить своихъ людей, согласно съ инструкціями и регламентами каждой коллегіи. Такимъ образомъ почти все управленіе по областямъ, хотя и съ земскими названіями, перешло отъ выборныхъ людей къ чиновникамъ, назначаемымъ отъ правительства; и только при выборныхъ начальникахъ остались ремесленные и торговые люди по городамъ согласно съ регламентомъ главнаго магистрата, да еще крестьяне по волостямъ имѣли своихъ выборныхъ старостъ, но какъ городскіе выборные начальники, такъ и крестьянскіе старосты были

уже вполнѣ подчинены чиновникамъ, назначаемымъ отъ разныхъ коллегій и не имѣли голоса въ общей администраціи.

Впрочемъ, новый порядокъ управленія областями по шведскому образцу, введенный съ учрежденіемъ коллегій, скоро оказался неудобнымъ, чего и должно ожидать, какъ по поспѣшности реформы, которая не справлялась съ жизнію, такъ и по своеобразности этого порядка, далеко не подходящаго къ порядку русской общественной жизни. А посему уже въ 1722 году начались измѣненія новаго порядка: именно указомъ отъ 12-го марта сего года предписано всѣмъ судьямъ или ландъ-рихтерамъ оставить свои должности, а тѣ суды, которые были въ ихъ вѣдѣніи, передать въ провинціяхъ воеводамъ, а для скорѣйшаго исправленія судебныхъ дѣлъ въ каждую провинцію придать къ воеводѣ по два ассессора изъ отставныхъ офицеровъ или изъ дворянъ. А гдѣ въ провинціи города и уѣзды далеко отстоятъ отъ провинціальнаго города, въ такіе города предоставить воеводѣ по своему усмотрѣнію назначить особыхъ ассессоровъ по одному въ городъ и при нихъ двухъ или трехъ подъячихъ. Такимъ образомъ судъ по провинціямъ, городамъ и уѣздамъ опять возвратился въ руки воеводъ безъ всякаго контроля. Посему указомъ отъ 4-го апрѣля того же года „для смотрѣнія всякихъ дѣлъ въ губерніяхъ и провинціяхъ, чтобы во всякихъ дѣлахъ была правда, посылать каждый годъ изъ Сената членовъ по одному, да при немъ изъ каждой коллегіи по одному человѣку“. И отъ того же числа изданъ еще указъ, чтобы въ дальніе города отъ провинціальныхъ городовъ посылать вмѣсто ассессоровъ, назначаемыхъ воеводами, особыхъ судебныхъ комиссаровъ, которые впрочемъ должны состоять подъ командою воеводы, и имѣютъ право судить дѣла не выше 50 рублей.

Но обращеніе къ воеводскому суду и управленію не возвратило обществу или земщинѣ права голоса въ своихъ дѣлахъ предъ приказною администраціею, а, напротивъ, значеніе областнаго общества все падало ниже и ниже и вполнѣ подчинялось служителямъ администраціи, правительство рѣшительно не обращало вниманія на общество. Такъ, указомъ отъ 13 апрѣля 1722 г. сборъ податей и распоряженія по отправленію повинностей до сего времени, хотя въ первоначальной низшей инстанціи принадлежавшія выборнымъ земскимъ властямъ,—разнымъ старостамъ, окончательно отняты у общества, и всѣ выборные начальники, — таможенные головы, старосты ларечные и другіе настоящимъ указомъ отмѣнены и выборы ихъ запрещены; а у сборовъ большихъ главными командирами и въ товарищахъ велѣно назначать или отставныхъ офицеровъ, или дворянъ, а у меньшихъ сборовъ унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ солдатъ по назначенію военной коллегіи, а въ команду къ нимъ выбрать изъ магистрата

8*

изъ раскольниковъ и бородачей въ цѣловальники. Наконецъ, указомъ отъ 26 іюня 1724 года областное общество и даже частію администрація переданы подъ надзоръ полковникамъ тѣхъ войскъ, которыя расположены по уѣздамъ на вѣчныя квартиры. Имъ не только порученъ судъ надъ обывателями въ ихъ дѣлахъ съ солдатами, а также полиція, но даже смотрѣніе, чтобы губернаторы и воеводы не опустительно исправляли свою должность и чинили, какъ слѣдуетъ, по указамъ изъ Сената, коллегій и канцелярій; и въ случаѣ какихъ упущеній должны доносить въ тѣ мѣста, откуда будутъ присланы указы, а получивъ разрѣшеніе отъ тѣхъ мѣстъ, даже имѣли право дѣлать понужденія губернаторамъ и воеводамъ. Правда, между полковникомъ и земщиною былъ поставленъ какъ бы посредникомъ земскій комиссаръ, избираемый мѣстными дворянами, а гдѣ дворянъ нѣтъ—другими обывателями, и даже обязанный каждогодно въ декабрѣ мѣсяцѣ давать имъ отчетъ, для чего послѣдніе (дворяне или обыватели) должны были съѣзжаться къ этому времени на полковой дворъ, но на дѣлѣ главный командиръ и защитникъ и гроза комиссара былъ полковникъ, и угодившій ему комиссаръ и не думалъ о мѣстной земщинѣ.

Такимъ образомъ, Петръ Великій, начавши свои государственныя реформы значительнымъ допущеніемъ областной земщины къ дѣламъ мѣстной администраціи, и послѣ разныхъ измѣненій, постепенно клонившихся къ подавленію всякаго значенія земщины, покончилъ почти совершеннымъ отстраненіемъ земщины отъ дѣлъ мѣстнаго управленія и отдачею ея не только подъ строгую опеку приказной администраціи, но даже подъ надзоръ военному начальству, командующимъ армейскими полками, разставленными на вѣчныхъ квартирахъ по губерніямъ, такъ что въ послѣдній годъ царствованія Петра вся Россія по закону находилась какъ бы въ постоянномъ осадномъ положеніи у русской же арміи. Къ тому же къ большему ослабленію земщины при Петрѣ Великомъ образовалось раздѣленіе русскаго общества на сторонниковъ Петровскихъ реформъ и защитниковъ стараго допетровскаго порядка, и рѣзкое отдѣленіе такъ называемаго общества, одѣвшагося въ нѣмецкое платье и обрившаго бороду, отъ простонародья оставшагося съ дозволенія Петра, и частію противъ дозволенія въ старомъ предковскомъ костюмѣ.

ж) **Положеніе земщины и государства по смерти Петра Великаго до императрицы Екатерины II-й.** По смерти Петра Великаго, при его ближайшихъ преемникахъ въ продолженіе почти сорока лѣтъ, вяло тянулась та же исторія реформъ, все болѣе и болѣе уничтожавшая значеніе земщины. Сперва при Екатеринѣ I-й и Петрѣ II-мъ чувствовалось нѣкоторое вниманіе къ земщинѣ, и какъ бы подавалась надежда къ возвращенію нѣкоторыхъ правъ, утраченныхъ ею при Петрѣ

Великомъ. Такъ, указомъ отъ 24 февраля 1727 г. войска, стоявшія на вѣчныхъ квартирахъ по губерніямъ, сведены къ пограничнымъ городамъ и гдѣ содержаніе дешевле, запрещено посылать офицеровъ и разсылать солдатъ по уѣздамъ для сбора податей и произведенія экзекуцій; сборъ податей велѣно передать мѣстнымъ магистратамъ, а гдѣ магистраты этой обязанности на себя не примутъ, тамъ поручить ее самимъ посадскимъ людямъ, какъ было до Петровскихъ реформъ. Потомъ указомъ отъ 21 марта того же года учреждена комиссія, которой повелѣно созвать выборныхъ отъ всѣхъ чиновъ, чтобы разсмотрѣть состояніе всѣхъ городовъ и земель, и по разсужденіи ихъ состоянія такую подать положить, чтобы всѣмъ было сносно, и разсудить какъ удобнѣе и сходно съ народною пользою учинить сборъ податей,—подушнымъ ли разсчетомъ, какъ устроено Петромъ Великимъ, или съ двороваго числа, или съ тяголъ, или съ земли, какъ было до Петра, а также пріискать мѣры къ сокращенію государственныхъ расходовъ. Но само общество, раздѣленное на два враждебные лагеря,—защитниковъ Петровскихъ реформъ и приверженцевъ старины, на столько уже было разстроено и запутано въ мелкихъ интересахъ партій, что одними указами таковаго общества нельзя уже было подвинуть на общее земское дѣло, а нужно было прежде вновь перевоспитать его; и посему комиссія ничего не сдѣлала, по крайней мѣрѣ, мы не знаемъ никакихъ результатовъ ея дѣятельности. А чего можно было ожидать отъ тогдашняго русскаго общества, лучшимъ свидѣтельствомъ служатъ обстоятельства, сопровождавшія кончину Петра II-го и вступленіе на престолъ императрицы Анны Ивановны.

Несовершеннолѣтній императоръ Петръ II скончался не назначивъ себѣ наслѣдника, а твердаго закона о престолонаслѣдіи не существовало, и всѣ обстоятельства требовали того, чтобы обратиться къ народу, къ обществу и спросить его рѣшенія; но вмѣсто этого семь человѣкъ членовъ Верховнаго тайнаго Совѣта, князья Голицыны и Долгорукіе съ своими сторонниками, заправлявшіе государственными дѣлами въ послѣднее время, никого не спросясь, самовольно рѣшаютъ судьбу государства, приглашаютъ на престолъ вдовствующую герцогиню Курляндскую, дочь царя Ивана Алексѣевича (Петрова брата) Анну Ивановну, и навязываютъ ей чисто олигархическую конституцію, ими одними составленную и направленную только къ упроченію власти Верховнаго Совѣта, или скорѣе наличныхъ его членовъ и ихъ родственниковъ. По этой конституціи верховниковъ (такъ тогда звали членовъ Верховнаго Совѣта) во 1-хъ, императрица обязывалась управлять государствомъ не иначе, какъ по согласію съ Верховнымъ Совѣтомъ; во 2-хъ, безъ разрѣшенія Совѣта не начинать войны и не

заключать мира; въ 3-хъ, не налагать никакихъ податей и не жаловать въ знатные чины; въ 4-хъ, не наказывать смертію никого изъ дворянъ, не разсмотря прежде доказательно его преступленія; въ 5-хъ, не описывать на государя ничьего имѣнія; въ 6-хъ, не жаловать никому земель принадлежащихъ коронѣ и ни подъ какимъ видомъ не переводить ихъ въ стороннія руки и въ 7-хъ, не имѣть власти вступить въ супружество, ни избрать по себѣ наслѣдника, не истребовавъ напередъ на то согласія Верховнаго Совѣта. Таковая чисто олигархическая конституція естественно никому не нравилась, кромѣ малочисленной партіи верховниковъ, участвовавшей въ ея составленіи. Это очевидно чувствовала и сама сія партія. Верховники старались вести свое дѣло съ большою тайною и разставили какъ въ Москвѣ, такъ и на Курляндскихъ границахъ заставы, чтобы никого не пропускать съ вѣстями къ новоизбранной императрицѣ, жившей тогда въ Митавѣ. Но партія противная верховникамъ не дремала и успѣла увѣдомить императрицу, что конституція составленная верховниками никому не угодна, и что ее легко уничтожить и подписавши.

А между тѣмъ дворянство съѣхавшееся въ Москву сразу поняло все олигархическое значеніе конституціи верховниковъ, и прямо говорило, что князья Долгорукіе и ихъ родственники позаботились только о томъ, чтобы усилить себя, и что теперь всѣ большіе чины и важныя должности будутъ раздаваться только родственникамъ и креатурамъ верховниковъ; того же мнѣнія была и гвардія, состоявшая тогда почти изъ однихъ дворянъ. Толки и разговоры дворянъ о конституціи верховниковъ разрѣшились тайными съѣздами у князей Трубецкаго, Барятинскаго и Черкасскаго, на которыхъ въ отмѣну олигархической конституціи была составлена новая конституція въ интересахъ дворянства, какъ цѣлаго сословія, и, подписанная 390 дворянами въ видѣ мнѣнія, 15 февраля 1730 года вмѣстѣ съ другими мнѣніями была подана въ Верховный тайный Совѣтъ для разсмотрѣнія и соображенія, и тамъ была оставлена безъ движенія. Верховники съ своей стороны дали отвѣтъ, что всѣ поданныя мнѣнія будутъ разсмотрѣны самою императрицею, когда она будетъ въ Москвѣ.

Противники верховниковъ, получивъ такой уклончивый отвѣтъ, рѣшились ждать пріѣзда императрицы и когда она, подписавши Долгоруковскую конституцію въ Митавѣ, прибыла въ Москву и остановилась въ Всесвятскомъ дворцѣ, то князь Черкасскій, напередъ снесшись съ нею чрезъ свою супругу, явился въ сопровожденіи 300 дворянъ въ Всесвятское и, представившись императрицѣ въ присутствіи нарочно приглашеннаго для того Верховнаго тайнаго Совѣта, подалъ челобитную за подписаніемъ 300 дворянъ. Дворяне въ этой челобитной просили разсмотрѣть разныя мнѣнія о конституціи, по-

данныя въ Верховный Совѣтъ, для чего назначить по одному или по два человѣка отъ каждаго дворянскаго семейства, которые большинствомъ голосовъ изберутъ лучшую форму правленія. Императрица приняла челобитную и подписала свое согласіе собственною рукою. Затѣмъ дворяне просили себѣ новой аудіенціи и явились во дворецъ въ тотъ же день послѣ полудня. На этой новой аудіенціи они подали императрицѣ новую челобитную, въ которой просили принять самодержавіе, уничтожить подписанную конституцію верховниковъ и вмѣсто Верховнаго Совѣта и Высокаго Сената возстановить Правительствующій Сенатъ, какъ онъ былъ при Петрѣ Великомъ, и чтобы возстановленный Сенатъ состоялъ постоянно изъ 21 члена, убылыя мѣста которыхъ, равно какъ и губернаторскія мѣста въ губерніяхъ и президентскія въ коллегіяхъ замѣщать людьми избираемыми дворянствомъ по жребію. Выслушавъ эту челобитную дворянъ, императрица приказала канцлеру принести конституцію верховниковъ и другія относящіяся сюда бумаги, и передъ всѣми изорвала ихъ. Затѣмъ 28 февраля 1730 года былъ изданъ манифестъ о принятіи императрицею самодержавія и по всѣмъ губерніямъ разосланы сенатскіе указы объ отобраніи присягъ по формѣ составленной Верховнымъ Совѣтомъ и объ учиненіи новой присяги по формѣ разосланной при сенатскихъ указахъ. А 4 марта былъ изданъ манифестъ объ уничтоженіи Верховнаго тайнаго Совѣта и возстановленіи Правительствующаго Сената, какъ онъ былъ при Петрѣ Великомъ.

Такимъ образомъ олигархическая конституція князей Долгорукихъ и Голицыныхъ пала не просуществовавъ и полнаго мѣсяца; но незавиднѣе была участь и сословной дворянской конституціи, составленной на дворянскихъ съѣздахъ у князей Трубецкаго, Барятинскаго и Черкасскаго; сія послѣдняя просто оказалась мертворожденною, ее не понадобилось даже отмѣнять или уничтожать. Дворянская партія Барятинскаго, Черкасскаго и другихъ далеко не выражала желаній всего дворянскаго сословія, и кажется не имѣла нужнаго единодушія; и не надѣясь поддержки не только отъ прочихъ сословій, но даже и отъ всего дворянскаго сословія, дѣйствовала въ проведеніи своей конституціи вяло и съ крайнею неувѣренностію въ успѣхѣ. Она въ первой своей челобитной просила соизволенія императрицы назначить выборныхъ отъ дворянъ, чтобы избрать лучшую форму правленія; а во второй челобитной, поданной въ тотъ же день, уже просила императрицу принять самодержавіе, уничтожить Верховный Совѣтъ и возстановить Петровскій Правительствующій Сенатъ, и относительно обезпеченія дворянскихъ привилегій ограничилась только тѣмъ, чтобы въ сенаторы, губернаторы и президенты коллегій назначать по выбору отъ дворянства. Императрица, подписавши свое

согласіе подъ первою челобитною, по выслушаніи второй ясно поняла съ кѣмъ имѣетъ дѣло, и поспѣшила удовлетворить просителей относительно принятія самодержавія и уничтоженія Верховнаго Совѣта, третій же пунктъ исполнила по своему,—возстановила Сенатъ въ Петровскомъ значеніи, но въ сенаторы назначила не по выбору дворянства, а по собственному усмотрѣнію, разумѣется на первый разъ почтивъ сенаторскимъ званіемъ нѣкоторыхъ предводителей дворянской партіи и тѣмъ заставивши ихъ молчать о своей конституціи.

Послѣ такого сочиненія и уничтоженія двухъ конституцій нечего было и думать о какомъ либо значеніи земщины и объ участіи ея въ дѣлахъ правленія; Петровскимъ реформамъ, нѣсколько ослабленнымъ при Екатеринѣ I-й и Петрѣ II-мъ, теперь былъ данъ полный просторъ. Впрочемъ императрица Анна въ первые дни своего правленія показывала видъ, что хочетъ обращаться къ обществу и совѣщаться съ нимъ о важнѣйшихъ государственныхъ дѣлахъ, какъ это показываетъ указъ отъ 1-го іюня 1730 года, которымъ требовалось, чтобы Сенатъ для сочиненія новаго Уложенія по своему усмотрѣнію выбралъ депутатовъ отъ дворянства, купечества и духовенства. Но лишь только стали съѣзжаться вызванные изъ разныхъ губерній депутаты отъ дворянства, какъ немедленно правительство отмѣнило свое распоряженіе, и указомъ отъ 10 декабря того же года высланные изъ разныхъ губерній депутаты отъ дворянства отосланы назадъ на мѣсто жительства и новыхъ присылать не приказано, и въ слѣдъ за тѣмъ начала рости приказная администрація по Петровскимъ формамъ. Еще въ 1730 и 1731 годахъ возстановлены всѣ коллегіи, ландраты и ландрихтеры Петровскихъ формъ, и опять разставлены по губерніямъ армейскіе полки на вѣчныя квартиры и въ ихъ вѣдѣніе перешелъ сборъ податей и прежняя военная опека съ экзекуціями, для чего указомъ отъ 4 сентября 1730 года предписано строить при городахъ полковыя квартиры по утвержденному рисунку. Въ 1732 году изданъ указъ о непремѣнной подачѣ въ Камеръ-коллегію полугодичныхъ вѣдомостей о подушномъ сборѣ и недоимкахъ; а потомъ еще указомъ того же года предписано подавать годичныя вѣдомости о подушномъ сборѣ и ни въ какомъ случаѣ не слагать доимокъ безъ императорскаго указа; и въ 1733 году указомъ отъ 3-го января изданы особыя строгія правила о продажѣ отписныхъ въ Канцелярію конфискаціи за доимки дворовъ и лавокъ. Отъ 5-го мая того же года былъ изданъ указъ, по которому неисправные плательщики за доимки должны были отсылаться въ работу, ежели за продажей ихъ имущества доимка не будетъ сполна уплачена; потомъ указомъ отъ 24-го того же мая мѣсяца учрежденъ Доимочный приказъ, который долженъ былъ по особой инструкціи строго смотрѣть за сборомъ доимокъ съ 1719 года во

всемъ государствѣ, и каждомѣсячно доносить императрицѣ о своихъ дѣйствіяхъ. Наконецъ указомъ отъ 11-го іюня 1734 года за опущеніе и послабленіе по взысканію доимокъ съ губернаторовъ, воеводъ и другихъ областныхъ начальниковъ предписано взыскивать штрафъ по десяти копѣекъ съ доимочнаго рубля. При помощи сихъ и подобныхъ мѣръ правительство достигло своей цѣли относительно сбора податей; при строгой отчетности и множествѣ надзирателей подъ личною и имущественною отвѣтственностью сборъ этотъ производился исправно и казенный интересъ охранялся строго. Но за то земщина, общество, не имѣла уже никакого значенія и голоса, и никакихъ органовъ для заявленія своихъ нуждъ; а о какой нибудь значительной службѣ по выбору не было и помину, выборные только назначались въ должности какихъ нибудь ларечныхъ старостъ, цѣловальниковъ при сборѣ разныхъ податей, цѣновщиковъ при аукціонныхъ продажахъ, въ старосты при клеймeніи золотыхъ и серебряныхъ вещей въ пробирной палаткѣ, въ члены магистратовъ и бурмистры ратушъ, которыя уже низко упали въ своемъ значеніи.

Царствованіе императрицы Елисаветы Петровны, въ отношеніи къ значенію земщины ничѣмъ не отличалось отъ царствованія Анны Ивановны. Возведенная на престолъ при помощи гвардейскихъ солдатъ и немногихъ приверженцевъ, императрица Елисавета свою опору находила въ войскѣ, въ придворныхъ ея окружавшихъ и въ такъ называемомъ высшемъ обществѣ, совершенно отдѣлившемся отъ народа и ждавшемъ всего отъ службы правительству и отъ разныхъ привилегій. Императрица Елисавета, дочь Петра Великаго, при самомъ вступленіи на престолъ объявила, что она будетъ царствовать въ духѣ своего покойнаго родителя, и дѣйствительно въ продолженіе всего своего царствованія шла по слѣдамъ его и своей предшественницы императрицы Анны относительно развитія правительственной администраціи и стѣсненія правъ народа. Она не издала ни одного указа сколько нибудь способствовавшаго развитію выборнаго начала и самоуправленія мѣстной земщины. При императрицѣ Елисаветѣ сборъ податей и особенно недоимокъ съ разореннаго и стѣсненнаго въ промыслахъ народа доходилъ до крайнихъ предѣловъ строгости. Новые указы по сему предмету ничуть не уступали Бироновскимъ предшествовавшаго времени; хотя лица дѣйствовавшія на этомъ поприщѣ измѣнились и измѣнялись, но манера и порядки большею частію оставались прежніе: такъ напримѣръ указомъ отъ 31 августа 1742 года губернаторы, воеводы и офицеры-сборщики за невысылку въ срокъ полнаго числа податей по окладу сажались подъ арестъ, и заковывались въ кандалы, для чего разсылались по городамъ гвардейскіе солдаты; и такимъ образомъ губернаторамъ и воеводамъ пре-

доставлена была полная воля собирать подати всѣми возможными средствами, мучить несчастныхъ плательщиковъ на правежахъ и тащить со двора послѣднюю корову.

Но свидѣтельство полнаго паденія земщины въ Россіи и совершенной ея безгласности подъ гнетомъ приказной администраціи представляетъ инструкція всеобщей ревизіи 1742 года. Эта ревизія, такъ называемая вторая, ломаетъ всѣ права бѣдныхъ людей, непопавшихъ въ такъ называемое высшее общество, уничтожаетъ ихъ гражданскую личность и отдаетъ въ крѣпость или государству или частному лицу. По этой ревизіи каждый долженъ быть записанъ: служилый въ службу за государствомъ, податный въ подушный окладъ гдѣ-либо и за кѣмъ-нибудь, ремесленники и торговцы въ цехъ или посадъ, прочіе за помѣщиковъ, или при фабрикахъ и заводахъ, или за кѣмъ бы то ни было, только бы кто обезпечилъ за записавшагося за нимъ въ крѣпость платежъ податей; а кто не запишется, того, ежели онъ годенъ, писать въ солдаты, а негоднаго къ военной службѣ, и кого никто не взялъ въ крѣпость изъ платежа податей ссылать на поселеніе въ Оренбургъ или въ работу на казенные заводы. При таковомъ всеобщемъ закрѣпощеніи о выборномъ началѣ и о самоуправленіи въ земщинѣ нечего уже было и спрашивать. Народъ, выданный отдѣлившимся отъ него высшимъ обществомъ на жертву администраціи, и отданный администраціею въ крѣпость высшему обществу, потерялъ всякую законную возможность заявлять о своихъ нуждахъ и оборонять свои права законнымъ порядкомъ; ему оставалось одно изъ двухъ, или бѣжать за границу въ сосѣднія государства, или спасая свою свободу и личность, волей неволей обращаться въ бѣглыхъ и бродягъ, и чтобы не умереть съ голоду, — промышлять воровствомъ, грабежомъ и разбоемъ, что все дѣйствительно и было въ огромныхъ размѣрахъ въ то время. Русскіе люди, чтобы избавиться отъ закрѣпощенія, толпами переселялись въ Польшу, Крымъ и Турцію, и всѣ средства предпринимаемыя правительствомъ, чтобы остановить таковые побѣги, оказывались недѣйствительными; а между тѣмъ внутри государства разбои доходили до того, что безъ конвоя нельзя было ѣздить по дорогамъ, и даже одинъ разъ сама Москва была какъ бы осаждена нѣсколькими шайками разбойниковъ, а въ Петербургѣ то и дѣло оказывалось нужнымъ усиливать караулы. Такимъ образомъ, приказная администрація, въ своемъ развитіи дошедшая до крайнихъ предѣловъ и въ конецъ подавившая земщину, сама очутилась безпомощною и несостоятельною, такъ что уже не могла идти далѣе по тому же пути, по которому шла до сихъ поръ. Ей оставалось одно изъ двухъ,— или начать явную войну съ недовольными, или перемѣнить направ-

леніе; но смерть императрицы Елисаветы Петровны вывела ее изъ этого затрудненія.

з) **Реформы императрицы Екатерины II-й и послѣдующее время.** Императрица Екатерина II хотя не могла отрѣшиться отъ преданій своихъ предшественниковъ, но по своему великому уму скоро постигла, — какимъ насущнымъ нуждамъ прежде всего нужно удовлетворить, чтобы сколько-нибудь привести въ порядокъ ту путаницу въ дѣлахъ, которая скопилась въ предшествовавшія царствованія. Она сначала старалась успокоить народъ разными снисхожденіями и отмѣною административныхъ стѣсненій: напримѣръ пониженіемъ цѣны на соль, возвращеніемъ имѣній, отобранныхъ у монастырей Петромъ III-мъ, дозволеніемъ свободной торговли полотнами и отмѣною казенныхъ браковщиковъ въ этой промышленности, уничтоженіемъ Тайной канцеляріи, учрежденіемъ особой комиссіи для приведенія въ лучшій порядокъ русской торговли, чтобы для нея не было стѣсненій и подоб. Но видя недостаточность всѣхъ такихъ мѣръ, рѣшилась наконецъ обратиться къ мѣрѣ, давно забытой Петербургскимъ правительствомъ, — къ совѣщанію съ народомъ чрезъ его выборныхъ депутатовъ.

Отъ 14 декабря 1767 года императрица Екатерина II издала указъ объ учрежденіи въ Москвѣ Комиссіи для сочиненія проэкта новаго Уложенія, которымъ указомъ предписывалось къ этому важному дѣлу собрать депутатовъ со всего государства, которые бы представили свои соображенія, каждый по своей части и по своей мѣстности, и прежде всего выбрать и прислать депутатовъ отъ Сената, Синода, всѣхъ коллегій и высшихъ канцелярій; потомъ выбрать и прислать депутатовъ отъ городовъ и разныхъ сословій. Именно отъ каждаго уѣзда, гдѣ есть дворянство, по одному депутату, отъ каждаго города по одному депутату изъ горожанъ, отъ однодворцевъ каждой провинціи по одному депутату, отъ пахотныхъ солдатъ и разныхъ службъ служилыхъ людей, содержащихъ ландъ-милицію, по одному депутату, отъ государственныхъ черносошныхъ и ясачныхъ крестьянъ по депутату съ каждой провинціи, отъ некочующихъ разныхъ народовъ, отъ каждаго народа съ каждой провинціи по одному депутату, отъ казацкихъ войскъ и войска Запорожскаго, сколько потребно будетъ по ихъ положенію. А въ депутаты выбирать не моложе двадцати пяти лѣтъ отъ роду. Симъ же указомъ предписанъ порядокъ выборовъ по этому порядку: „дворяне каждаго уѣзда сперва должны выбрать на два года предводителя дворянства своего уѣзда, и потомъ подъ его руководствомъ выбрать депутата для отправленія въ комиссію сочиненія проэкта новаго Уложенія и дать ему отъ дворянства наказъ для заявленія о мѣстныхъ нуждахъ

дворянства. Такъ же жители или горожане каждаго города должны сперва выбрать на два года городскаго голову, и потомъ подъ его руководствомъ выбрать депутата въ Комиссію и дать ему наказъ о мѣстныхъ нуждахъ гражданъ“. А для выбора депутатовъ отъ однодворцевъ и крестьянъ назначенъ такой порядокъ: „жители каждаго селенія или погоста сперва должны выбрать повѣреннаго отъ погоста, потомъ повѣренные отъ погостовъ должны ѣхать въ уѣздный городъ и подъ руководствомъ начальника уѣзда избрать изъ своей среды уѣзднаго повѣреннаго; затѣмъ уѣздные повѣренные должны ѣхать въ провинціальный городъ и тамъ подъ руководствомъ начальника провинціи избрать изъ своей среды провинціальнаго депутата въ Комиссію, и дать ему наказъ о мѣстныхъ нуждахъ и недостаткахъ“.

Этотъ указъ о выборѣ депутатовъ сразу ввелъ новое или скорѣе возобновилъ старое начало въ управленіи земствомъ, собралъ къ опредѣленнымъ центрамъ и организовалъ эту разсыпанную храмину, доведенную предшествовавшими реформами до безобразной массы, преданной въ жертву приказной администраціи и лишенной общественныхъ органовъ. Онъ, какъ уже видно изъ представленнаго выше изложенія, не ограничился порядкомъ выбора депутатовъ, но впереди этого выбора поставилъ выборъ земскихъ начальниковъ по сословіямъ; именно для дворянъ уѣздныхъ предводителей дворянства и для горожанъ городскихъ головъ, для сельскихъ же жителей однодворцевъ и государственныхъ крестьянъ не назначилъ особыхъ выборныхъ начальниковъ, очевидно потому, что предшествующія реформы, какъ мы уже и видѣли, еще не коснулись стараго порядка самоуправленія въ сельскихъ общинахъ. Указъ отъ 14 декабря 1766 года, какъ кажется, былъ принятъ земствомъ съ полною довѣренностію и готовностію исполнить, давно желанную народомъ, волю императрицы: губерніи, провинціи и города къ назначенному сроку выслали въ Москву своихъ депутатовъ съ подробными наказами о мѣстныхъ нуждахъ и недостаткахъ, и даже съ указаніемъ средствъ, какъ удовлетворить нуждамъ и исправить недостатки. Но въ день самаго открытія Комиссіи 30 іюля 1767 года по указу императрицы она была раздѣлена на частныя комиссіи, по пяти членовъ въ каждую, которыя комиссіи и должны были заняться разсмотрѣніемъ одного какого-либо отдѣла законодательства, напримѣръ о вотчинахъ, о торговлѣ и проч. Прочіе же члены большинство составляли общее собраніе, въ которое вносились на разсужденіе проэкты изъ частныхъ комиссій. Это общее собраніе, проживши въ Москвѣ годъ и пять мѣсяцевъ, указомъ отъ 29 декабря 1768 года было распущено по домамъ, впредь до востребованія; а дѣлами поручено заниматься частнымъ комиссіямъ, которыя не кончили своихъ порученій въ про-

долженіе всего царствованія Екатерины II-й и при императорѣ Павлѣ I-мъ указомъ отъ 30 декабря 1796 года переменованы въ Комиссію для составленія законовъ. Такимъ образомъ Комиссія сочиненія проэкта новаго Уложенія не достигла того, для чего она была собрана.

Тѣмъ не менѣе Комиссія сочиненія проэкта новаго Уложенія принесла великую пользу; съ одной стороны тѣмъ, что правительство отъ выборныхъ земствомъ людей узнало мѣстныя нужды и недостатки разныхъ областей, а съ другой стороны тѣмъ, что проэкты законовъ по разнымъ частямъ законодательства, составленные частными комиссіями, дали правительству надежныя средства для разныхъ необходимыхъ реформъ, которыми императрица Екатерина II-я и успѣла воспользоваться, и которыми земское и выборное начало опять было призвано къ участію въ дѣлахъ мѣстнаго управленія областями. Вообще нельзя отрицать, что труды Комиссіи проэкта, или скорѣе труды частныхъ комиссій положили основаніе тѣмъ важнымъ реформамъ, которыя слѣдовали постоянно въ продолженіе царствованія Екатерины II-й и до нѣкоторой степени выдвинули земское или выборное начало или по крайней мѣрѣ напомнили о немъ.

Радикальныя реформы въ областномъ управленіи выдвинувшія земское начало начались съ изданія учрежденія для управленія губерній Всероссійской имперіи, послѣдовавшаго 7 ноября 1775 года, и о которомъ заподлинно извѣстно, что проэктъ его составленъ одною частною комиссіею общей Комиссіи проэкта новаго Уложенія. Симъ важнымъ узаконеніемъ за одинъ разъ уничтожены всѣ областныя учрежденія Петра Великаго и его ближайшихъ преемниковъ и загнанная въ предшествовавшее время земщина призвана къ участію въ дѣлахъ мѣстнаго управленія чрезъ своихъ выборныхъ отъ сословій. Затѣмъ то же подтвержено уставомъ благочинія, изданнымъ 8 апрѣля 1782 года и далѣе жалованною грамотою Россійскому дворянству и городовымъ положеніемъ, изданными 21 апрѣля 1785 года. Сими узаконеніями вызвана масса выборныхъ людей отъ сословій, долженствовавшая принять дѣятельное участіе почти по всѣмъ частямъ суда и управленія по областямъ. Таковы были, во 1-хъ, предводители дворянства, избираемые мѣстнымъ дворянствомъ изъ своей среды чрезъ каждые три года; во 2-хъ, градскіе головы, избираемые горожанами изъ своей среды также чрезъ каждые три года; въ 3-хъ, засѣдатели отъ дворянства въ верхнемъ Земскомъ судѣ, въ Уѣздномъ судѣ, и въ нижнемъ Земскомъ судѣ, также избираемые дворянами чрезъ каждые три года; въ 4-хъ, уѣздный судья и земскій исправникъ избираемые мѣстнымъ дворянствомъ чрезъ каждые три года; въ 5-хъ, избираемые горожанами также чрезъ каждые три года:

бургомистры и ратманы въ магистраты, старосты и судьи Словеснаго суда, засѣдатели губернскаго магистрата и Совѣстнаго суда, частные приставы и квартальные надзиратели, и въ 6-хъ, отъ сельскихъ обществъ засѣдатели верхней и нижней Расправы. Такимъ образомъ всѣ сословія, кромѣ духовенства, были призваны на основаніи выборнаго начала къ дѣламъ мѣстнаго суда и управленія. А кромѣ того на основаніи жалованной грамоты дворянству и городоваго положенія, дворянскія и городскія собранія, какъ закономъ утвержденные органы дворянъ и горожанъ, получили право собираться чрезъ каждые три года, какъ для выбора лицъ на замѣщеніе должностей по выборной службѣ, такъ и для разсужденій о мѣстныхъ нуждахъ своего сословія, съ правомъ заявленія о сихъ нуждахъ губернатору, а въ случаѣ надобности Сенату и даже государю, и даже съ правомъ имѣть сборныя суммы своего сословія и распоряжаться ими для общихъ нуждъ по своему усмотрѣнію.

Но все это, дѣйствительно вызвавшее къ общественной дѣятельности забытую земщину и повидимому высоко поставившее ее въ средѣ мѣстнаго суда и управленія, далеко не возстановило древнихъ правъ земщины, которыми она пользовалась даже въ XVI и первой половинѣ XVII столѣтія, и не возвратило прежняго ея значенія. Земщина, по Екатерининскимъ указаніямъ разбитая на сословія, съ сословными интересами нерѣдко противорѣчащими другъ другу и по закону лишенная всѣхъ средствъ дѣйствовать дружно и за одно отъ всѣхъ сословій, была уже не прежняя земщина, имѣвшая общіе для всѣхъ сословій интересы и подававшая царю общія челобитныя отъ всѣхъ жителей данной мѣстности и даже имѣвшая право требовать отмѣны мѣстныхъ властей назначенныхъ правительствомъ. Новая земщина ничего этого не имѣла, она даже была лишена законныхъ органовъ, при посредствѣ которыхъ сословія могли бы соединяться и сноситься другъ съ другомъ; ибо по новому закону дворянское и городское собранія были совершенно отдѣлены другъ отъ друга, не имѣли права сноситься для общихъ дѣйствій и состояли подъ прямымъ надзоромъ губернаторовъ назначаемыхъ правительствомъ, такъ что ни то, ни другое собраніе безъ губернаторскаго разрѣшенія не могли открывать своихъ собраній, которыя къ тому же были очень кратковременны и возобновлялись одинъ разъ въ три года. Да и кромѣ административныхъ путъ наложенныхъ закономъ на общественную дѣятельность земщины, въ самой жизни на практикѣ, въ слѣдствіе всѣхъ предшествовавшихъ реформъ, начиная съ Петра Великаго, общество современное Екатеринѣ II-й такъ было разъединено, что и при желаніи со стороны правительства мудрено было и думать о его соединеніи и сплоченіи въ одну цѣльную земщину; не только интересы

одного сословія не сходились съ интересами другого, но и въ самыхъ сословіяхъ была рознь, общество еще далеко не все примирилось съ реформами, и по прежнему дѣлилось на станъ приверженцевъ реформъ и на станъ защитниковъ старины. Къ тому же крѣпостное право, развившееся къ этому времени до крайнихъ предѣловъ, лишало большую часть народа не только права голоса въ защиту своихъ интересовъ, но и не давало ровно никакихъ общественныхъ правъ. Самое дворянство, это высшее и самое привилегированное сословіе, при изданіи учрежденія о губерніяхъ было какъ бы прикрѣплено къ государственной службѣ, и только черезъ десять лѣтъ получило отъ нея свободу; слѣдовательно не могло быть защитникомъ чисто земскихъ интересовъ, ибо главный и самый существенный интересъ его заключался въ государственной службѣ, служба доставляла ему и почетъ и средства увеличивать свои матеріальныя богатства, а интересы земщины еще ничего подобнаго не представляли.

Все это прямымъ своимъ послѣдствіемъ имѣло то, что реформы Екатерины II-й, въ сущности очень важныя, нисколько не подняли значенія земщины и не освободили ее отъ административной опеки; онѣ только на время поуспокоили общество, предоставя ему нѣкоторую свободу и небольшую долю мѣстнаго самоуправленія. Но и эта незначительная уступка произвела то, что общество, долго отстраняемое отъ всякаго участія въ дѣлахъ мѣстнаго управленія и суда, на первыхъ порахъ охотно устремилось къ выборнымъ должностямъ такъ что генералы считали себѣ за честь быть земскими исправниками по выбору отъ своихъ собратій дворянъ. Впрочемъ это уваженіе къ выборнымъ должностямъ охладѣло, какъ скоро узнали на практикѣ, что на этихъ должностяхъ приходится быть только орудіемъ приказной администраціи. А посему всѣ выборныя должности, за исключеніемъ должности предводителя дворянства и градскаго главы, пользовавшихся еще почетомъ, мало-по-малу перешли отъ большихъ людей къ людямъ незначительнымъ, интересующимся не столько почетомъ, сколько матеріальными выгодами, или сдѣлались скучною и тягостною общественною повинностію, отъ которой каждый сколько-нибудь значительный членъ общества старался уклониться и навязать ее слабому или недогадливому сосѣду. А съ тѣмъ вмѣстѣ выборныя общественныя должности потеряли всякое значеніе, и не только сдѣлались безгласнымъ орудіемъ администраціи, но даже было время и довольно продолжительное, что судьи и засѣдатели по выборамъ состояли почти въ подчиненіи у своихъ же секретарей, назначаемыхъ правительствомъ. Такъ что мѣстный судъ и расправа на дѣлѣ были въ рукахъ секретарей и канцеляріи, а не

судей и засѣдателей, которые особенно между купечествомъ платили деньги своимъ же секретарямъ, чтобы тѣ поступали осторожнѣе и не подводили ихъ подъ штрафъ; и тѣмъ не менѣе, по прошествіи трехлѣтняго срока службы, все-таки не обходилось дѣло безъ платежа штрафовъ, иногда довольно значительныхъ.

Такимъ образомъ реформы Екатерины II-й относительно возстановленія земщины и привлеченія сословій къ дѣламъ мѣстнаго управленія и суда рѣшительно не имѣли успѣха, и выборное начало, по существу своему родное и привычное Русской землѣ, въ узаконеніяхъ Екатерины явилось какъ бы необычною новостью, и не только не принесло той пользы, которой можно было ожидать отъ него, но даже послужило прикрытіемъ для удобнѣйшаго развитія административной и судебной дѣятельности чиновниковъ назначаемыхъ правительствомъ, которые мало-по-малу взяли подъ опеку выборныхъ представителей земщины. А посему ни дворянскія, ни городскія собранія не пріобрѣли прежняго характера земщины и прежняго значенія въ мѣстномъ судѣ и управленіи, и члены сихъ собраній, занимавшіе по выборамъ разныя административныя и судебныя должности, съ одной стороны обратились въ чиновниковъ, безъ всякой отвѣтственности передъ избравшимъ ихъ обществомъ и подобострастныхъ предъ губернаторомъ, а съ другой стороны сдѣлались почти безгласнымъ орудіемъ своихъ же канцелярій, съ единственнымъ желаніемъ какъ нибудь отбыть свою срочную службу.

Остатокъ стараго устройства земщины съ своимъ прежнимъ значеніемъ и нѣкоторою отвѣтственностію выборныхъ передъ своимъ обществомъ сохранился только въ организаціи крестьянскаго сословія, на которое ни высшая, ни низшая администрація долго не обращали вниманія, довольствуясь только разными поборами и чисто внѣшними отношеніями, и даже находя для себя въ этой организаціи нѣкоторыя удобства. А посему крестьянскія общества, даже въ настоящемъ столѣтіи, по крайней мѣрѣ въ первой его четверти, не только въ казенныхъ, но и во многихъ владѣльческихъ селеніяхъ, особенно состоявшихъ на оброкѣ, и гдѣ не жилъ самъ владѣлецъ, пользовались внутреннимъ самоуправленіемъ, чрезъ своихъ выборныхъ бурмистровъ и старостъ, точно такъ же какъ это было въ XVI и XVII столѣтіяхъ, и судились и управлялись своими исконными законами, не писанными, но передаваемыми въ обычаяхъ изъ поколѣнія въ поколѣніе и нисколько не согласными ни съ Уложеніемъ царя Алексѣя Михайловича, ни съ Петровскими, ни съ Екатерининскими узаконеніями, а напротивъ во многомъ подходящими къ Русской Правдѣ. Сама императрица Екатерина II въ устройствѣ новыхъ поселеній въ Новороссійскомъ краѣ хотѣла подражать старинному сель-

скому устройству на Руси, и въ своей инструкціи изданной отъ 31 декабря 1787 года для установленія сельскаго порядка въ казенныхъ Екатеринославскаго намѣстничества селеніяхъ, директору домоводства подвѣдомственныхъ, положила, чтобы старшины, старосты, сотскіе, десятскіе и сборщики податей были избираемы самими поселянами или изъ своей среды, или изъ кого захотятъ. Но подражаніе, какъ и должно было ожидать, далеко не отвѣчало оригиналу; выборные старшины и старосты и другіе чины по самому смыслу инструкціи были не представителями избравшаго ихъ общества, а полицейскими властями вполнѣ подчиненными директору домоводства и нисколько не отвѣчающими передъ избравшимъ ихъ обществомъ. Впрочемъ императрица Екатерина II, неудачно подражавшая бытовому устройству сельскихъ обществъ въ обществахъ заводимыхъ по административнымъ распоряженіямъ, не отрицала въ великороссійскихъ губерніяхъ нѣкоторой самостоятельности старыхъ сельскихъ общинъ, державшихся своего историческаго устройства. Такъ указомъ отъ 15 марта 1796 года она предоставила самимъ сельскимъ обществамъ судить и наказывать своихъ выборныхъ начальниковъ, не оправдавшихъ общественнаго къ нимъ довѣрія; въ указѣ прямо сказано: „людей таковаго рода, яко выбранныхъ селеніями безъ всякаго отъ высшаго начальства утвержденія, если подлинно найдутся они въ злоупотребленіи довѣрія собратій своихъ, могутъ тѣ самыя селенія, по собственному ихъ мірскому приговору, лишить данной имъ довѣренности, и взыскать съ нихъ то, что они незаконно употребили, несостоятельныхъ же отдать безъ очереди за селеніе въ рекруты". Этотъ указъ ясно говоритъ, что правительство хорошо понимало бытовое земское устройство крестьянскаго сословія, перешедшее къ народу какъ бы по наслѣдству отъ предковъ, признавало его законность и независимость (въ своемъ внутреннемъ бытѣ) отъ уѣздныхъ и губернскихъ властей поставленныхъ правительствомъ, слѣдовательно находило это устройство удовлетворительнымъ и не ощущало надобности подвергать его своимъ административнымъ регламентаціямъ, которымъ окончательно уже подчинило устройство прочихъ сословій.

Реформы въ мѣстномъ судѣ и управленіи, произведенныя императрицею Екатериною II-ю, въ главныхъ своихъ основаніяхъ оставались неизмѣнными почти до послѣдняго времени, и даже постепенно укоренялись все болѣе и болѣе, особенно съ учрежденіемъ въ 1802 году министерствъ, какъ центральныхъ вѣдомствъ съ чисто бюрократическимъ началомъ, которыя замѣнили Петровскія коллегіи, мало-по-малу вымершія въ продолженіи XVIII столѣтія, и способствовали къ развитію бюрократизма въ провинціяхъ, къ крайнему стѣсненію выбор-

ныхъ властей, наконецъ почти обратившихся въ безгласныхъ исполнителей губернаторскихъ приказаній. Тѣмъ не менѣе поворотъ къ выборному началу и къ соединенію разбитыхъ Екатерининскими учрежденіями сословій время отъ времени чувствовался самимъ правительствомъ и вызывалъ новыя узаконенія, предоставлявшія нѣкоторыя права выборнымъ отъ сословій относительно дѣлъ, касающихся мѣстнаго общественнаго интереса. Такъ отъ 2 мая 1805 года было издано положеніе объ образѣ отправленія земскихъ денежныхъ повинностей въ каждой губерніи. По этому положенію составленіе смѣты всѣхъ денежныхъ издержекъ на исправленіе земскихъ повинностей вмѣнено въ обязанность начальнику губерніи вмѣстѣ съ вице-губернаторомъ и губернскимъ предводителемъ дворянства, каковая смѣта составлялась на три года передъ наступленіемъ дворянскихъ выборовъ, и предлагалась на выборахъ собранію дворянства. Дворянское собраніе по сему положенію должно было назначить отъ себя депутатовъ, которые вмѣстѣ съ депутатами отъ городовъ (собственно отъ купечества) въ присутствіи губернатора и вице-губернатора должны по представленной дворянскому собранію смѣтѣ чинить раскладку сколько можно уравнительную по каждому состоянію на ежегодныя земскія потребности. А въ губерніяхъ, гдѣ дворянскихъ выборовъ не бываетъ, раскладка должна чиниться начальникомъ губерніи, вице-губернаторомъ и депутатами отъ городовъ. Копія съ смѣты земскихъ повинностей, которая была предъявлена дворянскому собранію, и съ раскладки, которая учинена избранными депутатами, съ поименованіемъ самихъ депутатовъ, по положенію должна была представляться министру внутреннихъ дѣлъ. Такимъ образомъ по положенію 1805 года смѣта и раскладка земскихъ повинностей, по Екатерининскому учрежденію о губерніяхъ всецѣло возложенныя на администрацію отъ короны, т.-е. на губернаторовъ, губернскія правленія и казенныя палаты, теперь частію поручены дворянству и купечеству съ непремѣннымъ впрочемъ участіемъ начальника губерніи и вице-губернатора. Потомъ правилами объ отчетности по земскимъ повинностямъ, изданными 30 апрѣля 1834 года, частная отчетность возложена въ городахъ на городскія думы, въ дворянскихъ имѣніяхъ на депутатскія собранія, въ удѣльномъ вѣдомствѣ на удѣльныя начальства и у казенныхъ крестьянъ на волостныя правленія; а повѣрка отчетовъ хозяйственная поручена дворянскому собранію при выборахъ съ участіемъ депутатовъ отъ городовъ и мѣстнаго начальника удѣльнаго вѣдомства, контрольная же казенной палатѣ и министерству финансовъ. Далѣе съ учрежденіемъ особаго управленія государственными имуществами 30 апрѣля 1838 года въ губернскій комитетъ объ уравненіи земскихъ повинностей къ прежнимъ членамъ включенъ управляющій палатою

государственныхъ имуществъ въ губерніи, какъ представитель интереса казенныхъ крестьянъ. И мало-по-малу губернскій комитетъ объ уравненіи земскихъ повинностей составился изъ представителей интересовъ почти всѣхъ сословій и вѣдомствъ подлежащихъ платежу земскихъ повинностей, и въ то же время и изъ представителей отъ правительства въ лицѣ начальника губерніи и вице-губернатора.

За попытками ввести представителей интересовъ всѣхъ податныхъ сословій въ губернскій комитетъ объ уравненіи земскихъ повинностей сдѣлана попытка обезпечить самоуправленіе казенныхъ крестьянъ. Съ этою цѣлію 30 апрѣля 1838 года издано особое учрежденіе объ управленіи государственными имуществами. Но къ сожалѣнію законодательство, кажется, приняло себѣ за образецъ Екатерининскую инструкцію 31 декабря 1787 года объ общественномъ устройствѣ въ казенныхъ селеніяхъ Екатеринославскаго намѣстничества; а посему хотя оффиціально и признало сельское и волостное самоуправленіе, но, подражая своему образцу, сильно стѣснило его разными канцелярскими формами и крайнимъ подчиненіемъ волостныхъ головъ, старшинъ и самыхъ сходокъ окружнымъ начальникамъ, назначаемымъ отъ правительства, а еще болѣе тѣмъ, что волостные головы, выбираемые на трехлѣтіе, по положенію и по истеченіи трехлѣтняго срока остаются въ своей должности на неопредѣленное время и могутъ быть уволены не иначе, какъ по представленію окружнаго начальника палатѣ государственныхъ имуществъ, и съ разрѣшенія начальника губерніи. Все это ставило волостнаго голову въ совершенно независимое положеніе отъ своихъ избирателей и обращало его въ чиновника заботившагося только о томъ, чтобы быть исправнымъ передъ начальствомъ, и такимъ образомъ парализировало настоящее значеніе выборнаго начала, состоящее въ отвѣтственности выборныхъ передъ избравшимъ ихъ обществомъ. А вслѣдъ за волостнымъ головою старшины и прочіе выборные обратились въ чиновниковъ, и получили у народа названіе міроѣдовъ. Но несмотря на ошибочное направленіе, проведенное въ учрежденіе объ управленіи государственными имуществами, это учрежденіе положило начало оффиціальнаго признанія сельскаго общества самостоятельнымъ, послѣ котораго учрежденіе патримоніальной (вотчинной) юрисдикціи при освобожденіи крѣпостныхъ крестьянъ сдѣлалось немыслимымъ.

Еще раньше попытокъ устроить сельское общество были сдѣланы попытки дать нѣсколько иной видъ городскому управленію противъ того, который ему былъ данъ Екатерининскимъ городовымъ положеніемъ; именно указомъ отъ 30 ноября 1832 года допущены къ предварительной ревизіи городскихъ расходовъ дворяне и разночинцы,

имѣющіе въ городахъ недвижимыя имущества. Но полное развитіе этого начала послѣдовало не раньше 1846 года; въ новомъ городовомъ положеніи, изданномъ 13 февраля этого года для Петербурга, и потомъ съ нѣкоторыми измѣненіями распространенномъ на Москву и Одессу, выдвинуто доселѣ отстранявшееся законодательствомъ всесословное значеніе городскаго общества. По новому положенію городская дума должна состоять изъ выборныхъ или гласныхъ отъ всѣхъ сословій, имѣющихъ недвижимую собственность въ городѣ, и изъ сословныхъ старшинъ. И такимъ образомъ симъ положеніемъ возстановлена цѣльность городскаго общества, по Екатерининскимъ узаконеніямъ разбитаго по сословіямъ, неимѣвшимъ никакой связи другъ съ другомъ. А съ другой стороны симъ положеніемъ въ первый разъ разграничены двѣ функціи въ общественномъ управленіи: 1-я совѣщательная и контролирующая, принадлежащая общей думѣ, состоящей изъ всѣхъ выборныхъ или гласныхъ отъ всѣхъ сословій, и 2-я исполнительная, возложенная на распорядительную думу, состоящую изъ десяти членовъ, избираемыхъ отъ каждаго сословія по два, подъ предсѣдательствомъ градскаго головы, избираемаго всѣми сословіями въ общемъ собраніи избирателей, и предсѣдательствующаго какъ въ распорядительной, такъ и въ общей думѣ.

Но болѣе полная реформа общественнаго устройства началась съ изданія положенія 19 февраля 1861 года объ улучшеніи быта крестьянъ. Лишь вышло это положеніе, какъ все зданіе Екатерининскихъ реформъ зашаталось, и потребовало и продолжаетъ требовать существенныхъ передѣлокъ и измѣненій согласныхъ съ коренными основами исторической жизни народа, безмолвно, но настоятельно требующей освобожденія отъ всего чуждаго и принесеннаго со стороны, и возстановленія своего исконнаго историческаго роднаго.

Уже въ самомъ положеніи 19 февраля 1861 года выступаютъ на первый планъ общинное и выборное начало и возможное отстраненіе мѣстной приказной администраціи; такъ по положенію первымъ условіемъ для крестьянъ вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости постановлено, чтобы они составляли по дѣламъ хозяйственнымъ *сельскія общества*, а для ближайшаго управленія и суда соединялись въ *волости*. Далѣе въ каждомъ сельскомъ обществѣ и въ каждой волости завѣдываніе общественными дѣлами предоставляется міру и его избраннымъ. Такимъ образомъ исконная русская форма самоуправленія сельскихъ общинъ не только признана законною, но и поставлена какъ обязательная по требованію самаго закона. А ближайшими и непосредственными наблюдателями и охранителями самоуправленія крестьянскихъ общинъ по тому же положенію поставлены не чинов-

ники назначаемые правительствомъ, а *мiровые посредники*, избираемые по опредѣленному цензу изъ потомственныхъ дворянъ того уѣзда, къ которому принадлежатъ тѣ или другiя селенiя и волости. Учрежденiемъ института мiровыхъ посредниковъ, на практикѣ вообще уже оправдавшихъ надежды возложенныя на этотъ институтъ, законодательство положило основный камень къ сближенiю сословiй и къ возстановленiю единства интересовъ всей земщины въ той или другой мѣстности. И этотъ институтъ, какъ чисто земскiй, а не приказный, почти вездѣ пришелся по душѣ сельскому населенiю, такъ что крестьяне съ полнымъ довѣрiемъ обращаются къ посредникамъ, или какъ они называютъ посредственникамъ, и остаются довольны ихъ рѣшенiями, несмотря на то, или даже въ слѣдствiе того, что посредники принадлежатъ не къ ихъ, а къ дворянскому сословiю. Вообще въ институтѣ мiровыхъ посредниковъ вѣрно угадано средство къ сближенiю дворянства и крестьянства, и такого крестьянства, которое только что освободилось отъ крѣпостной зависимости, и повидимому должно бы было питать недовѣрiе къ дворянамъ, еще недавнимъ своимъ безотчетнымъ владѣльцамъ.

Но еще обширнѣйшее поприще и вѣрнѣйшее средство къ сближенiю сословiй и къ возстановленiю значенiя земщины въ дѣлахъ общественныхъ представляетъ положенiе о губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учрежденiяхъ, Высочайше утвержденное въ 1-й день января 1864 года. Первый же параграфъ этого положенiя говоритъ, что губернскiя и уѣздныя земскiя учрежденiя образуются для завѣдыванiя дѣлами относящимися къ мѣстнымъ хозяйственнымъ пользамъ и нуждамъ каждой губернiи и каждаго уѣзда. Во второмъ же параграфѣ исчисляются слѣдующiе разряды дѣлъ подлежащихъ вѣдѣнiю земскихъ учрежденiй: 1-е, завѣдыванiе имуществами, капиталами и денежными сборами земства; 2-е, устройство и содержанiе принадлежащихъ земству зданiй, другихъ сооруженiй, путей сообщенiя, содержимыхъ на счетъ земства; 3-е, мѣры обезпеченiя народнаго продовольствiя; 4-е, завѣдыванiе благотворительными земскими заведенiями и прочiя мѣры призрѣнiя, способы прекращенiя нищенства, попеченiе о построенiи церквей; 5-е, управленiе дѣлами взаимнаго земскаго страхованiя имуществъ; 6-е, попеченiе о развитiи мѣстной торговли и промышленности; 7-е, участiе, преимущественно въ хозяйственномъ отношенiи и въ предѣлахъ, закономъ опредѣленныхъ, въ попеченiи о народномъ образованiи, о народномъ здравiи и о тюрьмахъ; 8-е, къ предупрежденiю падежей скота, а также по охраненiю хлѣбныхъ посѣвовъ и другихъ растенiй отъ истребленiя саранчею, сусликами и другими вредными насѣкомыми и животными; 9-е, исполненiе возложенныхъ на земство потребностей воинскаго и гражданскаго управленiй и участiе

въ дѣлахъ о почтовой повинности; 10-е, раскладка тѣхъ государственныхъ денежныхъ сборовъ, разверстаніе которыхъ по губерніи и уѣздамъ возлагается на земскія учрежденія на основаніи изданныхъ о томъ узаконеній или особыхъ распоряженій Высочайшею властію утвержденныхъ; 11-е, назначеніе, раскладка, взиманіе и расходованіе, на основаніи устава о земскихъ повинностяхъ, мѣстныхъ сборовъ для удовлетворенія земскихъ потребностей губерніи или уѣзда; 12-е, представленіе чрезъ губернское начальство высшему правительству свѣдѣній и заключеній по предметамъ, касающимся мѣстныхъ хозяйственныхъ пользъ и нуждъ губерніи или уѣзда и ходатайство по симъ предметамъ, также чрезъ губернское начальство; доставленіе по требованію высшихъ правительственныхъ учрежденій и начальниковъ губерній свѣдѣній до земскаго хозяйства относящихся; 13-е, производство выборовъ въ члены и другія должности по земскимъ учрежденіямъ и назначеніе суммъ на содержаніе этихъ учрежденій, и 14-е, дѣла, которыя будутъ ввѣрены земскимъ учрежденіямъ, на основаніи особыхъ уставовъ, положеній или постановленій". Изъ этого исчисленія дѣлъ подлежащихъ вѣдѣнію земскихъ учрежденій ясно, что учрежденія сіи должны тѣсно сблизить другъ съ другомъ жизненными интересами всѣ сословія данной мѣстности, губерніи или уѣзда. А личный составъ земскихъ собраній и управъ утвержденныхъ настоящимъ положеніемъ вызываетъ еще на большія сближенія сословій: по 14 параграфу положенія „уѣздное земское собраніе составляется изъ земскихъ гласныхъ, избираемыхъ: а) уѣздными землевладѣльцами, б) городскими обществами и в) сельскими обществами. А выборъ въ уѣздные гласные производится: а) на съѣздѣ уѣздныхъ землевладѣльцевъ, б) на съѣздѣ городскихъ избирателей и в) на съѣздѣ выборныхъ отъ сельскихъ обществъ. Губернскія же земскія собранія, по 51 параграфу положенія, составляются изъ гласныхъ, избираемыхъ уѣздными земскими собраніями. Выборъ гласныхъ какъ въ уѣздныя, такъ и въ губернскія земскія собранія производится на трехгодичный срокъ. А такъ какъ засѣданія уѣздныхъ земскихъ собраній по закону допускаются ежегодно только на десятидневный срокъ, а губернскихъ собраній на двадцатидневный, то законъ для постоянной и непрерывной дѣятельности земства назначилъ особые постоянные органы губернскихъ и уѣздныхъ собраній подъ названіемъ губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ управъ. „По 46 параграфу: уѣздная земская управа составляется изъ предсѣдателя и двухъ членовъ, избираемыхъ на три года уѣзднымъ земскимъ собраніемъ изъ числа участвующихъ въ немъ лицъ; но въ случаѣ нужды собранія могутъ увеличивать число избираемыхъ членовъ управы до 6. Губернская же земская управа по 56 параграфу состоитъ изъ

председателя и шести членовъ, избираемыхъ на три года губернскимъ земскимъ собраніемъ изъ своей среды".

Здѣсь не мѣсто входить въ подробности положенія 1-го января 1864 года о земскихъ учрежденіяхъ, но и изъ того, что уже представлено, достаточно можно видѣть, что симъ положеніемъ земству дается довольно простора къ сближенію сословій другъ съ другомъ въ общей дѣятельности, что симъ положеніемъ возстанавливается значеніе забытой у прежнихъ правительствъ земщины. Начиная съ Уложенія 1648 года, законодательство въ продолженіи двухъ сотъ лѣтъ, постоянно заботившееся о разъединеніи земщины и раздѣленіи сословныхъ интересовъ, съ положенія о земскихъ учрежденіяхъ вступаетъ въ новый фазисъ,—сближенія сословій въ общихъ интересахъ и доставленія земщинѣ средствъ дѣйствовать въ дѣлахъ общественныхъ цѣльно, а не въ разсыпную по сословіямъ, какъ дѣлалось въ продолженіе предшествовавшихъ двухъ сотъ лѣтъ. Какъ пойдутъ земскія учрежденія, по новости дѣла въ настоящее время ничего еще нельзя сказать опредѣлительнаго; нужно ждать по крайней мѣрѣ окончанія трехгодичнаго срока первыхъ земскихъ выборовъ. Но судя по строю цѣлаго института земскихъ учрежденій, кажется, нельзя сомнѣваться, что выборное начало въ нынѣшнихъ земскихъ учрежденіяхъ не подвергнется той участи, которой оно подверглось въ реформахъ Екатерины II-й. Какія бы неудачи на первыхъ порахъ не встрѣтили настоящій институтъ, но его вынесетъ сродство его съ древнимъ историческимъ институтомъ земщины на Руси, это сродство поможетъ ему укорениться въ русскомъ народѣ и принести обильные плоды на благо Русской земли; молчаливыя и терпѣливыя ожиданія Русской земли начинаютъ сбываться, правительство наконецъ постигло истинную свою задачу. Теперь череда обществу правильно исполнить свои обязаности.

Ив. Бѣляевъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

2-50

